

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

Безрассудная Джилл
Несокрушимый Арчи
Любовь со взломом

Библиотека классики (АСТ)

Пелам Гренвилл Вудхаус

**Безрассудная Джилл.
Несокрушимый Арчи.
Любовь со взломом**

«Издательство АСТ»

1921

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Безрассудная Джилл. Несокрушимый Арчи. Любовь со взломом
/ П. Вудхаус — «Издательство АСТ», 1921 — (Библиотека
классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-160995-5

Жизнерадостные юноши с честными намерениями и отличным чувством юмора отважно штурмуют крепости, за стенами которых скрываются их возлюбленные. И ревнивые отцы, охраняющие дочерей от назойливых соискателей руки и сердца, — лишь маленькое пятнышко на голубом небосклоне любовной идиллии. Но пятнышко может превратиться в грозовую тучу, и тогда... Влюбленных героев Вудхауса не страшат трудности, и, насвистывая водевильный мотивчик, джентльмены преодолевают все препятствия на пути к супружескому счастью.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-160995-5

© Вудхаус П., 1921
© Издательство АСТ, 1921

Содержание

Безрассудная Джилл[1]	6
Глава 1. Божье наказание	6
Глава 2. Премьера в театре «Лестер»	21
Глава 3. Джилл и незнакомец спасаются бегством	28
Глава 4. Последний из Руков спешит на помощь	32
Глава 5. Леди Андерхилл испытывает шок	42
Глава 6. Дядюшка Крис выходит из себя	51
Глава 7. Джилл спешит на поезд	65
Глава 8. Москательщики подрывают решимость Дерека	73
Глава 9. Джилл разыскивает дядю	80
Глава 10. Джилл идет напролом	87
Глава 11. Любовный жар мистера Пилкингтона	93
Глава 12. Дядя Крис заимствует квартиру	103
Глава 13. Прибытие посла	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Пелам Вудхаус

Безрассудная Джилл. Несокрушимый

Арчи. Любовь со взломом

Pelham Grenville Wodehouse

Jill the Reckless

Indiscretions of Archie

A Gentleman of Leisure

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1910, 1920, 1921

© Перевод. А. Круглов, 2023

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Безрассудная Джилл¹

Глава 1. Божье наказание

1

На сервированный к завтраку стол Фредди Рук смотрел холодно. Его сверкающий монокль обратился к тарелке, на которую верный слуга положил какую-то гадость.

– Баркер! – в голосе Фредди слышалась нотка боли.

– Сэр?

– Что это, Баркер?

– Яйцо-пашот, сэр.

Фредди с содроганием отвел взгляд.

– Моя старая тетка, один в один... Уберите это!

Поднявшись из-за стола, Фредди ретировался поближе к огню. Запахнул полами халата длинные ноги, прижался икрами к каминной решетке и окинул взглядом комнату, блаженный холостяцкий оазис в стильном туманном Лондоне. Спокойные серые обои и серебро на бело-снежной скатерти радовали глаз.

– Яйца, Баркер, – задумчиво изрек Фредди, – это решающая проба.

– Вот как, сэр?

– Если наутро не спасуешь перед яйцом-пашот, все с тобой в порядке. Если нет, то нет, кто бы что ни говорил.

– Так и есть, сэр.

Фредди со вздохом прижал ладонь ко лбу.

– Выходит, покутил я прошлым вечером от души. Даже, пожалуй, накачался слегка. Не то чтобы в дымину, однако накачался. Сильно я шумел, когда вернулся?

– Нет, сэр. Вошли очень тихо.

– Угу. Паршивый признак.

Шагнув к столу, накрытому на двоих, Фредди налил себе чашку кофе.

– Сливки справа от вас, сэр, – подсказал услужливый Баркер.

– Пускай там и остаются. Сегодня с утра – только *café noir*. Самый черный, чернее некуда! – Отступив к камину, Фредди сделал осторожный глоток. – Насколько я помню, вчера у Ронни Деверо был день рождения или...

– У мистера Мартина, вы сказали, кажется.

– Ага, точно, у Элджи Мартина, а мы с Ронни зашли в гости. Теперь припоминаю. Я звал и Дерек поддержать компанию – они с Ронни еще не знакомы, – но он отказался. Ну понятно, с его-то ответственным положением – член парламента и все такое... А кроме того, – Фредди назидательно покачал ложечкой, – Ронни помолвлен. Не забывайте об этом, Баркер!

– Не забуду, сэр.

– Порой меня и самого тянет к алтарю, – мечтательно добавил Фредди. – Чтобы какая-нибудь славная девушка присматривала за мной и... О нет, только не это, я же на стенку полезу! Сэр Дерек уже встал, Баркер?

– Одевается, сэр.

¹ © Перевод А. Круглова.

– Баркер, вы уж позаботьтесь, чтобы все было на высоте, в смысле завтрак и прочее. Пускай заправится как следует, ему потом на Чаринг-Кросс, матушку встречать – она на всех парах мчится домой с Ривьеры.

– В самом деле, сэр?

Фредди покачал головой.

– Знай вы ее, не говорили бы так легкомысленно! Ладно, еще повидаетесь: сегодня она с нами обедает.

– Понял, сэр.

– Мисс Маринер тоже будет – обед на четверых. Скажите миссис Баркер, чтоб засучила рукава и угостила нас на славу: суп, рыба, ну и так далее – она в курсе. Откупорьте бутылочку мальвазии самого старого урожая, сегодня особый случай!

– Ее милость увидит мисс Маринер впервые, сэр?

– Вы ухватили самую суть! Первый выход на сцену, первое не бывает. Так сплотим же наши ряды, и вперед к успеху!

– Не сомневайтесь, сэр, миссис Баркер не пожалеет сил. – Баркер двинулся к выходу, унося отвергнутое яйцо, но отступил, пропуская в комнату рослого, плечистого молодого человека лет тридцати. – Доброе утро, сэр Дерек!

– Салют, Баркер!

Камердинер тихо выскользнул за дверь, и Дерек Андерхилл уселся за стол. Стройный красивый брюнет с волевым чисто выбритым лицом, он был из тех, кого заметишь в любой толпе. Разве что слишком тяжелые брови создавали иногда впечатление неприветливости, однако женщин это не отталкивало, и Дерек они обожали. Мужчины – не слишком, за исключением Фредди Рука, который на него чуть ли не молился. Они окончили одну школу, но Фредди на несколько лет позже.

– Уже позавтракал? – спросил Дерек.

Фредди бледно улыбнулся.

– Завтрак сегодня не для меня грешного. Дух бодрился, но старушка плоть отказалась наотрез. Если начистоту, последний из Руков скорбен головой.

– Ну и дурак.

– Капля сочувствия была бы уместнее, – с укором заметил Фредди. – Твой приятель совсем плох. Неизвестно кто поместил ему под скальп молотилку, а язык заменил наждачной бумагой. Желтый туман в глазах, все ходит ходуном...

– Сам виноват, что надрался вчера.

– Так ведь у Элджи Мартина день рождения был!

– Будь я ослом вроде Элджи, – хмыкнул Дерек, – не стал бы рекламировать факт своего рождения. Такое лучше держать в тайне.

Фредди с завистливым ужасом наблюдал, как гость накладывает себе щедрую порцию рыбы с рисом и яйцами. Когда Дерек стал есть, зрелище окончательно добило страдальца, и он отошел к окну.

– До чего же скверный денек!

Погода и впрямь стояла отвратительная. Январь, этот хмурый месяц, обходился с Лондоном по обыкновению сурово. С самого рассвета накатывал волнами речной туман и густел, становясь из жемчужно-белого грязно-бурым, налипая на окна и стекая темными ручейками.

– Да, просто ужас, – согласился Дерек.

– Поезд наверняка задержится.

– Да уж, как назло. Встречать поезда и без того тошно, а тут еще ошивайся битый час на сквозняке.

– Легко себе представить, – продолжил Фредди свою мысль, – как взбесит нашу милую старушку подобное промедление. – Он вновь поплелся к камину и задумчиво потерся плечом о каминную полку. – Как я понимаю, ты написал ей о Джилл?

– Конечно. Потому, я думаю, она и приезжает. Ты, кстати, взял билеты в театр на сегодня?

– Да. Три места рядом и одно на галерке. Если ты не против, старина, оно достанется мне.

Дерек, который уже покончил с рыбой и теперь оскорблял взор болящего тостами с апельсиновым джемом, весело рассмеялся.

– Вот же заячья душа! С чего ты вдруг так боишься моей матери?

Фредди смотрел на него, словно робкий юный оруженосец на святого Георгия перед битвой с драконом.

Восторженный от природы, он был склонен превозносить своих друзей. В Винчестерской школе, состоя у Дерек на посылках, почитал его как героя и отношения с тех пор не изменил, да и причин для этого не было, наоборот. После школы Дерек творил настоящие чудеса. С отличием окончил Оксфорд, а теперь заседал в Палате Общин, был замечен лидерами своей партии и имел блестящие перспективы. Великолепный игрок в поло, отличный стрелок... Однако главным его достоинством, восхищавшим Фредди до глубины души, была воистину львиная отвага, которая проявилась и в нынешней ситуации.

Вот он сидит и безмятежно поглощает тосты с джемом в то самое время, как поезд уже мчит леди Андерхилл из Дувра в Лондон! Так адмирал Дрейк беззаботно играл в шары в виду испанской Армады.

– Куда мне до тебя! – Фредди благоговейно покачал головой. – Не знаю, как бы я на твоём месте смотрел в глаза матери, которая только что узнала о помолвке сына неизвестно с кем. Лучше уж повстречать раненого тигра.

– Глупости, – усмехнулся Дерек.

– Ты пойми, я не хочу сказать ничего плохого о твоей любимой матушке, но факт есть факт: я боюсь ее до смерти – еще с тех пор как гостил у вас в детстве. Видел бы ты, как она глянула в то утро, когда я чисто случайно угодил яблоком в окно ее спальни, хотя метил в кошку на подоконнике. Между нами было не меньше десятка шагов, но, будь я проклят, тот взгляд разил как пуля!

– Ты не нажмешь на звонок, старина? Хочу еще тостов.

– Приговоренный завтракал с аппетитом, – пробормотал Фредди, исполняя просьбу. – Баркер, добавьте тостов, – велел он, когда образцовый слуга возник в дверях. – Вот она, истинная доблесть!

Дерек качнулся на стуле, откинувшись на спинку.

– Когда мама увидит Джилл, точно ее одобрит.

– Когда увидит! Ха! То-то и оно, приятель, в том-то и беда, что еще не видела, а месяц назад и не подозревала о ее существовании! Мы-то с тобой знаем, что Джилл – лучшая из лучших и в нашем королевстве все прекрасно... Черт возьми, я же рос с ней рядом! Резвились вместе на лужайке и все такое. Как-то раз, лет в двенадцать, окатила меня из садового шланга, и мой лучший воскресный костюм разом подешевел вчетверо. Такое сближает, сам понимаешь. Я-то всегда знал, что она – супер. Только вот родительнице твоей предстоит самой это обнаружить. Чертовски жаль, что у Джилл нет отца с матерью или кого-то в этом роде, чтобы прикрыть ей спину. Один в поле не воин, ясное дело, а у нее только дядька. Мутноватый тип... ты его видел?

– Пару раз. Мне он нравится.

– Так-то да, славный старикан, душа-человек, но те, кто знал его в прежние времена, говорят всякое. Даже теперь я трижды подумаю, прежде чем сяду с ним за карты. На днях нагрел юного Трипвуда в пикет на тридцатку и глазом не моргнул – тот жаловался. А последнее время, по словам Джимми Монро с фондовой биржи, всю крутится на этой, как там ее зовут

в Сити... марже, вот. Кстати, Джимми и меня уговорил вложиться в какие-то «Объединенные краски». Я в этой их марже не силен, но Джимми уверяет, что дельце верное, можно неплохо приподняться... О чем это я? Да, старик Сэлби! Само собой, он джентльмен, но, пока Джилл не упрочит свои позиции, я не стал бы распространяться о нем перед твоей матушкой.

– Наоборот, – возразил Дерек, – первым делом упомяну. Он знал моего отца еще в Индии.

– Да ну, серьезно? Тогда совсем другое дело!

Вошел Баркер с тостами, и Дерек возобновил завтрак.

– Поначалу с мамой может быть непросто, – признал он нехотя, – но через пять минут, уверен, все наладится.

– Понятное дело... но, черт побери, эти пять минут... – Фредди зловеще прищурился сквозь монокль. Сглотнул раз-другой, собираясь с духом. – Первые пять минут! – повторил он и вновь умолк, а затем вдруг выпалил, решившись: – А знаешь, давай-ка и я с тобой!

– Что?

– Поеду на вокзал.

– С какой стати?

– Помогу тебе начать – разбить лед и все такое... Прикрою спину, подставлю дружеское плечо. Окажу моральную поддержку. Только свистни – тебя не заставлю я ждать.

Тяжелые брови Дерек сошлись, лицо потемнело. Непрошенная помощь задевала его достоинство. Такие приступы капризного раздражения случались с ним время от времени и не слишком вязались с героической внешностью.

– Очень любезно с твоей стороны... – начал он холодно.

Фредди кивнул, от души соглашаясь.

– Может, кто-то и ответил бы: «Да что там, ерунда», – перебил он, – но только не последний из Руков. Между нами, старина, должен признаться, что это мой главный подвиг за последний год! Будь я проклят, если решусь на такое ради кого-то другого.

– Ты слишком добр, Фредди...

– Да ладно, что уж там. Одно доброе дело в день – закон для бойскаута.

– Нет-нет, тебе на вокзале делать нечего. – Дерек поднялся из-за стола. – Партийные дебаты о Джилл на платформе Чаринг-Кросс неуместны.

– Да я просто буду на подхвате, чтобы тактично вставить словечко-другое...

– Вздор!

– Ты пойми, идея в том...

– Ни в коем случае!

– Ну, как знаешь, – скис Фредди. – Твое дело, тебе решать. Только не забывай, приятель: один в поле не воин!

2

Дерек с сердитым ворчанием бросил окурок сигары. Под сводами вокзала Чаринг-Кросс царила обычная суета. Тележки носильщиков гремели подобно колесницам Джаггернаута, в гудках опоздавших поездов слышалась радость возвращения, а менее удачливые их собратья нехотя уползали во мрак под адский грохот сигнальных петард. Там, снаружи, туман клубился все так же, и стылая морось отдавала на вкус медью. Уличный транспорт двигался похоронным шагом под аккомпанемент хриплых окликов и аварийного скрежета. Пробившись было сквозь мглу, солнце зависло в небе апельсиновым шаром, но вскоре мир вновь утонул в промозглом сумраке с налетом таинственности и романтики, за которые только и можно вытерпеть лондонский туман.

Долгое ожидание и скверная погода испортили Дереку настроение, и решимость, выказанная за завтраком, окончательно растаяла. Предстоящая встреча тревожила не на шутку. При всем своем показном спокойствии и смелости речей, в глубине души Дерек Андерхилл боялся матери.

Некоторые мужчины, к числу которых принадлежал и он, так и остаются одной ногой в детской. Они могут отложить игрушки, добиться богатства и успеха, но жизнью их все так же управляет рука, качавшая колыбель.

Меряя шагами платформу, Дерек развернулся... и замер как вкопанный, закипая от ярости. К нему шагал, сияя улыбкой над воротником клетчатого пальто, преданный друг, больше чем брат, сама услужливость и жертвенность. Как верный пес, что вопреки команде следует за хозяином, выглядывая из-за угла и прячась за фонарными столбами, Фредди Рук все-таки явился на вокзал. А с ним, к полному отчаянию Дерек, и двое неразлучных сподвижников – Ронни Деверо и Элджи Мартин.

– Вот и мы, старина! – Фредди ободряюще похлопал Дерек по плечу. – Конечно, ты не велел, но я догадался, что это не всерьез. Обдумал все, когда ты ушел, и понял, как низко было бы бросить тебя в трудный час. Надеюсь, ты не против, что Ронни с Элджи тоже заскочили? Уж очень я дрейфил... твоя матушка, знаешь ли, начисто парализует мои нервные центры. Вот и прихватил друзей – встретил на Пикадилли возле клуба и мобилизовал обоих с их любезного согласия. Мы слегка взбодрились в забегаловке на Хеймаркете и теперь готовы к любым подвигам. Ребята в курсе и будут стоять за тебя насмерть. Один в поле не воин, приятель, вот наш девиз!

– Именно! – подхватил Ронни.

– В точку! – согласился Элджи.

– Прикроем спину на первых порах, – продолжал Фредди, – и быстренько уберемся. Поддержим легкую, приятную беседу...

– Не уклоняясь в болезненное русло, – вставил Ронни.

– Подальше от щекотливых тем, – пояснил Элджи.

– Да, в таком вот разрезе, – кивнул Фредди. – Попробуем... Черт возьми, а вот и поезд! – Голос его дрогнул. Даже двоих союзников в столь тяжком испытании показалось вдруг маловато, но героическим усилием воли он взял себя в руки. – Вперед, герои! – провозгласил он. – Плечом к плечу! Враг не пройдет!

– Ни шагу назад! – откликнулся Ронни.

– Ни за что! – согласился Элджи.

3

Портовый экспресс плавно вкатился под своды вокзала. Звякнул колокол, труба локомотива изрыгнула пар, загомонили носильщики, задребезжали багажные тележки. По одному, по двое, а затем сплошным потоком полились из вагонов вялые и бледные пассажиры, измученные качкой на бурных волнах Ла-Манша. Среди всеобщей меланхолии выделялась дама с орлиным профилем в коричневом пальто с пелериной, громко поучавшая робкую юную служанку. Голос дамы вспарывал сырой воздух лезвием ножа. Бледная как все, сдаваться она не собиралась. Никто не догадался бы по манерам леди Андерхилл, что вокзальная платформа ходит ходуном у нее под ногами, словно палуба корабля.

Дерек двинулся вперед, остро сознавая присутствие Фредди, Ронни и Элджи на флангах.

– Мама! Наконец-то!

– Дерек!

Дерек поцеловал мать. Фредди, Ронни и Элджи приблизились крадучись, подобно леопардам. Нервно сглотнув раз-другой, Фредди ринулся в атаку, будто возглавлял отряд смертников:

– Добрый день, леди Андерхилл!

– Добрый день, мистер Рук!

Леди кивнула сухо, не выказав особого удовольствия. Последнего из Руков она недолюбливала. Допуская наличие у Всевышнего некоего замысла при создании Фредди, постигнуть оный она так и не смогла.

– Рад представить вам своих друзей, – пролепетал Фредди. – Леди Андерхилл – мистер Деверо...

– Счастлив познакомиться, – приветливо кивнул Ронни.

– Мистер Мартин...

– Я очарован, – поклонился Элджи со старомодной любезностью.

Леди Андерхилл окинула нашествие ледяным взглядом.

– Добрый день! – кивнула она. – Встречаете кого-то?

– Я... мы, собственно... ну... – Под взглядом этой женщины Фредди всегда казалось, будто его выпотрошил чучельник-недоучка. Зря он пошел на поводу у благородных чувств и покинул уютное гнездышко в Олбани. Пускай бы Дерек управлялся сам! – Я... то есть мы... приехали встречать вас.

– Вот как? Весьма любезно с вашей стороны!

– О, пустяки!

– Решили поприветствовать вас на старой доброй родине, – уточнил Ронни, просяив улыбкой.

– Нам только в радость, – добавил Элджи безмятежно, доставая из портсигара исполинскую «гавану». Зачем было Фредди поднимать такой переполох из-за милой пожилой дамы? – Не возражаете, если я закурю? Сыровато сегодня, нездорово для легких.

Дерек беспомощно кипел. Непрошенные союзники усложнили ситуацию в тысячу раз. Более наблюдательный, чем юный Мартин, он уже разглядел жесткие складки у матери возле рта – верный признак опасности. Однако, чтобы снять напряжение, можно было выбрать тему и поудачнее.

– Как прошло плавание через Ла-Манш, мама?

Леди Андерхилл поморщилась. Ветерок донес сигарный аромат. Она прикрыла глаза, бледности на ее лице прибавилось, и Фредди невольно посочувствовал бедняжке. Пускай она язва и ехидна, снисходительно размышлял он, но все-таки жаль старушку – совсем что-то скисла. Изголодалась, должно быть. Надо бы поскорей отвезти ее в ресторан и усадить перед чашкой бульона... а пока чем-нибудь отвлечь!

– Что, укачало слегка? – жизнерадостно воскликнул он, и нервную систему леди Андерхилл пронзило будто электрическим током. – Так и думал, что вам придется помучиться, когда читал прогноз в газете! Поболтало, выходит, старую калошу.

Леди Андерхилл испустила слабый стон. Фредди отметил, что вид ее стал еще кислее.

– Загадочное местечко этот Ла-Манш, – задумчиво произнес Элджи Мартин, выпуская освежающее облако дыма. – Знавал я ребят, которых ничто не брало – мыс Горн огибали под парусом и все такое – но в Ла-Манше едва не отдавали богу душу. В буквальном смысле слова! Никто не знает почему – чудеса да и только.

– Точь-в-точь про меня, – подхватил Ронни Деверо. – Эта чертова морская переправа – просто наказание какое-то, каждый раз валит с ног. Поднимаюсь на борт в Кале, налитый по уши снадобьями от морской болезни, и думаю, что теперь-то буду молодцом, но через десять минут в глазах темнеет, а потом слышу: «А вот и Дувр!»

– Со мной то же самое, – покивал Фредди, радуясь, как гладко катится беседа. – То ли машинная гарь, то ли...

– Да ну, вряд ли в этом дело, – возразил Ронни, – с чего бы вдруг? Мне вот даже нравится запах машинного масла. Здесь, на вокзале, он буквально всюду, а я дышу с удовольствием. – Он блаженно повел носом. – Там что-то другое.

– Ты прав, Ронни, – тепло улыбнулся Элджи. – Дело не в масле, а в том, что палуба под ногами ходит вверх-вниз. То вверх, то вниз. Вверх-вниз...

Он перебросил сигару в левую руку, а правой вдохновенно изобразил, как паром качается на волнах – вверх-вниз, вверх-вниз... Открыв наконец глаза, леди Андерхилл узрела живую картину и тут же зажмурилась снова.

– Хватит! – нервно воскликнула она.

– Я только хотел...

– Молчите!

– Как скажете, – надулся он.

Леди Андерхилл боролась с собой, но вскоре открыла глаза: железная сила воли по обыкновению убила слабую плоть и заставила рассудок признать вопреки свидетельству чувств, что под ногами не палуба, а твердая платформа.

Беседа прервалась. Элджи был обескуражен и временно выведен из строя, а у друзей не нашлось пока нужных слов.

– Видно, нелегко тебе пришлось, мама, – заговорил Дерек. – Поезд так запоздал...

– А кстати, ведь и в поезде может укачать! – воспрянул к жизни Элджи. – Многие жалуются... хотя сам я никогда их не понимал.

– Со мной такого отродясь не бывало, – поддержал Ронни.

– А вот меня частенько в поезде прихватывает, – откликнулся Фредди. – Мутит, в глазах темно, пятна какие-то...

– Мистер Рук!

– А?

– Буду премного обязана, если вы побережете эти откровения для своего лечащего врача!

– Фредди, – поспешил вмешаться Дерек, – мама сильно утомлена! Не мог бы ты пойти вперед и поймать такси?

– Само собой, дружище, мигом обернусь! Потопали, Элджи! Шевели копытами, Ронни!

И Фредди зашагал прочь в компании приспешников, весьма довольный, что помог Дереку разбить лед и прикрыл спину друга в первые неловкие минуты. Теперь можно было с легким сердцем ретироваться и подзакусить.

Леди Андерхилл проводила молодых людей горящими глазами. Маленькие, пронзительные и черные, они отличались от больших и карих у Дерека, но в остальном родство матери и сына было неоспоримо: та же длинная верхняя губа и тонкие сжатые губы, решительный подбородок и крупный прямой нос – фамильные черты Андерхиллов, которые вступали в мир, будто шли в атаку боевым клином.

– Еще немного, – прошипела леди, – и эти несносные субъекты отведали бы моего зонтика! Никогда не могла понять, Дерек, почему ты выбрал в друзья этого слабоумного Рука?

– Скорее уж, он меня выбрал, – примирительно улыбнулся Дерек. – Фредди не так уж плох, надо только узнать его поближе.

– Слава небесам, я в этом не нуждаюсь!

– Очень добр к тому же, – добавил сын, – пустил вот меня к себе в Олбани, пока наш дом сдается. Между прочим, еще и взял нам билеты на сегодняшнюю премьеру... и пригласил перед театром к себе на обед. – Дерек на миг замялся. – Джилл тоже там будет, – добавил он,

решившись наконец произнести имя невесты, и с облегчением перевел дух. – Ей не терпится тебя увидеть.

– Могла бы уже увидеть.

– Хочешь сказать, здесь, на вокзале? Ну... я хотел, чтобы вы познакомились в более приятной обстановке.

– Ясно! – фыркнула леди Андерхилл.

Печально сознавать, что от излишней осмотрительности мы страдаем в жизни не меньше, чем повинуюсь внезапным душевным порывам. Не будь жених столь благоразумен и возьми Джилл с собой на вокзал, многих неприятностей удалось бы избежать. Конечно, на первых порах леди Андерхилл была бы неприветлива, зато в ней не проснулись бы тревожные подозрения, а точнее, не окрепли бы, превратившись в твердую уверенность в самом худшем. Своей осторожной дипломатией Дерек лишь убедил мать, что такую избранницу без подготовки не покажешь.

Леди Андерхилл пристально взглянула на сына.

– Кто она? Кто эта девушка?

Дерек вспыхнул.

– Кажется, я все ясно изложил в письме!

– Мне ничего не ясно.

– Посторонись! – донеслось сзади, и багажная тележка разлучила мать с сыном.

– Ну как разговаривать в такой толчее! – раздраженно бросил Дерек. – Сядем в такси, доедем до отеля... Что ты хочешь узнать о Джилл?

– Все! Откуда она, кто ее родители? Ни с какими Маринерами я не знакома.

– Допросов я не устраивал, – поджал губы Дерек. – Знаю только, что родителей ее нет в живых. Отец был из Америки...

– Американец!

– Полагаю, у них тоже иногда рождаются дочери.

– А вот раздражаться совсем ни к чему, – заметила леди Андерхилл с железным хладнокровием.

– По-моему, ни к чему весь этот разговор, – парировал Дерек, гадая с досадой, почему мать вечно выводит его из себя. Как тут ощутишь себя скалой, что невозможно высится над людскими слабостями! – Мы с Джилл помолвлены, и дело с концом.

– Глупости! – бросила леди Андерхилл, отступая перед очередной тележкой носильщика. – Ты прекрасно знаешь, – возобновила она атаку, – что твой брак – дело первостепенной важности для меня и всей нашей семьи.

– Послушай, мама! – От долгого ожидания на сквозняке раздражение одержало верх над сыновним почтением, закрепленным долгими годами поражений в битве характеров. – Давай я коротко изложу все, что знаю о Джилл, и оставим эту тему. Во-первых, она из хорошей семьи. Во-вторых, у нее полно денег...

– Андерхиллам нет нужды жениться на деньгах!

– Я не на деньгах женюсь!

– Хорошо, продолжай.

– Ее внешность я тебе уже описал – очень приблизительно, хоть и старался. А насколько она мила и прелестна, о ее неповторимых достоинствах будешь судить сама.

– Непременно!

– Вот и хорошо... Живет она у своего дяди, майора Сэлби...

– Майор Сэлби? В каком он полку?

– Я не спрашивал! – сердито фыркнул Дерек. – Ну какая к чертям разница? Если тебя беспокоит его репутация, добавлю, что он был знаком с моим отцом!

– Что? – взметнула брови мать. – Когда? Где?

– Давно, в Индии, когда отец служил в Шимле.

– Сэлби... Сэлби... Не Кристофер ли Сэлби?

– О, ты его помнишь?

– Еще бы! Сама не была знакома, но твой отец не раз его поминал.

Дерек вздохнул с облегчением. Неприятно, что такие мелочи имеют значение, но увы, для его матери – имеют. То, что покойный отец знал дядюшку Джилл, все меняет.

– Кристофер Сэлби... – задумалась леди Андерхилл. – Ну да, я частенько слышала о нем. Тот самый, что задолжал отцу в карты, а потом расплатился чеком, который не приняли в банке.

– Что?

– Не расслышал? Могу повторить!

– Тут какая-то ошибка!

– Только со стороны твоего отца, который доверился этому типу.

– Должно быть, мы говорим о разных людях.

– Ну, разумеется! – усмехнулась леди Андерхилл. – Ведь твой отец знал сотни Кристоферов Сэлби!

Дерек закусил губу.

– В конце концов, – упрямо начал он, – правда это или нет...

– С какой бы стати твоему отцу лгать?

– Ну хорошо, пускай правда... только какая разница? Я женюсь на Джилл, а не на ее дяде!

– Тем не менее, было бы приятнее, не окажись ее единственный родственник жуликом!

Скажи, где и как ты познакомился с этой девицей?

– Буду рад, если ты прекратишь называть Джилл «этой девицей». Ее фамилия, если ты забыла, Маринер.

– Ну и где же ты познакомился с мисс Маринер?

– У «Принца», сразу после твоего отъезда в Ментону. Меня представил Фредди Рук.

– О, твой смысленный друг ее знает?

– Они дружат с детства. Их семьи жили рядом в Вустершире.

– Насколько я помню, ты говорил, она американка.

– Я говорил про ее отца. Он переехал в Англию, и Джилл не была в Америке лет с восьми-девяти.

– Дружбу с мистером Руком не назовешь блестящей рекомендацией.

Дерек сердито пнул коробок спичек, валявшийся на платформе.

– Мама, уясни себе наконец, что я женюсь на Джилл, а не нанимаю ее в горничные! Никакие, как ты выражаешься, рекомендации ей не нужны... Так или иначе, тебе не кажется разумным дождаться совместного обеда и составить о ней собственное мнение? Наша бессмысленная дискуссия начинает меня утомлять.

– Похоже, ты совершенно не способен разговаривать об этой девице без грубостей, так что, пожалуй, соглашусь. Будем надеяться, что первое впечатление окажется благоприятным. Оно всегда самое верное – знаю по опыту.

– Рад, что ты так думаешь, потому что я влюбился в Джилл с первого взгляда.

4

Баркер отступил на шаг и со скромной гордостью окинул взглядом обеденный стол, на который наносил последние штрихи. Мастерская работа, что и говорить.

– Все! – с удовлетворением кивнул он.

Он подошел к окну. К вечеру туман наконец рассеялся, и ясное небо светилось звездами. Со стороны Пикадилли доносился отдаленный уличный шум.

В глубине квартиры раздался дверной звонок и больше не умолкал, настойчиво повторяясь. Если угадывать характер по звонку, как принято в наше время по любому виду человеческой деятельности, то можно было предположить, что по другую сторону двери стоит кто-то очень целеустремленный, нетерпеливый и энергичный.

– Баркер! – окликнул Фредди.

Из соседней комнаты показалась его лохматая шевелюра, которая пока еще не приобрела необходимой гладкости и блеска для услаждения взоров публики.

– Сэр?

– Звонят в дверь.

– Слышу, сэр. Как раз иду открывать.

– Если это леди Андерхилл, скажите, что я буду сию минуту.

– Мне кажется, сэр, звонит мисс Маринер. Я узнаю ее манеру.

Баркер направился по коридору к парадной двери и открыл ее. Девушка в длинной меховой шубке и с кружевным шарфиком на голове тут же юркнула внутрь, будто серый пушистый котенок.

– Бр-р! Ну и стужа! – воскликнула она. – Привет, Баркер!

– Добрый вечер, мисс.

– Я последняя, первая или как?

Баркер шагнул к ней, принимая шубку.

– Сэр Дерек с ее милостью еще не прибыли, мисс. Сэр Дерек поехал за ее милостью в отель «Савой». Мистер Рук переодевается у себя в спальне и выйдет сию минуту.

Девушка выскользнула из мехов, и Баркер окинул ее быстрым одобрительным взглядом. Наметанный глаз слуги безошибочно распознавал породу, и Джилл Маринер не давала ни малейших поводов в себе усомниться – ни походкой, ни единым движением маленькой энергичной фигурки, ни речью или выражением лица с твердым, чуть вздернутым подбородком. Светлые волосы сверкали золотом, не потускневшим с детских лет, а серые глаза искрились жизнерадостностью.

Жизнерадостность и была главным ее очарованием. Глаза и рот без изъянов, ровные мелкие зубы, обаятельная улыбка – но Джилл расхохоталась бы, назови ее кто-нибудь красавицей. Сама она не считала себя даже хорошенькой. Однако мало кто из мужчин, встретив ее, оставался равнодушен. В ней был некий магнетизм.

Один незадачливый юноша, который бросил сердце к ее ногам и был вынужден забрать его назад, так объяснял привлекательность Джилл своему закадычному другу за утешительной бутылочкой в клубной курительной: «Не знаю, что в ней такое особенное, старичок, только чувствуешь отчего-то, что ты ей чертовски интересен». В кругу приятелей суждениям юноши не слишком доверяли, но тут он, пожалуй, вплотную приблизился к верному анализу очарования Джилл для противоположного пола. Она интересовалась всем, что предлагала жизнь, от церемонии коронации до бродячей кошки. Слушала каждого с живым неподдельным сочувствием, и устоять перед ней могли разве что самые суровые из мужчин. Разумеется, женщинам, тем более таким, как леди Андерхилл, приходилось куда легче.

– Пришпорьте-ка Фредди, Баркер, – велела Джилл, – пускай выходит поболтать со мной. Где тут ближайший камин? Залезу туда и свернусь клубочком!

– Камин хорошо разожжен в гостиной, мисс.

Поспешив туда, Джилл издала возглас восхищения, чем окончательно покорила сердце Баркера. В гостиную было вложено немало его времени и усилий. Ни соринки нигде, ни морщинки на шелковых подушках, картины висят ровно. Огонь как раз нужных размеров весело потрескивает за кованой решеткой, отбрасывая уютные блики на пианино у тахты, кожаные кресла, которые Фредди привез с собой из Оксфорда, этой родины удобных кресел, и ряды

фотографий на стенах. Посреди каминной полки, на почетном месте, стоит фотография самой Джилл, подаренная Дереку неделю назад.

– Баркер, вы просто чудо! Как только вам удалось сотворить такой уют! – Джилл присела на скамеечку у камина и протянула руки к пламени. – Не понимаю, зачем мужчины вообще женятся. Как можно отказаться от всего этого!

– От души благодарен за оценку, мисс. Я старался, чтобы вам было удобнее... Кажется, я слышу шаги мистера Рука.

– Надеюсь, и другие не задержатся. Я умираю с голоду. Миссис Баркер приготовила что-нибудь особенное?

– Не пожалела сил, мисс.

– Тогда я уверена, что ожидание стоит того... Привет, Фредди!

Блестя в вечернем костюме, Фредди Рук торопливо вошел в гостиную и с беспокойством ощупал галстук. Только что в зеркале тот выглядел нормально, но с галстуками никогда не знаешь: то прямо висят, то вдруг скособочатся. Жизнь так сложна и непредсказуема!

– На твоём месте я не стала бы его трогать, – заметила Джилл. – Сейчас он выглядит прекрасно и, скажу по секрету, сильно тревожит мою чувствительную натуру. Не уверена, сумею ли продержаться целый вечер. Хорошо ли с твоей стороны перетягивать на себя внимание юной невесты?

Мельком покосившись на галстук, Фредди слегка успокоился.

– Привет, старушка Джилл! Никого еще нет?

– Ну, я-то есть... или скромная фигурка, прикорнувшая у камина, не в счет?

– О, я совсем не то хотел сказать!

– Очень надеюсь, тем более что даже платье новое купила, чтобы тебя очаровать. Шедевр, да и только, хоть имя особое ему давай. Что скажешь?

Фредди присел на другую сторону скамейки и окинул платье взглядом знатока. Он сам любил приодеться, а потому ценил шик в одежде и у женского пола.

– Высший класс! – выдохнул он. – Иначе не скажешь. Просто заглядение, убиться можно. Ты в нем такая... как не знаю что!

– Замечательно! – рассмеялась Джилл. – Всю жизнь мечтала выглядеть как не знаю что, но ни разу не удавалось.

– Как лесная нимфа! – нашелся наконец Фредди. – Черт побери, Джилл, есть в тебе что-то этакое! Ты – как там говорится? – такая легкокостная...

– Фу! Наверное, это комплимент, но звучит ужасно! Чувствуешь себя каким-то скелетом.

– Я хотел сказать, изящная.

– Уже лучше.

– На вид в тебе унции полторы, не больше – словно пушинка. Принцесса-фея, честное слово!

– Фредди, уйми свое красноречие! – Джилл выразительно покрутила колечко на пальце. – Не забывай: я обручена, и мое сердце, увы, отдано другому. Такое чувство, будто ты делаешь мне предложение!

Фредди достал белоснежный платок и стал полировать монокль, окутавшись, словно облаком, мрачной задумчивостью. Затем обратил на Джилл мудрый отеческий взор.

– Кстати, как раз хотел потолковать с тобой об этом – ну, о помолвках и всем таком прочем. Рад, что застал тебя одну, пока не явилось Божье наказание.

– Ты это про мать Дерек? Да уж, веселенькое прозвище, воодушевляет.

– Ну так наказание и есть, – серьезно подтвердил Фредди. – Та еще птица, даже не сомневайся! Всякий раз внушает мне страх божий. Никогда не знаю, что ей сказать.

– Попробуй загадывать ей загадки.

– Нет, я серьезно! – Всегда улыбочливое лицо Фредди помрачнело вконец. – Погоди, еще познакомишься. Видела бы ты ее утром на вокзале! Ты и не догадываешься, с кем связалась.

– Ох, Фредди, у меня просто мурашки по коже. С кем же это я связалась?

Он методично перемешал огонь в камине и подбросил угля.

– Тут вот какое дело, – начал он наконец. – Старина Дерек, само собой, лучший на свете...

– Я знаю, – мягко вставила Джилл, благодарно погладив руку Фредди. Его преданность Дереку была так трогательна! Девушка задумчиво взглянула на пламя, ее глаза сияли, словно отражая его блеск. – С ним никто не сравнится.

– Однако, – продолжал Фредди, – он всю жизнь провел у мамыши под каблуком.

Джилл раздраженно поморщилась.

– Что за глупости, Фредди! Такой, как Дерек, не будет ни у кого под каблуком.

– Ну ты же понимаешь, о чем я!

– Ни капельки не понимаю.

– А ты представь, как будет паршиво, если мамаша настроит его против тебя!

Джилл стиснула зубы и зябко передернула плечами, вдруг ощутив себя брошенной и несчастной. Затем пробудился гнев. Пылкий нрав таился под ее жизнерадостностью слишком неглубоко. Она старалась уверить себя, что болтовня Фредди лишена смысла и оснований, но отмахнуться от дурных предчувствий не удавалось.

Сладкую мелодию любви к Дереку портила лишь одна фальшивая нота – его опасливое отношение к матери. Джилл полюбила в нем сильного мужчину, который презирает мнение толпы, и его страх перед леди Андерхилл казался мелким и низменным. Можно было попробовать закрыть глаза на этот единственный изъян, но как, если указывает на него даже Фредди, обожающий Дерекка всей своей романтической душой? Джилл ощутила горечь и излила ее, как водится у женщин, на ни в чем не повинного собеседника.

– Помнишь, Фредди, как я окатила тебя из садового шланга? – сердито прищурилась она, вскочив на ноги. – Много лет назад, когда мы играли еще детьми и вы с тем ужасным Мейсоном – как там его звали? Уолли! – принялись меня дразнить? Уже не помню, из-за чего, но я тогда страшно разозлилась, направила на вас шланг и вымочила обоих до нитки. Так вот, если ты будешь еще молоть вздор о нас с Дерекком и его матери, я пошлю Баркера за кувшином воды и оболью тебя с головы до ног! Настроить Дерекка против меня! Как будто любовь можно взять и перекрыть каким-то краном! Ты думаешь, когда двое любят друг друга, как мы, их хоть немного волнует, что говорят другие, даже собственная мать? У меня нет матери, но если бы вдруг дядя Крис вздумал настраивать меня против Дерекка...

Гнев ее исчез столь же быстро, как и вспыхнул. Такова была Джилл: то кипит от ярости, то вдруг подумает о чем-нибудь смешном и вновь хохочет. Мысль о том, что милый дядюшка Крис не поленился настроить кого-нибудь иначе чем против вина или сигар низкого сорта, заставила ее прыснуть со смеху, и Фредди, совсем было увядший на скамейке перед камином, воспрянул духом.

– Джилл, ты просто невероятная! Никогда не знаешь, с чего ты вдруг заведешься.

– Твоих глупостей вполне достаточно, чтобы завестись, как ты выражаешься.

– Да брось, старушка, я же хотел как лучше!

– В том-то и беда с тобой, Фредди Рук! Вечно ты хочешь как лучше, а люди бегут вызывать полицию. Да и потом, что во мне может не устроить леди Андерхилл? Денег у меня в избытке, и я одна из самых очаровательных светских красоток! Можешь не верить, а сам вряд ли заметил, но так меня называли в колонке Сплетника из «Морнинг Миррор», когда писали о нашей помолвке с Дерекком. Горничная показывала мне вырезку из газеты: длинная такая колонка с фотографией, где я похожа на зулусскую принцессу, снятую в густой туман в угольном подвале. Кто теперь посмеет сказать хоть слово против меня? Я же просто находка! Леди Андерхилл должна была вопить от радости и распевать на всю Ривьеру, когда узнала!

– Ну, в общем... – протянул Фредди с сомнением. – Да, конечно... ну да.
Джилл окинула его суровым взглядом.

– Фредди, ты чего-то недоговариваешь! Тебе не верится, что я очаровательная светская красотка? Признайся, и я докажу, что ты неправ. Тебе не по душе мое лицо, манеры, фигура? Молодая жена из Афин как-то мужу сказала: «Ты свин!» Отвечал он: «*Ma chère*, это в смысле манер, или пузо торчит из лосин?» Что у меня «торчит», Фредди?

– Да ты высший класс, говорю же!

– Однако почему-то боишься, что мать Дерека подумает иначе. Почему леди Андерхилл может не согласиться со Сплетником?

Фредди замялся.

– Отвечай!

– Видишь ли... Не забывай, я знал старую гримзу еще...

– Фредди Рук! Где ты набрался таких выражений? Только не от меня!

– Про себя я только так ее и зову... Так вот, я знаком с ней еще с тех пор, как гостил у них школьником, и изучил досконально, что ее обычно бесит. Она, как говорится, из старой гвардии, а ты у нас вся такая... внезапная! Сама ведь это знаешь за собой: что на уме, то и на языке.

– Ха, пока на ум не придет, ничего и не скажешь!

– Да ладно, ясно же, что я имею в виду, – настойчиво продолжал Фредди, отвергая шутиливый тон. – Порывистая ты очень, неумная, того и гляди выпалишь что-нибудь странное или сделаешь... безрассудная, вот!

– Ну и какой суровый критик мог бы углядеть странность хоть в одном моем поступке?

– Я вот собственными глазами видел, как ты остановилась посреди Бонд-стрит и помогла толпе подтолкнуть телегу. Нет, я тебя не виню...

– Надеюсь! Бедная лошадка совсем выбилась из сил, как тут не помочь?

– Да я-то понимаю! Сочувствую и все такое, но сильно сомневаюсь, что леди Андерхилл со мной согласится. А еще ты как-то уж очень на короткой ноге с прислугой...

– Не будь снобом, Фредди!

– Никогда им не был! – обиделся Фредди. – Наедине с Баркером, к примеру, я чертовски разговорчив... но я же не спрашиваю официантов в ресторане, как поживает их радикулит!

– А у тебя самого был радикулит?

– Нет.

– Так имей в виду: это очень больно, и официанты страдают не меньше герцогов. Думаю, даже больше, потому что приходится то и дело нагибаться и таскать тяжести. Как их не пожалеть!

– Как ты вообще узнала, что у того официанта радикулит?

– Спросила его, как же еще!

– Ну так умоляю, если сегодня тебя потянет на такие подвиги, держи себя в руках! Не надо спрашивать у Баркера, как поживают его суставы, когда он станет подавать леди Андерхилл гарнир. Уверяю тебя, она этого не оценит.

– Ох, совсем забыла! – вскинулась Джилл. – Спешила поскорее согреться, вот и вылетело из головы. Должно быть, он считает меня настоящим чудовищем! – Она подбежала к двери. – Баркер! Баркер!

Слуга возник на пороге, словно ниоткуда.

– Да, мисс?

– Прошу прощения, не спросила вас... Как ваши суставы?

– Намного лучше, мисс, благодарю вас.

– Вы лечились, как я советовала?

– Да, мисс, сразу полегчало.

– Замечательно!

Джилл вернулась в гостиную.

– Все в порядке, – улыбнулась она. – Ему гораздо лучше.

Она беспокойно прошлась по комнате, разглядывая фотографии, уселась за пианино и тронула клавиши. Часы на каминной полке отбили полчаса.

– Скорей бы уж приехали!

– Я полагаю, вот-вот, – отозвался Фредди.

– Страшно подумать, – вздохнула она, – что леди Андерхилл мчалась из Ментоны в Париж, из Парижа в Кале, из Кале в Дувр, а из Дувра в Лондон только для того, чтобы увидеть меня! Так что не удивляйся, Фредди, что я вся на нервах.

Фредди с изумлением вытаращился, уронив монокль.

– Ты что, серьезно?

– Ну конечно! А ты не нервничал бы на моем месте?

– Глядя на тебя, и не скажешь.

– А почему, думаешь, я столько болтаю? Набросилась на тебя бедного, ни в чем не повинного? Я же просто холодею от ужаса!

– По твоему виду ничего не заметно.

– Стараюсь быть стойким солдатиком. Так меня называл дядя Крис – с десяти лет, когда водил рвать зуб. «Будь как стойкий оловянный солдатик», – повторял он, и я держалась. – Джилл глянула на часы. – Но если они прямо сейчас не приедут, стойкость моя растает. Такое ожидание трудно вытерпеть. – Она пробежалась пальцами по клавишам. – А вдруг я и правда не понравлюсь матери Дерека? Видишь, Фредди, как ты меня напугал!

– Я не сказал, что не понравишься, только посоветовал быть чуточку осмотрительнее.

– Нет, не понравлюсь! Просто нутром чую. Вся моя храбрость куда-то подевалась... – Джилл в отчаянии потрянула головой. – Какая пошлость! Я думала, такое бывает только в комических рассказах и песенках... Постой, ведь и правда была такая песенка! – Она расхохоталась. – Помнишь, Фредди? Я только начало припоминаю:

Привел меня Джонни к мамаше своей.

К мамаше своей.

К мамаше своей.

Настала пора познакомиться с ней.

Познакомиться с ней.

Она острым глазом меня оглядела,

На части разъяв платье, душу, и тело,

Устроила мне перекрестный допрос,

Кивнула, вздохнула и сморщила нос.

А следом раздался трагический стон:

«О бедный мой Джон!

О бедный мой Джон!»

Давай, Фредди, подпевай! Воспрянем духом, нам это требуется!

Привел меня Джонни к мамаше своей...

– *К мамаше своей!* – хрипло подтянул Фредди. Примечательно, что эта песенка была из его любимых и трижды с успехом исполнялась им на деревенских праздниках в Вустершире. Лястя себе мыслью, что может спеть ее не хуже прочих, он принялся издавать хриплые рулады, которые искренне считал тем, что в музыкальных кругах именуется «вторым голосом». – *К мама-а-аше своей!* – повторил он, изображая ужас и отвращение.

Настала пора познакомиться с ней.
Познако-о-омиться с ней!
Она острым глазом меня оглядела,
На части разъяв платье, душу, и тело,

– Ох, ох, ох!

Устроила мне перекрестный допрос...

Откинув голову, Джилл заливалась во все горло. Чрезвычайная уместность песенки и впрямь поднимала дух, делая все опасения нелепыми и обращая в фарс надвигавшуюся трагедию, столь измотавшую нервы.

Кивнула, вздохнула и сморщила нос.
А следом раздался трагический стон:
«О бедный мой Джон!»

– Джилл, – перебил голос с порога гостиной, – я хочу познакомить тебя со своей матерью!

– *О бе-е-едный мой Джон!* – проблеял злополучный Фредди, не успев остановиться.

– Обед подан! – провозгласил возникший в дверях Баркер, вторгаясь в наступившую мертвую тишину.

Глава 2. Премьера в театре «Лестер»

1

Проводив компанию театралов, Баркер аккуратно запер за ними дверь. Он всегда тонко чувствовал настроение хозяев, и натянутая атмосфера за обедом пошатнула его душевное равновесие. То ли дело шумные разговоры и общее веселье!

– Эллен! – окликнул Баркер, направляясь по коридору в опустевшую столовую. – Эллен!

Миссис Баркер появилась из кухни, вытирая руки. Работа ее на сегодня закончилась, как и у мужа. Вскоре явится приходящая прислуга, перемоем посуду, а свободный вечер можно посвятить семейному общению. За минувший день миссис Баркер неплохо услужила гостям, и теперь хотела спокойно поболтать с мужем за стаканчиком хозяйского портвейна.

– Что, уже ушли, Гораций? – спросила она, усаживаясь за стол.

Баркер выбрал из хозяйской шкатулки сигару, похрустел ею возле уха, затем понюхал, отрезал кончик и закурил. Налил жене бокал вина из графинчика, а себе смешал виски с содовой.

– Счастливые деньки? – хмыкнул он. – Ушли, ушли.

– Так я и не повидала ее милость! – пожаловалась миссис Баркер.

– Мало что потеряла, поверь! Жуткая особа – лютый зверь, да и только. «Мила, добра и прочее» – уж точно не про нее. По мне, так уж лучше бы ты, Эллен, подавала им вместо меня, а я на кухне возился подальше отсюда. Что за радость, когда в воздухе грозой пахнет! Не завидую я им, пускай твои волованы и сущее наслаждение. «Лучше блюдо зелени и при нем любовь, нежели откормленный бык и при нем ненависть», – процитировал супруг Библию, забрасывая в рот грецкий орех.

– Да неужто поругались?

Баркер сердито покачал головой.

– Такие не ругаются, Эллен, только молчат да таращатся.

– А как поладили ее милость с мисс Маринер?

Он криво усмехнулся.

– Видала когда-нибудь, как незнакомые собаки друг на дружку поглядывают – опасно так? Один в один! Нет, мисс Маринер, само собой, любезничала, всякие приятности говорила. Она правильная, наша принцесса. Не ее вина, что обед, ради которого ты костыми легла, больше смахивал на вечеринку в морге. Она уж как старалась... да что поделаешь, когда сэр Дерек закусил губу и молчит, а его мамаша строит из себя эскимо на палочке! А что до нашего хозяина... ты б только на него глянула, Эллен! Знаешь, мне порой не по себе – все ли у него в порядке с головой? Сигары выбирать умеет, и его портвейн, ты говоришь, хорош – сам-то я к нему не притрагиваюсь, – но иногда так и кажется: тронулся наш хозяин, да и все! Весь обед смотрел на тарелку так, будто еда кусается, да еще и подсказывал при каждом моем слове! Я-то чем виноват? – сердито фыркнул Баркер. – Или мне сигналить, что сейчас, мол, спрошу, хереса налить или рейнвейна? Не в колокольчик же звонить или в горн трубить. Мое дело тихонько подойти и шепнуть сзади на ухо – и нечего подсказывать и толкать меня под руку! Вон, хорошее вино пролил. Видишь пятно на скатерти рядом с тобой? Хоть убей, не пойму, почему бы людям такого высокого полета не вести себя разумно, как вот мы с тобой? Помнишь, когда мы еще только встречались, я привел тебя на чай к своей матушке? Как славно мы посидели в тот вечер! Красота и благолепие, истинный пир любви!

– С твоей матушкой мы сразу поладили, Гораций, – тихо ответила миссис Баркер, – в том вся и разница.

– Ну, мисс Маринер понравилась бы любой здравомыслящей матушке... Нет, ты не пове-
ришь, Эллен, как меня сегодня тянуло пролить соус на голову этому ископаемому чучелу! Весь
обед просидела нахохлившись, будто старая орлица. Да ежели хочешь знать мое мнение, мисс
Маринер даже чересчур хороша для ее драгоценного сыночка!

– Ну что ты такое говоришь, Гораций! Сэр Дерек – баронет...

– И что из того? Как сказал поэт Теннисон, «доброе сердце дороже короны, а вера от
сердца – дворянских кровей».

– Гораций, да ты прямо социалист!

– Да какой социалист, просто рассуждаю здраво! Ведать не ведаю, кто родители у мисс
Маринер, но каждый скажет, что она леди до мозга костей. Однако, хоть и так, разве бывает
гладок путь истинной любви? Нет, говорит великий Шекспир! Сдается мне, бедняжку ждут
нелегкие времена.

– Ах, Гораций! – Нежное сердце миссис Баркер сжалось в тревоге. Расклад, на который
намекал муж, был далеко не нов и лежал в основе доброй половины сюжетов ее любимой книж-
ной серии «Преданное сердце», но неизменно трогал читательницу до глубины души. – Дума-
ешь, ее милость встанет между ними и погубит их любовь?

– Уж как-нибудь, да постарается!

– Но ведь у сэра Дерекса есть свои деньги, верно? Не то что у сэра Кортни Трэверса, кото-
рый влюбился в молочницу. Мать-графиня вертела им как хотела, а сэр Дерек может делать
что угодно!

Баркер вновь покачал головой, но уже снисходительнее. Отличная сигара и виски с содо-
вой несколько смягчили его раздражение.

– Ты не понимаешь, Эллен. Женщина вроде ее милости и уговорит мужчину на что хочет,
и отговорит. Мне-то самому дела нет, да только видно, что наша бедная мисс вконец запала на
своего Дерекса. Что она в нем нашла, в толк не возьму, ну да это нас не касается.

– Он такой красавчик! – возразила миссис Баркер. – Глаза так и сверкают, а рот такой
мужественный!

– Что ж, тебе виднее, – фыркнул Баркер. – На меня все это сверкание не действует, а
своим мужественным ртом он лучше бы что поумнее говорил, чем советовать нашему хозяину
запирать курево на ключ. Вот уж чего не выношу, так это недоверия! – Баркер придирчиво
оглядел сигару. – Так и знал: выгорела с одного бока – непросто с ними... Ладно, там еще
хватает. – Он встал и направился к шкапу. – Нет худа без добра, – философски добавил
он. – Не будь хозяин такой взвинченный, не оставил бы ключ в замке. Плесли-ка себе еще
винца, Эллен, гульнем сегодня на славу!

2

Как подумаешь, насколько отягощен жизненными невзгодами простой завсегдатай
театра, поневоле удивишься, что сочинителям пьес удастся занять его внимание хотя бы на
пару часов. Во всяком случае, что касается как минимум троих зрителей на премьере «Испы-
тания огнем» в театре «Лестер», задача перед автором стояла воистину неподъемная.

Уже из замечаний достойного Баркера легко сделать вывод, что парадный обед у Фредди
Рука едва ли удался в полной мере, а в поисках достаточно мрачных исторических аналогий
последующей поездке в такси можно припомнить разве что отступление Наполеона из Москвы,
да и то едва ли происходило в такой мертвящей тишине.

Из всей компании, как ни странно, хоть сколько-нибудь довольным можно было назвать
лишь самого Фредди. Первоначально он купил на этот вечер три билета, однако неожиданное
прибытие леди Андерхилл вынудило докупать четвертый – на место чуть дальше от первых
трех, которое Фредди собирался занять сам, как и сообщил Дерексу за завтраком.

Хоть и говорит нам Книга Иова, что человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх, настоящий философ и в нашем жестоком мире найдет для себя утешительные мелочи. Мысль о том, что сидеть он будет за несколько рядов от леди Андерхилл, восстановила душевное равновесие Фредди не хуже порции горячительного и всю дорогу наполняла его сладким трепетом, как торжественный гимн. Попроси его в тот момент кратко определить, что такое счастье, он ответил бы: сидеть подальше от леди Андерхилл.

Когда компания прибыла в театр, зал уже почти заполнился. На этот сезон «Лестер» был арендован сэром Честером Портвудом, недавно возведенным в рыцарское звание и имевшим массу поклонников. Какая бы участь ни ждала спектакль в конечном счете, премьера есть премьера. Партер сиял драгоценностями и крахмальными манишками, дорогие ароматы наполняли воздух в жестокой битве с плебейским запашком мяты из задних рядов. Ложи были полны, а суровые завсегдатаи галерки невозмутимо ожидали поднятия занавеса, твердо намерившись получить хоть на один шиллинг удовольствия за свои монеты.

Огни рампы вспыхнули, свет в зале померк, утих гомон зрителей. Занавес пополз вверх. Джилл поерзала, устраиваясь в кресле, и просунула ладошку в руку Дерек. Пожатие его пальцев наполнило ее теплом счастья. Все в мире было в порядке.

Все за исключением действия, которое разворачивалось на сцене. Пьеса была одной из тех, что не задаются с самого начала и уже не могут воспрянуть. Уже через десять минут по зрительному залу стало расплзаться то неловкое ощущение, которое охватывает публику, когда спектакль обещает быть скучным. Партер застыл в летаргии, в бельэтаже закашляли, галерка погрузилась в угрюмую тишину.

Сэр Честер Портвуд приобрел свою репутацию актера и режиссера на легких комедиях «чайного» стиля, и от его спектаклей многочисленные поклонники с привычным удовольствием ожидали беспечной игривости с искрометными диалогами и не слишком обременительным сюжетом. Однако сегодня вечером сэр Честер, судя по всему, пал жертвой амбиций, нередких у деятелей его ранга, которым хочется доказать, что комедия для них не потолок и они способны, подобно чтецу-декламатору, резко сменить тон.

Лондонская публика твердо знала: уж чего-чего, а тяжеловесности в постановках Портвуда можно не опасаться, а меж тем «Испытание огнем» оказалось нудным до зубовного скрежета. При всей доброжелательности зрителей, у них даже закрались подозрения, что эта пафосная драма написана белым стихом!

Актерская игра ничуть не помогала рассеять растущую неловкость. Сам сэр Честер, подавленный, видно, значимостью события и ответственностью за непривычный товар, отказался от своей легковесной манеры и ударился в декламацию. Дикция была хороша, но красноречием и не пахло. К тому же по известным лишь режиссеру мотивам роль героини досталась юной особе с кукольным личиком, которая еще и пришепetyвала, и публика резко осудила ее с первого же выхода на сцену.

Первый акт близился к середине, когда Джилл, чье внимание к действию стало ослабевать, услышала тихий стон. Места, купленные Фредди, находились на краю седьмого ряда, Дерек сидел слева от нее рядом с матерью, а справа оставалось еще одно место, последнее. Когда поднялся занавес, оно пустовало, но несколько минут назад туда кто-то бесшумно пробрался. Темнота не давала разглядеть лицо, но было ясно, что он страдает, и Джилл прониклась сочувствием. Мнение незнакомца о спектакле явно совпадало с ее собственным.

Наконец первый акт закончился, и в зале вспыхнул свет. В партере раздались жидкие фальшивые аплодисменты, которые слабым эхом отдались в задних рядах и бельэтаже, а до галерки не докатились вовсе.

— Ну как? — обернулась Джилл к жениху. — Что скажешь?

— Нет слов, так ужасно, — мрачно буркнул Дерек.

Он подался вперед, чтобы присоединиться к беседе леди Андерхилл с какими-то знакомыми в другом ряду, а Джилл, отвернувшись, неожиданно встретила пристальный взгляд мужчины справа – лет двадцати с небольшим, широкоплечего, с жесткой взъерошенной шевелюрой и насмешливым ртом.

За краткий миг обмена взглядами Джилл успела решить, что сосед некрасив, но привлекателен. Он напоминал здорового лохматого пса, который в гостиную все перевернет, но станет отличным товарищем в загородной прогулке. Пожалуй, спортивный твид смотрелся бы на нем куда лучше, чем вечерний костюм. Глаза были хороши. Их цвета Джилл рассмотреть не успела, но смотрели они открыто и дружелюбно.

Отметив все это с обычной своей быстротой, Джилл отвернулась. Мелькнуло странное чувство, будто она уже где-то встречала этого человека или очень похожего, но тут же растаяло. Казалось, он так и не отвел взгляда, но она продолжала скромно глядеть прямо перед собой, не пытаясь в этом удостовериться.

Внезапно между ними втиснулась раскрасневшаяся физиономия Фредди. Терпеливо выждав в проходе, пока опасное внимание леди Андерхилл не переключится на светскую беседу, он уселся позади Джилл на пустое место, хозяин которого любил проводить антракты в буфете. Фредди испытывал глубочайший стыд. Как мог он допустить столь грубую промашку!

– Ради всего святого, прости меня! – начал он покаянно. – В смысле, что затащил вас на этот дурацкий бред. Как подумаю, что мог взять билеты на любую из десятка классных музыкальных комедий, так и тянет отвесить себе пинка! Хотя, по правде говоря, откуда мне было знать, что нам такое подсунут? У Портвуда спектакли всегда живые, яркие и все такое – в толк не возьму, с чего вдруг ему вздумалось это ставить. Тоска зеленая, да и только!

Сосед справа издал язвительный смешок.

– Должно быть, – обронил он, – псих, который написал эту пьесу, вложил в постановку все свои сбережения.

Если что и способно потрясти до глубины души невозмутимого лондонца, так это неожиданное обращение незнакомца. Фредди окаменел, его чувство приличия было оскорблено до крайности. Голос из могилы едва ли потряс бы его сильнее. Традиции, в которых он воспитывался, закрепили в нем уверенность, что такого просто не бывает – никогда, ни в коем случае. Ну, кроме как при землетрясении, кораблекрушении или в Судный День. Заговаривать в другое время, не будучи представленным, не положено, разве что попросить спичку или узнать время.

Природное добродушие не позволяло Фредди осадить невежу, но и терпеть унижительную ситуацию было невозможно. Оставалось только спастись бегством.

– М-м... да, – промямлил он и повернулся к Джилл. – Пожалуй, мне это... пора. Увидимся...

Пробормотав слова прощания, Фредди удалился, окончательно лишившись душевного равновесия.

Украдкой покосившись на Дерек, все еще поглощенного светской беседой, Джилл обернулась к соседу справа. В отличие от Фредди, она не была рабыней этикета и слишком интересовалась жизнью, чтобы воздерживаться от общения с незнакомцами.

– Вы его шокировали! – На щеках ее появились лукавые ямочки.

– Да уж, – хмыкнул сосед. – Бедняга Фредди не знал, куда деваться.

Теперь наступила очередь Джилл испытать потрясение.

– «Фредди»? – изумленно глянула она.

– Это был Фредди Рук – я ведь не ошибся?

– Да, но... разве вы знакомы? Он вас, кажется, не узнал.

– Жизнь состоит из трагедий, – пожал плечами незнакомец. – Друг детства забыл меня!

– А, вы учились в одной школе!

– Нет, он в Винчестере, насколько помню, а я в Хейлибери. Общались только в каникулы, наши семьи жили по соседству в Вустершире.

– В Вустершире? – оживилась Джилл. – Я тоже там жила и знаю Фредди с детства! Тогда, должно быть, мы встречались и с вами.

– А как же!

Она наморщила лоб. В глазах соседа вновь мелькнуло что-то странно знакомое. В памяти, однако, ничего не отзывалось.

– Нет, не помню вас, – покачала головой Джилл. – Прошу прощения.

– Ничего страшного... К тому же воспоминания бывают и болезненными.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, оглядываясь назад, я понимаю, что ребенком был отвратительным. Со стороны моих родителей было просто подвигом позволить мне вырасти. Могли бы и уронить на меня из окна что-нибудь тяжелое, но сдержались, хотя такой соблазн, должно быть, возникал сотню раз. Сушим наказанием я был... Мои грехи искупало лишь то, как я обожал вас!

– Что?

– Именно так. Вы наверняка и не замечали, потому что я выражал свое восхищение довольно своеобразно. Так или иначе, вы остались ярчайшим воспоминанием моего злополучного отрочества.

Джилл долго вглядывалась в его лицо, затем снова покачала головой.

– Так ничего и не шевельнулось? – участливо вздохнул сосед.

– Просто безобразие! – воскликнула она. – Ну почему память такая короткая?.. А вы, случайно, не Бобби Моррисон?

– Нет, не он. Более того, никогда им не был.

Джилл снова нырнула в прошлое и выудила еще одну кандидатуру:

– А может, Чарли... как его?.. Чарли Филд?

– Вы меня обижаете! Чарли Филд – с его-то золотистыми локонами и бархатными костюмчиками в стиле маленького лорда Фаунтлероя! Слава богу, хоть этим мое прошлое не запятнано.

– Может, вы просто назовете свою фамилию?

– Не знаю, поможет ли. К примеру, вашу я забыл, хотя имя Джилл, конечно, помню. Мне оно казалось самым прекрасным созвучием на свете. – Незнакомец задумчиво взглянул на нее. – Удивительно, как мало вы изменились. Фредди тоже такой же, только покрупнее... ну и монокля тогда не носил, хотя позже, видно, пришлось. А меня так вообще не узнать – вот как жизнь помотала! Чувствую себя Рипом ван Винклем, старым и дряхлым. Или, может, это пьеса так действует?

– Она ужасна, верно?

– Это еще мягко сказано! Выражаясь беспристрастно, она никаким боком не лезет ни в какие ворота. Фредди очень метко выразил всю ее суть, он выдающийся критик.

– Да, пожалуй, ничего хуже мне не приходилось видеть.

– Не знаю, какие еще пьесы вам доводилось видеть, но чувствую, что вы правы.

– Ладно, может быть, второй акт нас порадует, – улыбнулась Джилл с оптимизмом.

– Не надейтесь, он еще хуже. Смахивает на похвальбу, но так и есть, уверяю вас. Хочется встать и принести публичные извинения.

– Но как же... Что?! – лицо Джилл вспыхнуло ярким румянцем. В душе шевельнулось чудовищное подозрение.

– Беда лишь в том, – продолжал сосед, – что публика тут же меня линчует. Меж тем, хоть в это и трудно сейчас поверить, я еще жду от судьбы в будущем кое-каких подарков. Да и вообще, не очень-то приятно, когда тебя рвут на части, пускай и в приступе справедливой ярости. Неопрятность в этом какая-то. «Любит» – и отрывают ногу. «Не любит» – руку долой.

Нет, пожалуй, не стану высовываться. В конце концов, не мое это дело, они сами виноваты, раз пришли по своей воле...

Джилл слушала его добродушную болтовню с нетерпением.

– Так это вы написали пьесу? – не выдержала она наконец.

Незнакомец кивнул.

– Хорошо понимаю, – вздохнул он, – почему вы спрашиваете с таким ужасом. Отвечу, но строго между нами, при условии, что вы не встанете и не изобличите меня. Да, пьесу написал я.

– Ох, извините, мне так жаль!

– А уж мне как жаль!

– То есть, я ни за что не стала бы...

– Да ну, бросьте! Вы не сказали ничего такого, чего я не знал бы сам. – Люстры стали тускнеть, и он поднялся с кресла. – Начинается! Простите, но я больше не в силах присутствовать на этих похоронах. Если захотите чем-нибудь занять себя во время второго акта, попробуйте вспомнить мое имя.

Сосед исчез. Джилл вцепилась жениху в локоть.

– Дерек, какой ужас! Я только что говорила с человеком, который написал эту пьесу, и сказала ему, что ничего хуже в жизни не видела!

– Серьезно? Что ж, пора было кому-нибудь его просветить на этот счет. – Дерек вдруг нахмурился. – А кто он? Я не знал, что вы знакомы.

– Мы не знакомы, я даже не знаю его имени.

– Если верить программке, зовут его Джон Грант. Не слыхал о таком... Не заводила бы ты, Джилл, бесед с посторонними, – добавил Дерек с ноткой раздражения, – мало ли на кого нарвешься!

– Но...

– Особенно при моей матери. Тебе следует быть осторожнее!

Занавес поднялся, но сцена перед Джилл была как в тумане. Она с детства тяжело переносила резкости от любимых людей, не в силах избавиться от такой досадной чувствительности. Укоры всех прочих она выдерживала стойко, но впадала в уныние от самого легкого неодобрения со стороны близких – когда-то отца, теперь Дерек.

Даже объяснить не успела! Дерек не смог бы возразить против ее разговора с другом детства, пускай тот прочно забыт и даже имя вспомнить не удастся. Как она ни старалась, память детских лет не подсказывала ни одного Джона Гранта.

Ломая голову, Джилл почти пропустила начало второго акта. Ее отстраненность охотно разделила бы и остальная публика, ибо после неудачного старта возвышенная драма окончательно рушилась в пучину скуки. Кашель в зале практически не смолкал. Партер, спаянный когортами приятелей сэра Честера, стоически держался, изображая интерес, но задние ряды и галерка явно оставили всякую надежду.

Критик малотиражного еженедельника, прозябавший на балконе, мрачно нацарапал на программке: «Пьесу приняли вяло». Он пребывал в мрачном настроении, поскольку обычно сидел в бельэтаже. Внезапно его осенило, и он снова взялся за карандаш. Начало рецензии смотрелось изумительно свежо: «В театре «Лестер», где сэр Честер Портвуд представлял «Испытание огнем», скука царила безраздельно».

Как знать, как знать. Не стоит объявлять вечер скучным, пока он не закончился. Каким бы пресным ни казалось все поначалу, этому вечеру суждено было стать воистину зажигательным, развеяв уныние самой взыскательной публики, и оставить по себе долгую память. Не успел критик из «Лондонских сплетен» нацарапать в полумраке свой уничтожающий вердикт, как по театру разнесся непонятный, но очень знакомый запах.

Вначале принялся партер, затем принялся бельэтаж. Поднимаясь все выше, запах накрыл безмолвную галерку, и та, пробудившись к жизни в едином порыве, внезапно обрела голос:

– Пожар!!!

Продираясь сквозь длинный монолог, сэр Честер запнулся и бросил опасливый взгляд через плечо. Его шепелявая партнерша, внимавшая монологу с притворным вниманием, истошно завопила. Громоподобный голос из-за кулис велел невидимому «Билли» пошевелить задницей. А от декораций уже лениво расползались по сцене зловещие клубы черного дыма.

– Пожар!!! Пожар!!!

– Как раз огня-то, – раздался голос в темноте справа от Джилл, – пьесе и не доставало. Таинственный автор вновь сидел на своем месте.

Глава 3. Джилл и незнакомец спасаются бегством

1

В наши дни власти пристальнее следят за благополучием общества и не устают повторять в печатных объявлениях, что зрительный зал освобождается всего за три минуты, если публика не спасается бегством, а спокойно выходит через ближайшие двери. В результате пожар в театре теперь уже не вызывает былого ужаса. Тем не менее, трудно утверждать, не погрешив против истины, будто на премьере новой пьесы в театре «Лестер» зрители сохраняли полное спокойствие. Противопожарная завеса уже опускалась, что должно было их подбодрить, но эти асбестовые полотнища не слишком надежны на вид – так и кажется, что сами вот-вот вспыхнут. Кроме того, инженер у распределительного пульта не сообразил включить в зале свет, и темнота действовала на нервы.

Впрочем, надо сказать, что в разных частях зала поведение публики отличалось. На галерке мигом поднялась суматоха, и топот почти заглушал крики. Минуту назад представлялось невероятным, что зрители когда-нибудь выйдут из сонной апатии, но инстинкт самосохранения сотворил чудо.

С другой стороны, обитатели партера далеко не сразу потеряли выдержку. Тревога повисла в воздухе, но еще некоторое время они балансировали на грани между паникой и достоинством. Паника толкала их на решительные действия, достоинство советовало выждать. Поскорее оказаться на улице им хотелось не меньше, чем зрителям с галерки, но бежать и толкаться было бы дурным тоном. Мужчины подавали дамам шубы, заверяя, что все в порядке и пугаться нечего, однако новые клубы дыма, ползущие из-под асбестового занавеса, лишали их уверения убежденности. Движение к выходу еще не обернулось паническим бегством, но сидевшие ближе к сцене уже начинали полагать, что счастливицы из задних рядов чертовски медленно освобождают проход.

Наконец, словно получив общий толчок, дрогнуло и самообладание партера. Глядя сверху, можно было бы заметить, как толпа встрепенулась и каждый в ней задвигался быстрее.

Чья-то рука взяла Джилл под локоть. От руки исходило ощущение надежности, она явно принадлежала тому, кто еще не потерял голову. Прозвучавший из темноты голос был приятен и подкреплял это чувство:

– Не стоит лезть в толпу, могут помять. Опасности нет, во всяком случае от пьесы – с ней покончено.

Джилл была в смятении, но боевого духа не растеряла и старалась не выказывать своих переживаний. Хоть паника и стучалась в душу, достоинство отказывалось уступать место.

– Тем не менее, – с трудом выдавила она улыбку, – неплохо бы как-то отсюда выбраться.

– Как раз и хотел предложить, – произнес мужчина, стоявший рядом. – Мне в голову пришла та же мысль. Мы можем спокойно уйти своим собственным путем. Пойдемте.

Джилл оглянулась через плечо: Андерхиллы затерялись где-то в толпе беглецов. В сердце кольнуло негодование: как мог Дерек ее бросить? Она двинулась на ощупь за своим провожаемым, и вскоре они вышли через ложу бенуара к железной двери на сцену.

Когда дверь открылась, оттуда вырвался дым и пахло удушающей гарью. Джилл невольно отпрянула.

– Все нормально, – успокоил спутник. – Запах всегда хуже, чем есть на самом деле. Так или иначе, отсюда самый короткий путь наружу.

По сравнению с шумом и суетой на сцене зрительный зал показался бы мирной идиллией. Дым стоял стеной. Что-то неразборчиво выкрикивая, мимо протопал рабочий с ведром

в руке. С другой стороны доносился стук топора. Спутник Джилл первым делом подскочил к распределительному пульту, нашарил рубильник и дернул. В узкой щели за краем асбестовой завесы вспыхнул свет, и гомон, доносившийся из зрительного зала, тут же стал затихать.

Выхваченная из путающей темноты, публика в партере разглядела лица друг друга и со стыдом осознала, как недостойно ведет себя. Напор толпы несколько ослаб. Минутное облегчение, но его хватило, чтобы сдержать панику.

– Идите прямо через сцену, – услышала Джилл голос спутника, – дальше по коридору и направо, там служебный выход. А я, раз никто, похоже, не собирается этого делать, скажу несколько слов зрителям... не то, чего доброго, перекусают друг дружку.

Он протиснулся в щель на краю завесы и вышел на авансцену.

– Леди и джентльмены!

Опершись рукой на пульт, Джилл осталась на месте, не торопясь следовать инструкциям незнакомца. Чувство товарищества не давало бросить его одного в этом приключении. Раз он задержался, надо остаться и ей, а бежать через служебный выход было бы позорным дезертирством.

Удушливый дым еще стусился и ел глаза, смутные фигуры пожарных сновали в нем, как брокенские призраки. Она приложила ко рту рукав шубы, чтобы легче было дышать, и прислушалась: голос с авансцены ясно различался, несмотря на шум:

– Леди и джентльмены! Никакой опасности нет, уверяю вас. Мы не знакомы, так что у вас нет причин верить на слово, но, к счастью, у меня есть веский аргумент: я не стоял бы здесь в случае опасности! Просто-напросто ваш горячий прием новой пьесы воспламенил декорации...

Раскрасневшийся рабочий сцены с топором в почерневших от сажи руках заорал Джилл на ухо:

– Чешите отсюда, мисс! – Он с грохотом отшвырнул топор. – Не видите, все кругом полыхает?!

– Я... я жду! – Джилл кивнула на асбестовую завесу, по ту сторону которой ее спутник продолжал ораторствовать в надежде заставить удирающую публику прислушаться.

Рабочий заглянул в щель на авансцену.

– Коли он ваш приятель, мисс, уговорите его закругляться да уматывать поживее! Мы все тоже, тут ничего уже не поделаешь, слишком разгорелось – крыша может в два счета рухнуть!

– Вы еще тут?! – Спутник Джилл протиснулся обратно и одобрительно моргнул сквозь дым. – Вы прямо-таки стойкий оловянный солдатик!.. – Он повернулся к рабочему: – Ну, что скажешь, Огастес?

От простого вопроса тот опешил.

– Что скажу? Только одно, черт побери...

– погоди, сам догадаюсь... Ага! В театре пожар, так?

Рабочий с отвращением откашлялся. Ему было явно не до шуток.

– Мотаем отсюда! – буркнул он.

– Великие умы и мыслят в лад. Мотаем!

– Вот-вот, и не тяните резину!

– И не подумаем. Твое слово – закон!

С колотящимся сердцем Джилл поспешила за ними через сцену. К дыму прибавился жар, кое-где мелькали язычки пламени, а в стороне что-то с грохотом обрушилось. В воздухе стоял резкий запах горячей краски.

– Где сэр Честер? – спросил на бегу незнакомец рабочего.

– Смылся уже, – выдавил тот, вновь заходясь в приступе кашля.

– Ну и ну! – покрутил головой незнакомец и обернулся к Джилл. – Сюда! Не отставайте... Удивительно, как искусство предвосхищает жизнь. В конце второго акта сэру Честеру положено по роли таинственно исчезать в ночи. Вот он и исчез!

Спотыкаясь, они ввалились в дверь и очутились в узком коридоре, где воздух был чище, несмотря на изрядную примесь гари. Джилл глубоко вдохнула. Ее спутник повернулся к рабочему и пошарил у себя в кармане.

– Вот, держи! – Монетка перешла из рук в руки. – Пойди выпей, тебе сейчас не помешает.

– Спасибо, сэр.

– Не за что. Ты спас нам жизнь. Без тебя мы и не заметили бы, что в театре пожар. – Он повернулся к Джилл. – Вот и служебный выход. Пожалуй, пора и нам таинственно исчезнуть в ночи!

Театральный сторож в растерянности топтался возле своей каморки у служебной двери. Соображал он туговато, привык к ежедневной рутине, и события этого вечера совсем сбили его с толку.

– Что там за пожар? – спросил он.

Незнакомец задержался на пороге.

– Пожар? – Он с недоумением обернулся к Джилл. – Вы что-нибудь слышали о пожаре?

– Ну как же, все бегут без оглядки и вопят, что в театре пожар! – настаивал сторож.

– Святые угодники! Если вдуматься, вы совершенно правы. В самом деле пожар! Так что, если промедлите, он нанесет вам коварный удар в спину. Послушайте добрый совет старого приятеля: бегите! На красочном языке джентльмена, с которым мы только что расстались – мотайте отсюда и не тяните резину.

Сторож помолчал, обкатывая в голове эту новую мысль.

– Да как же, – возразил он наконец. – Мне положено караулить тут до полдвенадцатого! Такой уж порядок – дожидаться полдвенадцатого и запереть. А сейчас еще только без четверти одиннадцать!

– Понимаю ваши затруднения... – Спутник Джилл задумчиво покачал головой. – «На пылающей палубе мальчик стоял» и все прочее в том же духе. Боюсь, не знаю, как вам помочь – тут вопрос совести. Не хочу сманивать вас с боевого поста, но, с другой стороны, если останетесь, то поджаритесь с обеих сторон, как бифштекс. Впрочем... Вы сказали, что должны в половине двенадцатого что-то запереть – что именно?

– Да театр же!

– А, ну тогда совсем другое дело! К полдвенадцатого никакого театра тут уже не будет. Так что на вашем месте я бы тихо и незаметно удалился. А завтра, если захочется, можете вернуться и посидеть на руинах, если к тому времени они подостынут. Доброй ночи!

2

Воздух снаружи был холодный, бодрящий. Джилл поплотнее запахнула шубку. Из-за угла доносились шум и крики: наконец-то прикатили пожарные машины. Незнакомец закурил сигарету.

– Хотите задержаться и посмотреть на пожар? – спросил он.

Джилл передернула плечами. Пережитое волнение все-таки давало о себе знать.

– Спасибо, уже насмотрелась.

– Я тоже. Да, вечерок выдался захватывающий. Начался пресновато, не спорю, зато потом разошелся вовсю. Лично мне сейчас не повредила бы оздоровительная прогулка по набережной... Знаете, а ведь сэр Честер не одобрил названия моей пьесы – сказал, что «Испытание огнем» звучит слишком мелодраматично. Теперь-то он едва ли счел бы его неуместным.

Они двинулись прямо к реке, в обход улицы, запруженной зеваками и пожарными машинами. Переходя Стрэнд, незнакомец оглянулся на багровое зарево в полнеба.

– Ну и полыхает! Ни дать ни взять всеожжение – небось газетчики так и назовут. Лучшая потеха для простонародья.

– Как думаете, потушить смогут?

– Исключено, слишком разгорелось. Жаль, при вас не оказалось того садового шланга...

Джилл остановилась как вкопанная, вытаращив глаза.

– Что?

– Неужто вы не помните? Я вот до сих пор чувствую, как ледяные струйки по спине текут.

Память, что вечно тащится по обочине и наверстывает упущенное лишь в самый последний миг, наконец осчастливила Джилл. Набережная преобразилась в солнечный сад, а январский вечер – в июльский день...

Мужчина смотрел на ошарашенную девушку с загадочной лукавой усмешкой, которая сегодня была приятной, но в те далекие времена казалась издевательской и враждебной. Джилл всегда считала, что он насмехается, а в двенадцать лет это выводило ее из себя.

– Неужели вы Уолли Мейсон?!

– Я уж гадал, вспомните ли вы когда-нибудь.

– Но... в программке было другое имя – какой-то Джон...

– Всего лишь коварная уловка. Уолли Мейсон – мое единственное и подлинное имя...

Черт возьми, теперь я и вашу фамилию вспомнил – Маринер! Кстати... – Он еле ощутимо запнулся. – Она не изменилась?

Глава 4. Последний из Руков спешит на помощь

1

Джилл толком и не осознала, что он задал вопрос. Ею на миг овладело то чувство нереальности, что отматывает время назад и возвращает нас в далекое детство.

Логикой разума она понимала, что в самом факте нет ничего особенного: Уолли Мейсон, который все годы оставался для нее мальчишкой в костюмчике Итонской школы, вырос и повзрослел. Однако его преобразование все равно казалось каким-то магическим трюком. Дело было не только во внешности, но и в поразительном изменении личности.

Уолли был настоящим бичом ее детства, и эпизод с садовым шлангом она неизменно вспоминала с удовлетворением. Сколько бы ни оступалась она в ранние годы на тесной дорожке праведности, но в тот момент поступила верно. А теперь вдруг Мейсон оказался ей симпатичен! Легко заводя друзей, она все же редко так сразу испытывала приязнь к незнакомцам. Вражда юных лет уступила место теплоте чувству товарищества, и Джилл неожиданно ощутила себя безнадежно взрослой, как будто пропало важное звено, соединявшее ее с детством.

Она окинула взглядом набережную Темзы. По левую руку нависал мост Ватерлоо, темный и массивный на фоне серо-стального неба. Переполненный трамвай простучал по рельсам, сверкавшим тем морозным блеском, что кажется предвестником снегопада. На другом берегу реки таинственную тьму разрывали лишь случайные фонари да тусклые очертания причалов.

Вид нагонял тоску, и Джилл пришло в голову, что обездоленным, которые ночуют на скамейках, он кажется еще тоскливее. Она зябко поежилась. Внезапный разрыв с детством принес с собой ощущение брошенности и одиночества в изменившемся мире.

– Холодно? – спросил Уолли.

– Немного.

– Давайте пройдемся.

Они двинулись к западу. Ввысь указующим перстом нацелилась Игла Клеопатры, а внизу, на безмолвной воде, застыли причаленные гребные лодки, похожие на гробы. В просветах древесных крон блеснули на миг, будто подвешенные к небу, часы на башне Парламента и вновь скрылись. Издалека, со стороны Баттерси, донесся гудок баржи, скорбный и зловещий. Наступила тишина.

Джилл снова поежилась, досадуя, что не может, несмотря на все старания, рассеять непрошеную печаль. Непонятно откуда возникшее чувство, будто очередная глава в книге ее жизни завершилась, никак не желало уходить.

– Поправьте, если я ошибаюсь, – заговорил Уолли, нарушая молчание, длившееся уже несколько минут, – но вы, похоже, замерзаете на ходу. С самого приезда в Лондон у меня сложилась привычка гулять по набережной, чтобы развеяться, однако середина зимы – не самое приятное время для единения с ночью. «Савой» тут рядом, не станем от него уходить. Как насчет отметить нашу встречу легким ужином?

Уныние Джилл исчезло как по волшебству, живой темперамент взял верх.

– Огни! – воскликнула она. – Музыка!

– А также пицца! – добавил Уолли. – Эфирному созданию вроде вас эта реплика может показаться вульгарной, но я еще не обедал.

– Бедненький! Почему?

– Так волновался.

– Ах да, понимаю! – Огненная интерлюдия заставила Джилл позабыть о его причастности к событиям этого вечера. Теперь вспомнилось и кое-что из разговора в театре. – Уолли... –

Она запнулась в смущении. – Наверное, «мистер Мейсон» было бы приличнее, но я всегда думала о вас как...

– Конечно, Джилл! Зови меня Уолли, мы же не совсем чужие. Не захватил свой учебник по этикету, но, думаю, десяток-другой галлонов холодной воды, вылитой за шиворот, вполне сойдут за формальное знакомство. Ты что-то хотела сказать?

– Ты говорил Фредди о вложенном в пьесу состоянии. Это правда?

– В эту кошмарную пьесу? Да, все оплатил я, до последнего цента. Иначе никто не соглашался ее ставить.

– А зачем тебе?.. Ну, то есть... не знаю, как сказать...

– Зачем ее ставить? Может показаться странным, но, честное слово, до сегодняшнего вечера я считал этот бред шедевром. Когда несколько лет подряд пишешь одни мюзиклы, душа рано или поздно поднимает голову и говорит: «Довольно, мой мальчик, ты способен на большее!» Так сказала моя душа, и я поверил. Ну и, как оказалось, старушка меня попросту надула.

– Выходит, ты потерял большие деньги?

– Обобрал себя до нитки, прости за невольную патетику, и увы, негде взять старого честного слуги, который нянчил меня на коленях, чтобы явился и предложил мне свои сбережения. Вот беда, в Америке таких слуг просто не бывает. О моих простых нуждах там заботилась одна шведка, но интуиция подсказывает, что в ответ на просьбу раскошелиться в пользу молодого хозяина старушка вызовет копов. Однако я приобрел опыт, а он, как говорят, дороже денег. Так или иначе, заплатить по счету у меня хватит, так что давай поужинаем!

Как и ожидалось, в ресторане отеля «Савой» не было недостатка в еде, огнях и музыке. Час, когда публика обычно покидает театры, еще не наступил, и большой зал был едва заполнен наполовину.

Отыскав свободный столик в углу, Уолли погрузился в выбор блюд со всей сосредоточенностью голодного клиента.

– Извини, что я так увлекся меню, – сказал он, когда официант принял заказ и отошел, – но ты не представляешь, что значит в моем состоянии выбирать между тушеным цыпленком *en casserole* и почками *a la maître d'hôtel*. Рыцарь на перепутье, да и только!

Джилл весело улыбнулась ему через стол. Едва верилось, что испытанный друг, с которым она прошла через все опасности этого вечера и теперь собирается пировать, оказался зловещей фигурой, омрачавшей ее детство. На вид он явно не был способен дергать девочек за косы и уж точно не имел такого обыкновения.

– Ты всегда был обжорой, – заметила она. – Помнится, как раз перед тем, как я окатила тебя из шланга, ты жульнически прикарманил кусок моего именинного торта.

– Как, ты не забыла? – Глаза Уолли просияли, а широкий рот расплылся в улыбке почти до ушей, делая спутника Джилл еще больше похожим на большого доброго пса. – Тот кусок торта словно до сих пор лежит у меня в кармане, намертво слипшийся с рогаткой, парой шариков, спичечным коробком и бечевкой. В те дни я был ходячей мелочной лавкой... Впрочем, не слишком ли мы увлеклись детскими воспоминаниями?

– Никак не привыкну, что передо мной тот самый Уолли Мейсон. Ты так переменялся...

– Надеюсь, к лучшему?

– Безусловно! Мальчишкой ты был просто ужасным. Вечно пугал меня, выскакивал из-за дерева или еще откуда-нибудь. Помню, как гнался за мной битый час и вопил во все горло.

– Это все от смущения! Я же говорил, что обожал тебя. А вопил, потому что стеснялся. Надо же было как-то скрыть свои чувства.

– Тебе это отлично удалось, у меня даже подозрений не возникло.

Уолли печально вздохнул.

– Такова жизнь! «Сокрытая любовь, как червь в бутоне...»

– Кстати, о червях! Ты мне как-то сунул одного за шиворот.

– О нет! – поморщился Уолли. – Неужели? Я бывал проказлив, но всегда оставался джентльменом.

– Сунул, сунул! В кустах, когда еще была гроза...

– А, теперь припоминаю – но это просто недоразумение! Червяк был мне больше не нужен, и я решил, что ты тоже захочешь с ним поиграть.

– Да ты постоянно вытворял что-нибудь этакое! Однажды поднял меня над прудом и грозил бросить в воду – зимой, перед самым Рождеством! Это было ужасно подло, ведь я боялась тебя даже лягнуть, вдруг уронишь. К счастью, подросл дядя Крис...

– Ты полагаешь, к счастью? Может, с твоей точки зрения и так, но я-то оказался с другой стороны. У твоего дяди была с собой бамбуковая трость, и теперь мои друзья недоумевают, когда в холода я жалуюсь, что ноют старые раны... Кстати, как поживает твой дядя?

– Замечательно, все такой же лентяй. Сейчас он в Брайтоне.

– Не знаю, мне он ленивым не показался, – задумчиво произнес Уолли, – скорее бойким! Должно быть, я встретил его в период активности... Ага! – Официант вернулся с нагруженным подносом. – Вот и пища! Не обессуди, если на минутку-другую я покажусь рассеянным. Мне придется как следует потрудиться.

– А потом небось припрячешь котлету в карман?

– М-м... я подумаю. Отолью туда немного супа, пожалуй. Мои нынешние запросы весьма скромны.

Джилл наблюдала за ним все с большим удовольствием. От этого мужчины исходило какое-то мальчишеское обаяние. С ним она чувствовала себя легко, почти как с Фредди Руком. Определенно, Уолли добавил радости в ее жизнь.

Особенно приятно было, что он умеет проигрывать. Джилл умела сама и восхищалась этим качеством в других. Как легко он выкинул из беседы – и, похоже, даже из мыслей – свой театральный провал и досадную потерю денег!

Интересно, сколько он потратил? Наверняка очень солидную сумму, но его это как будто совсем не трогает. Такое доблестное поведение отзывалось теплом в сердце Джилл. Так и должен настоящий мужчина сносить камни и стрелы коварной судьбы!

Наконец Уолли, сыто отдуваясь, откинулся на спинку стула.

– Представление не из приятных, – виновато вздохнул он, – но куда же деваться. Думаю, ты сама предпочитаешь, чтобы я сидел сытый и довольный, а не валялся в голодном обмороке. Чудесная штука еда! Теперь я готов к интеллектуальным беседам на любую тему, какую тебе будет угодно предложить. Как у Апулея – наелся розовых лепестков и больше не золотой осел. О чем же мы побеседуем?

– Расскажи о себе.

– Нет темы достойнее! О каком же аспекте моей персоны тебе хотелось бы услышать? О моих мыслях и вкусах, об увлечениях, о работе? О себе я могу болтать часами, мои друзья в Нью-Йорке уже стонут.

– В Нью-Йорке? Так ты живешь в Америке?

– Да. Сюда я приехал, только чтобы увидеть на сцене свою кособокую поделку.

– Почему же ты не поставил пьесу у себя дома?

– Меня там знают слишком много собратьев по перу. Я же, по сути, залез в чужой огород. Критики в тех краях ждут от меня какого-нибудь разухабистого «Вау! Вау!» или «Девушек из Йонкерса» и, узнай они, что я разразился возвышенной драмой, вытаращат глаза. Люди они простые, и становиться мишенью их непристойных шуток мне совсем не хотелось. Вот и решил приехать сюда, где я чужак... даже не подозревая, что окажусь рядом с человеком, знакомым с детства.

– Когда же ты уехал в Америку? Почему?

– Года через четыре или пять – в общем, спустя довольно много времени после эпизода со шлангом. Мы тихонько переехали в Лондон – ты, наверное, и не заметила, что я куда-то пропал. – В голосе Уолли слышалась грусть. – Видишь ли, отец мой умер, и дела пошли плохо. Больших денег он не оставил. Думаю, в те времена, когда я тебя знал, наша семья жила не по средствам. Так или иначе, вначале приходилось туго, пока твой отец не пристроил меня в одну нью-йоркскую контору.

– Мой отец?

– Да. Он был так добр, что позаботился обо мне. Едва ли помнил в лицо, а если и так, не думаю, что получал удовольствие от воспоминаний. Тем не менее, хлопотал за меня, как за родного.

– Очень похоже на него, – тихо проговорила Джилл.

– Благороднейший человек.

– А в той конторе ты больше не работаешь?

– Нет. У меня обнаружилась склонность к сочинительству, и я написал пару-тройку песенок для водевиля. Затем познакомился в музыкальном издательстве с Джорджем Бивеном, начинающим композитором. Вместе мы выдали несколько водевильных номеров. Потом один менеджер обратился к нам, чтобы оживить шоу, которое скатилось на обочину, и нам повезло – оно имело большой успех. Ну а после все пошло как по маслу. Бивен на днях женился, везет же людям!

– А ты сам женат?

– Нет.

– Никак не забудешь детскую любовь? – улыбнулась Джилл.

– Угу.

– Ничего, пройдет, – покачала она головой. – Встретишь какую-нибудь прелестную американку, сунешь ей червяка за шиворот, дернешь за косичку или как там еще ты проявляешь свое обожание, и... Куда это ты смотришь? Что такого захватывающего у меня за спиной?

– Да нет, ничего особенного. – Уолли отвел взгляд. – Просто какая-то монументальная пожилая дама уже минут пять не сводит с тебя глаз. Почти не ест, так ты ее заинтересовала.

– Пожилая дама?

– Ага... Ну и таращится! Ни дать ни взять «Птица с дурным глазом» Дансени. Сосчитай до десяти и оглянись как бы невзначай. Вон тот столик, почти напротив нашего.

– Боже мой! – ахнула Джилл, мельком глянув через плечо.

– Что, знакомая? Нежелательная встреча?

– Это же леди Андерхилл! А с ней – Дерек!

Уолли поставил бокал, не донеся до рта.

– Что за Дерек?

– Дерек Андерхилл, мой жених.

На миг повисла тишина.

– Вот как, – задумчиво хмыкнул Уолли. – Жених... Понимаю.

Он снова поднял бокал и осушил залпом.

2

Джилл растерянно смотрела на своего спутника. За суматохой этого вечера существование леди Андерхилл напрочь выпало из ее памяти. Она всегда так живо воспринимала окружающее, что обо всем прочем нередко забывала. Только сейчас мелькнула мысль – как всегда, поздно, – что ужинать с Уолли надо было где угодно, только не в отеле «Савой» – ведь там остановилась мать жениха! Джилл нахмурилась. Беззаботное веселье растаяло, и жизнь снова наполнилась проблемами и недоразумениями.

- Что же мне делать?
- Уолли Мейсон вздрогнул, выныривая из глубины размышлений.
- Прошу прощения?
- Что мне делать? – повторила Джилл.
- Да не волнуйся ты так.
- Дерек ужасно разозлится!
- Добродушные губы Уолли чуть заметно сжались.
- С какой стати? Ничего нет дурного в том, чтобы поужинать с другом детства.
- Нет, но... – с сомнением выдавила она.
- Дерек Андерхилл... – задумчиво прищурился Уолли. – Не тот ли самый сэр Дерек Андерхилл, чье имя мелькает в газетах?
- Да, про Дерекса часто пишут. Он член парламента и вообще...
- Видный мужчина... Ага, вот и кофе!
- Мне не надо, спасибо.
- Да ну, брось! Зачем портить ужин из-за такой ерунды? Ты куришь?
- Нет, спасибо.
- Бросила, да? Что ж, разумно. Курение мешает расти и бьет по карману.
- Что значит, бросила?
- Уже не помнишь, как мы с тобой за стогом сена делили сигару твоего отца? Разрезали ее пополам. Свою половинку я докурил до конца, а тебе хватило трех затяжек. Золотые были деньки!
- Только не тот денек! Конечно помню и едва ли когда-нибудь забуду.
- Само собой, виноват был я. Это я тебя подначил.
- Да, я всегда была готова принять вызов.
- А теперь?
- В смысле?
- Уолли стряхнул пепел с сигареты.
- Ну, допустим, я предложу тебе подойти к тому столику, глянуть жениху в глаза и сказать: «Хватит сверлить мне затылок взглядом! Я вправе поужинать с другом детства!» Решишься?
- А он сверлит? – поежилась Джилл.
- Еще как! Сама разве не чувствуешь? – Уолли задумчиво втянул дым. – На твоём месте я бы пресек это в зародыше. Отучать мужа от подобных привычек надо как можно раньше. Для цивилизованного мужчины это все равно что бить жену.
- Джилл неловко поерзала. Вспыльчивый нрав ее не выносил такого тона, враждебного, с едва завуалированным презрением. Дерек был неприкосновенен, и малейшая критика переступала невидимую грань. Казалось, Уолли из друга и приятного собеседника вновь превратился в противного мальчишку из давних лет. Опасный блеск в глазах девушки должен был его предостеречь, но он продолжил:
- Не такой уж он и свет в окошке, этот твой Дерек! Да и как ему быть при такой-то матери, если наследственность не выдумка.
- Пожалуйста, не надо так о Дерексе! – холодно бросила Джилл.
- Я только хотел сказать...
- Неважно. Мне это не нравится.
- Уолли медленно залился краской. Он ничего не ответил, и молчание легло между ними, словно тень. Джилл уныло прихлебывала кофе, уже сожалея о своей вспышке и брошенных словах.
- Впрочем, не столько сами слова разорвали ту хрупкую паутинку дружбы, что едва начала сплетаться, сколько их надменный тон. Так принцесса могла отчитывать подданного, и Джилл

понимала, что даже пощечина не оскорбила бы так собеседника. Неунывающая натура позволяет некоторым мужчинам переносить без потерь самые обидные щелчки, но Уолли, как подсказывала интуиция, к их числу не принадлежал.

Был лишь один способ поправить дело. В столкновениях темпераментов, этих бурях среди ясного неба, иногда удается отыграть назад, если не упустить подходящий момент и быстро заговорить на общие темы. От слов разверзаются бездны, и только слова наводят мосты.

Однако ни Джилл, ни ее спутник не нашли нужной темы, и угрюмое молчание затянулось. Когда Уолли наконец заговорил, то уже ровным тоном вежливого незнакомца:

– Твои друзья ушли.

Так попутчики в поездах осведомлялись, закрыть или открыть окно. Этот бесстрастный голос убил все сожаления и вновь распалил гнев. Джилл всегда принимала вызов и ответила столь же холодно-любезно и отчужденно:

– В самом деле? Давно?

– Минуту назад. – Свет в обеденном зале на миг погас, предупреждая, что близится час закрытия. В короткой темноте оба поднялись, и Уолли нацарапал свое имя на счете, который подsunул официант. – Пора и нам двигаться?

Они молча пересекли зал вместе с другими посетителями ресторана. На широкой лестнице в вестибюль стоял гул голосов. Снова вспыхнул свет.

У гардероба Уолли задержался.

– Я вижу, тебя ждет Андерхилл, – заметил он. – Должно быть, хочет отвезти домой. Ну что, прощаемся? Я живу здесь, в отеле.

Джилл оглянулась: наверху лестницы и правда стоял Дерек. Он был один. Леди Андерхилл, видимо, поднялась к себе в номер на лифте.

Уолли протянул руку. Лицо его было непроницаемо, взгляд ускользал.

– До свидания!

– До свидания! – эхом откликнулась Джилл.

Она испытывала странную неловкость. Враждебность утихла, хотелось как-то загладить размолвку – ведь они столь многое испытали сегодня вместе, и опасность, и радость. Джилл ощутила внезапное раскаяние.

– Ты ведь зайдешь в гости? – робко начала она. – Я уверена, дядя будет рад снова встретиться.

– Очень любезно с твоей стороны, – ответил Уолли, – но, боюсь, я на днях возвращаюсь в Америку.

Уязвленное самолюбие, этот союзник дьявола, тут же вернуло свою власть над Джилл.

– Вот как? Мне очень жаль, – безразлично бросила она. – Что ж, тогда прощай!

– Прощай.

– Приятного путешествия!

– Спасибо.

Он завернул в гардероб, а Джилл поднялась по ступенькам к Дереку. Рассерженная и подавленная, она остро осознавала тщету всего сущего. Люди возникают друг у друга в жизни и вновь исчезают – какой в этом смысл?

3

Сверлящий взгляд Дерекa несколько не смягчился. Брови грозно хмурились, и приветливой улыбки Джилл не дождалась. В отличие от нее, на долю жениха в этот вечер не выпало приятных минут. Оглядываясь на свою жизнь, как правило, баловавшую его, Дерек не мог припомнить другого дня, когда все шло настолько вкривь и вкось.

Началось с тумана, а тумана он терпеть не мог. Затем встреча с матерью на вокзале Чаринг-Кросс и разговор, которого одного хватило бы с лихвой, чтобы испортить настроение. Неприятности сыпались как из ведра: неловкий эпизод у Фредди в Олбани, до сих пор заставлявший морщиться, обед в зловещей тишине, отчаянная скука в театре, пожар и унижительное бегство в одержимой паникой толпе. А теперь еще и собственная невеста ужинает в «Савое» с каким-то совершенно незнакомым субъектом!

События переполнили чашу, и Дерек был близок к ярости. Происхождение и богатство этого баловня судьбы не подготовили его к подобной череде катастроф. Встретив Джилл ледяным молчанием, он повел ее к ожидавшему такси и, лишь когда машина тронулась, выплеснул негодование в словах.

– Ну, – выдал он, с усилием сдерживая рвущееся из груди бешенство, – не будешь ли ты столь добра объяснить?

Джилл откинулась на подушки сиденья. Хотелось прикоснуться к Дереку и ощутить знакомый трепет, такой радостный и в то же время пугающий. Еще никто не действовал на нее так. Она чуть придвинулась и нашла его руку, но та холодно отстранилась. У Джилл болезненно сжалось сердце, как будто ее грубо осадили на людях.

– Дерек, милый! – Губы у нее дрожали. Дерек Андерхилл считал полезным ставить окружающих на место, и эту сторону его характера доводилось наблюдать многим, но не Джилл. Для нее он неизменно оставался безупречным галантным рыцарем. Может быть, чуточку слишком безупречным и галантным, но она была так влюблена, что не замечала этого. – Пожалуйста, не злись!

Наш язык богаче многих, но почему-то в моменты, когда слова особенно важны, мы часто выбираем неверные. Дерек глубоко покорило столь легкомысленное определение его олимпийского гнева. Все равно что спросить у Прометея, которому терзают печень, не больно ли ему.

– «Не злись»?!

В окнах такси мелькали уличные фонари, выхватывая из темноты бледное взволнованное личико Джилл.

– Я тебя не понимаю, – вновь заговорил наконец Дерек. Он так до сих пор и не обратился к ней по имени и смотрел прямо перед собой, будто произносил монолог. – Просто не могу понять! После того, что случилось перед обедом, ты отправляешься без меня в ресторан, где половина публики тебя знает, да еще с каким-то...

– Ты не понимаешь!

– Вот именно! Так и говорю: не понимаю! – Довольный удачным ответом, он немного оттаял. – Твое поведение непостижимо! Где ты встретила этого типа?

– В театре. Он автор пьесы.

– Тот самый, что заговорил с тобой в антракте, незнакомый?

– Он оказался старым другом, я знала его в детстве.

– Об этом ты мне не сказала.

– Я сама узнала только позже.

– После того как согласилась с ним поужинать? С ума сойти! – прошипел Дерек, вновь остро ощущая гнет сегодняшних неприятностей. – Ты представляешь, что подумала моя мать? Она спросила, что за мужчина с тобой, и мне пришлось ответить: «Не знаю». Только представь, что она себе вообразила!

Если что-то и могло в тот момент возродить боевой дух оробевшей Джилл, то разве что упоминание о леди Андерхилл – и чудо свершилось. Глубокая взаимная антипатия возникла между ними с первой минуты встречи, что куда обычнее, чем любовь с первого взгляда, а неудачные обстоятельства помогли ей пустить корни и вырасти. Теперь уже мать Дерек была не просто неприятна Джилл, а разрушала ее счастье, угрожала любви и вызывала ненависть.

– Если бы твоя мать спросила меня, – с жаром откликнулась она, – я бы ответила, что этот мужчина спас меня от пожара после того, как вы... – Она едва сдержалась, чтобы не наговорить лишнего. – Дело в том, – продолжила она уже спокойнее, – что ты исчез...

– Моя мать уже немолода, – сухо перебил Дерек, – и мне, естественно, пришлось позаботиться о ней. А тебе я крикнул, чтобы шла за нами.

– Да я понимаю, просто пытаюсь объяснить, как все вышло. Я осталась совсем одна, и Уолли...

– Уолли? – Он издал короткий, лающий смешок. – Так ты с ним уже накоротке?

Джилл стиснула зубы.

– Говорю же, я знаю его с детства! Он всегда был для меня просто Уолли.

– Прошу прощения, забыл.

– Так вот, он провел меня на сцену, а потом вывел через служебный выход!

Дерек чувствовал себя обманутым. Взлелеянный им слон внезапно обернулся ничтожной мухой – после объяснений ничего особо возмутительного в поступке Джилл не оказалось. Пришлось ухватиться за последнюю соломинку.

– А потом? Тебе вовсе не обязательно было идти с ним в ресторан! – Олимпийский гнев Дерек постыдно съезжился до раздраженного ворчания. – Уехала бы сразу домой! Ты же знала, как я буду волноваться!

– Дерек, милый, не преувеличивай. Не так уж ты и волновался. Сам как ни в чем не бывало отправился ужинать.

Любопытно все-таки устроен человек. Несмотря на явное неодобрение матерью его помолвки и все неблагоприятные события злосчастного дня, Дерек только сейчас, услышав это замечание, впервые допустил мысль, что Джилл Маринер, как бы его к ней ни влекло, не так уж годится в супруги. Мысль возникла и тут же испарилась, будто след дыхания на зеркале, однако все же промелькнула.

Для некоторых мужей острый язычок жены страшнее меча, и Дерек был как раз из таких. Подобно большинству цельных натур, пуще всего берегущих достоинство, он не переносил колкостей в свой адрес.

– Моя мать сильно перенервничала, – холодно процедил он, – и я решил, что тарелка супа пойдет ей на пользу... Да, волновался – звонил тебе домой и спрашивал, вернулась ли ты.

«А когда тебе ответили, что нет, – подумала Джилл, – спокойно отправился ужинать!»

Вслух она этого не произнесла, потому что свой острый язычок умела и прикусить. Причинять лишнюю боль Дереку ей не хотелось. Искренняя во всем, она любила его всем сердцем. Пускай на ее сияющем кумире и были пятна, – что ноги у него из глины, она не поверила бы, – они не мешали ее любви.

– Прости меня, милый! – воскликнула Джилл. – Прости, пожалуйста! Я ужасно плохо себя вела.

Она снова взяла его за руку, и на этот раз Дерек позволил, хоть и с оскорбленно-недоверчивым видом.

Такси остановилось у дверей дома на Овингтон-сквер, каковое место жительства дядя Кристофер счел приличествующим джентльмену своего положения. Джилл подставила лицо для поцелуя, точно нашаливший ребенок.

– Я больше не буду! – пообещала она.

Дерек еще колебался. Поездка, хоть и долгая, не успела восстановить его душевного равновесия в полной мере. Тем не менее, ощущение близости Джилл, легкий аромат ее волос и сияющие в темноте глаза оказались сильнее. Он обнял ее и прижал к себе.

Со счастливым смехом Джилл исчезла в доме. День прошел ужасно, но закончился хорошо.

– Олбани! – бросил Дерек водителю и в смятении чувств откинулся на спинку сиденья.

Душевного подъема, однако, хватило ненадолго. Джилл поднимала настроение Дерек, лишь когда была рядом: сильным воображением он не отличался. Задолго до того как такси затормозило на Пикадилли перед многоквартирным комплексом Олбани, лицо жениха вновь помрачнело.

4

Фредди развалился в глубоком кресле, задрал ноги в шлепанцах на каминную решетку, и восстанавливал силы крепкой смесью виски с содовой. В углу рта у него дымились одна из сигар, отмеченных верным Баркером печатью личного одобрения. Спортивная газета, с помощью которой Фредди успокаивал потрепанные нервы, валялась рядом с креслом, и теперь он мирно созерцал потолок, выбросив из головы все мысли. Ничто на свете больше не беспокоило Фредди.

– Привет, старина! – бросил он вошедшему Дереку. – Удачно сбежал из печи, раскаленной огнем? Я все гадал, как ты там. Жив-здоров? А я никак в себя не приду, все нервы наизнанку. Нет, я всегда готов к услугам, прийти на помощь и все такое, но представлять вот так вот вдруг в одном лице библейских Седраха, Мисаха и Авденаго без репетиций и грима – это уже перебор! Нет, друзья-приятели, лучше вы как-нибудь без меня. Если в этом сезоне театральные пожары войдут в моду, то последний из Руков будет тихонечко посиживать дома и раскладывать пасьянсы. Налей себе чего-нибудь, старина... А как твоя матушка, нормально, не обгорела? Ну и славненько... Бери сигару, не стесняйся.

Исполнив, таким образом, в достаточной мере обязанности хозяина, Фредди поглубже втиснулся в кресло и выпустил облако дыма.

Дерек уселся, закурил и уставился на горящие угли. С фотографии на каминной полке улыбалась Джилл, но он даже не взглянул туда. Вскоре его молчание стало угнетать Фредди. Вечерок выдался не из приятных, и теперь хотелось веселой болтовни с другом, но тот, похоже, не собирался вносить свою лепту.

Убрав ноги с решетки, Фредди изогнулся в кресле и озабоченно глянул на мрачное лицо приятеля. Помимо особой приязни к Дереку, хозяин квартиры отличался природным добросердечием и всегда сочувствовал чужой беде.

– Тяжко на душе, старина? – деликатно осведомился он.

Дерек помедлил с ответом, но потом решил, что, как бы незначительны ни были умственные способности Фредди, он все же старый приятель, а довериться кому-нибудь надо – может, станет легче. К тому же, Фредди и познакомил его с Джилл, которую знает с детства.

– Да, – вздохнул Дерек.

– Слушаю тебя, дружище! Валяй, раскрывай сюжет.

Пыхнув сигарой, Дерек проводил взглядом плывущий к потолку дым.

– Все из-за Джилл...

Фредди выказал живой интерес, извернувшись в кресле еще сильнее.

– Джилл?

– Фредди, она такая... безрассудная!

Фредди едва не свалился с кресла. Вот так совпадение, прямо как в романе!

– Чудеса, да и только! – воскликнул он. – Сегодня перед обедом я сказал ей в точности то же самое! – Он замялся. – Понимаю, к чему ты клонишь, старина. Ключевое слово – «мамаша», так? В смысле, Джилл надо бы вести себя поосмотрительней, не то ставки на нее сильно упадут? Верно мыслишь, дружище! Мы с тобой отлично знаем, что Джилл – само совершенство, но твоей матери может показаться иначе. Я хочу сказать, старушка судит по первому впечатлению, а оно... то есть, встреча получилась не то чтобы... Знаешь, дружище, мне страшно неудобно из-за того случая... ну, сам понимаешь. Я не хотел, чтобы так вышло, честное слово! Мне

показалось, твоя матушка была слегка огорчена... даже обижена, нет? За обедом я что-то такое заметил...

– Да она просто в бешенство пришла! Ничего не сказала, когда мы остались наедине, но зачем? Я и так видел.

Дерек бросил сигару, и Фредди с тревогой отметил этот знак душевного волнения.

– Да, неудачно вышло, – согласился он.

Дерек принялся мерить шагами комнату.

– Фредди...

– Я здесь, дружище!

– Надо что-нибудь придумать.

– Непременно! – со значением кивнул Фредди, всем сердцем ощущая важность задачи.

Дерек был его лучшим другом, Джилл – любимой подругой детских лет, и их неприятности доставляли ему боль. – Вот что я скажу тебе, старина: позволь мне взять это дело на себя!

– Тебе?

– Да, мне, последнему из Руков! – Он вскочил и прислонился к каминной полке. – Я тот, кто тебе нужен! С Джилл мы знакомы много лет, она ко мне прислушается. Потолкую с ней по-отечески, объясню, что к чему. Встречусь завтра же за чаем и выложу все без экивоков. Положись на меня, дружище!

Дерек задумался.

– Что ж, это может быть полезно, – решил он.

– Вот именно! Как раз то, что надо – просто и гениально. Не бери в голову и топай в постельку, я все улажу.

Глава 5. Леди Андерхилл испытывает шок

1

В Лондоне есть улицы, куда солнце как будто не заглядывает никогда. Попадаются они и в модных кварталах – можно предположить, что их обитатели считают престижный адрес достаточной компенсацией за вечный сумрак – однако большинство расположено в захудалых окрестностях вокзалов и не предлагает взамен солнечного света никаких преимуществ.

Эти узкие неприметные улочки, серые, как январское небо, и пропахшие капустой, отмечены несмываемой печатью упадка и кишат бродячими кошками. Вечерами здесь пусто и темно, а тишину нарушает разве что надтреснутое бречание расстроенного пианино – какой-нибудь простенький псалом, к которым питают слабость жители убогих домишек. Днем некоторое оживление вносят хозяйки в фартуках, которые вытряхивают у подъездов ковры или спешат с кувшином в пивную на углу за вечерней порцией напитка. Почти везде в окнах первого этажа висит объявление о сдаче мебелированных комнат.

Если свернуть с главных городских магистралей, срезая путь к вокзалам Юстон, Паддингтон или Ватерлоо, подобные улочки попадают десятками. Самые унылые и неказистые протянулись за вокзалом Виктория, а Добени-стрит в районе Пимлико – самая жалкая среди них.

На следующий день после описанных событий в комнате на первом этаже дома № 9 по Добени-стрит одевалась девушка. Поднос с остатками позднего завтрака стоял на ветхом столике, рядом красовалась ваза с восковыми цветами. Под столиком виднелась на полу зеленая обложка театрального еженедельника. Серый попугай в клетке у окна щелкал семечки, лукаво поглядывая на хозяйку.

Далеко не в первый раз Нелли Брайант прихорашивалась, готовясь осаждать театральных агентов на Стрэнде. Попугай наблюдал это каждый день. Через час-другой она вернется, устало бросит: «Ну их!», и лишь тогда день начнется по-настоящему. Попугай Билл обожал звук собственного голоса, но до вечера побеседовать обстоятельно никогда не получалось.

– Ер-р-рунда! – изрек он и разгрыз еще одно семечко.

Если комнаты отражают характер обитателей, то Нелли с честью выходила из испытания. Лондонскую мебелированную дыру едва ли возможно привести в сколько-нибудь божеский вид, однако Нелли приложила все силы. Легкая перестановка и пара добавленных со вкусом штрихов придавали свежесть даже скудному и ни на что не похожему старью, а вечером, при газовом свете, комната становилась почти уютной.

Подобно другим кочующим актерам, Нелли умела достигать многого малыми средствами. На гастролях в Америке ей иногда удавалось располагаться с относительным удобством даже в номерах крошечных отелей, что можно считать величайшим достижением. При таком образе жизни домовитость – редкий дар.

Сегодня Нелли чувствовала себя несчастной и не впервые. Лицо в зеркале, перед которым она поправляла свою лучшую шляпку, выглядело утомленным. Оно было лишь в меру хорошеньким, но одиночество и недоедание придавали ему некое задумчивое очарование. Увы, не того сорта, что привлекает плотных, заправленных виски мужчин с сигарой во рту за ворохом бумаг в кабинетах театральных агентств с табличкой «Директор». Нелли уже больше месяца сидела без контракта – с тех пор как спектакль «Вслед за девушкой» сошел со сцены театра «Регал».

Эту американскую музыкальную комедию привезла из Нью-Йорка театральная труппа, скромное место в которой занимала и Нелли Брайант. Отыграв год в Лондоне и пару месяцев в

других крупных городах, труппа уехала обратно в Нью-Йорк, и мысли о том, что можно было вернуться вместе с остальными, не добавляли Нелли бодрости долгими вечерами на Добени-стрит. Движимая безрассудным порывом, она решила попытать счастья в Лондоне и теперь оказалась на мели.

– Ер-р-рунда! – вновь проскрежетал Билл.

При всей своей разговорчивости он был несколько ограничен в выборе слов и частенько повторялся.

– Для кого как, глупышка! – отозвалась Нелли, завершая манипуляции со шляпкой и оборачиваясь к клетке. – Тебе-то хорошо, бездельник, знай себе посиживай да семечки щелкай! А мне, думаешь, легко топать по всему городу и искать работу, которой нет? – Она взяла перчатки. – Ладно, пожелай мне удачи!

– Пока-пока! – крикнул Билл, подскочив к прутьям клетки.

Нелли почесала ему пальцем головку.

– Что, не терпится от меня избавиться, да? Ну, до свидания!

– Пока-пока!

– Все, ухожу. Будь умницей, не шали!

– Гав, гав, гав! – залаял попугай, не связывая себя обязательствами.

После ухода хозяйки он посидел немного на жердочке, нахохлившись и глядя в пространство. Затем перебрался к кормушке с семечками и слегка подкрепился. Биллу нравилось растягивать еду, чтобы она подольше не кончалась. Запив угощение водой, он вернулся на середину клетки и предпринял интимное исследование, копаясь клювом под левым крылом, после чего мяукнул кошкой и вновь предался безмолвным размышлениям.

Прикрыв глаза, Билл задумался над своей любимой загадкой: почему он попугай? Это всегда помогало скоротать часок-другой, и только к трем пополудни он пришел к неизменному выводу, что ответ неведом никому.

Тишина в комнате навевала меланхолию, и попугай, устав от умственного напряжения, огляделся в поисках способа оживить свое существование. Полаять, что ли, еще?

– Гав, гав, гав!

Само по себе неплохо, но разве это развлечение? Хотелось настоящей лихости. Он подолбил клювом пол клетки, оторвал клочок газеты и стал задумчиво жевать, склонив голову набок. Вкус показался хуже обычного. Должно быть, хозяйка сменила «Дейли Мейл» на какую-нибудь «Дейли Экспресс».

Проглотив бумагу, Билл прислушался к себе, и решил, что душа требует небольшой разминки. К примеру, забраться на потолок клетки, цепляясь клювом и когтями – упражнение простенькое, но хоть какое-то занятие.

Он уцепился за дверцу клетки... и та отворилась. Денек выдался особенный, смекнул попугай. Уже не один месяц не выпадало такой удачи!

Билл ничего не делал впопыхах, если не вынуждали внешние обстоятельства, и сперва посидел, глядя в открытую дверцу. Затем осторожно выбрался наружу. Ему приходилось бывать в комнате и прежде, но только под присмотром Нелли. Вот оно, настоящее приключение!

Он перепорхнул на подоконник. Там лежал желтый клубок шерстяной пряжи, но попугай уже пообедал и не мог проглотить ни крошки. Чем бы еще заняться? И тут внезапно обнаружилось, что мир куда больше, чем казалось: за окном тоже что-то есть! Насколько дальше простирается свобода, попугай не ведал, но вопрос явно требовал изучения.

Рама была приподнята, а сразу за ней виднелось что-то вроде прутьев другой клетки, только потолще. На самом деле там тянулась ограда, символически отделявшая дом № 9 от улицы. Местные мальчишки любили с треском проводить палкой по железным прутьям. Когда Билл глянул вниз, один из таких сорванцов как раз пробежал мимо.

Громкий треск вызвал тревогу, однако, поразмыслив, попугай пришел к заключению, что от большого мира подобное вполне ожидаемо, и птица, которая вознамерилась повидать жизнь, не должна пугаться всякой ерунды. Поворковав задумчиво, он косолапо прошествовал через подоконник, ухватился клювом за железный прут и стал спускаться. Достигнув тротуара, встал и выглянул за ограду.

Трусивший мимо пес заметил его и решил обнюхать.

– Пока-пока! – небрежно бросил Билл.

Пес растерялся. По его скромному жизненному опыту, птицы были птицами, а люди – людьми. Что за помесь такая, как с ней себя вести? Тявкнув на пробу и убедившись, что ничего страшного не последовало, пес сунул нос меж прутьев и тявкнул снова.

Любой, кто знал Билла, мог бы сказать псу, что тот напрашивается. Так и вышло. Вытянув шею, попугай цапнул его за нос. Пес отскочил с болезненным воем – жизненный опыт обогащался с каждой минутой.

– Гав, гав, гав! – саркастически прокомментировал Билл.

Тут он заметил ноги в брюках, целых четыре, поднял глаза и увидел, перед собой двоих представителей низших слоев общества, которые пялились на него в апатичной манере лондонского пролетариата, узревшего диковинку. Минуту-другую они разглядывали птицу, затем один вынес суждение:

– Эрб, ты только глянь! Попугай! – Вынув изо рта трубку, он указал черенком на Билла. – Ну точно попугай, чтоб мне лопнуть!

– Да ну? – отозвался немногословный товарищ.

– Так и есть, попугай, – продолжал первый, все глубже вникая в ситуацию. – Натуральный попугай, Эрб! У свояченицы моего брата Джо был такой вот, один в один. Заграничная птичка, знаешь ли. Точно как у свояченицы Джо – рыжая девчонка, выскочила замуж за одного парня из доков. Вот у нее и был такой самый – по-пу-гай!

Он нагнулся к ограде, чтобы рассмотреть поближе, и просунул палец сквозь прутья. Изменив обычной своей немногословности, Эрб предостерег:

– Эй, ты полегче, Генри! Как бы он того, не тяпнул!

Генри обиженно фыркнул.

– Еще чего! Тяпнул? Меня? Уж я-то про них, про попугаев, все знаю! У меня, у братней свояченицы такой самый был. Кто к ним со всей душой, ни в жисть не тяпнут!.. Ты ведь знаешь, приятель, кто тебе друг, а? – обратился он к Биллу, который косился на протянутый палец сощуренным глазом.

– Пока-пока, – уклонился попугай от прямого ответа.

– Слыхал? – радостно воскликнул Генри. – «Пока-пока»! Ну, прям как человек!

– Гляди, отхватит тебе полпальца, – не унимался подозрительный Эрб.

– Кто, он?! – вскипел Генри, негодуя, что его репутация эксперта по попугаям подверглась сомнению. – Да ни в жисть он ничего никому не оттяпает!

– Спорю на полпинты, оттяпает, – упорствовал скептик.

– Да будь я проклят, если оттяпает! Который был у свояченицы Джо, ничего не оттяпал, а этот такой же точно. – Он протянул палец еще дальше и соблазнительно покачал перед клювом Билла. – Привет, друг! По-пу-полли хочет орешков?

То ли из-за лени, то ли впечатленный примером добропорядочности сородича, принадлежавшего свояченице брата нового знакомого, попугай все еще разглядывал палец с отстраненным видом.

– Видал? – с торжеством обернулся Генри.

– Гав, гав, гав! – добавил попугай.

– Гав, гав, гав! – откликнулся неожиданно вернувшийся пес, возобновляя спор с того самого момента, когда тот прервался.

Действие его лая на собеседника оказалось роковым. Птица с тонкой душевной организацией напрочь утратила выдержку, свойственную аристократам и попугаям высших разрядов. Нервы Билла дрогнули, а в таких случаях он всегда пускал в дело клюв.

Генри отскочил с воплем. Надо сказать, что бедняга заслуживал сочувствия – он никому не желал зла.

– С тебя полпинты, – хмыкнул Эрб, никогда не упускавший из вида вопросов бизнеса.

Суэта сменилась затишьем. Пес с ворчанием удалился и наблюдал за событиями с обочины тротуара. Выигравший спор Эрб вновь погрузился в молчание. Генри посасывал укушенный палец. Попугай, храбро сразившись с враждебным миром и показав, кто чего стоит, беспечно посвистывал.

Вынув изо рта палец, Генри обернулся.

– Одолжи-ка мне свою палку, Эрб! – с угрозой выдавил он.

Тот молча протянул свою неразлучную и увесистую спутницу, и Генри, совершенно не походя уже на добродушного гуляку, стал яростно тыкать палкой меж прутьев ограды. Попугай Билл оглушительно завопил, взывая о помощи и в панике мечтая лишь снова очутиться в своей уютной клетке. А Фредди Рук, поворачивая за угол вместе с Джилл, застыл как вкопанный и побледнел.

– Господи! – выдохнул он.

2

Выполняя обещание, данное накануне Дереку, Фредди сразу же после завтрака связался по телефону с Джилл и договорился увидеться днем на Овингтон-сквер. Явившись, он застал Джилл с телеграммой в руке. Дядя Кристофер вволю надышался морским воздухом в Брайтоне и возвращался дневным поездом, и Джилл предложила Фредди проводить ее на вокзал Виктория, чтобы встретить дядю и помочь доставить домой.

Фредди, который рассчитывал на доверительную беседу тет-а-тет заодно с лекцией о вреде безрассудства, поулыбался, но в конце концов уступил. На вокзал они отправились пешком через Добени-стрит и свернули за угол как раз после жестокого нападения на ни в чем не повинного Генри. Полное смертельного ужаса верещание попугая Билла заставило их замереть на месте.

– Что это?! – вскрикнула Джилл.

– Похоже на убийство!

– Не может быть!

– Не знаю, не знаю. В таких кварталах то и дело кого-то убивают.

Разглядев впереди двоих мужчин, они слегка успокоились. Держаться рядом с убийством так невозможно, как Эрб, не смог бы никто.

– Да это же птица!

– Ну да, старый добрый попугай. Видишь? Вон там, за оградой.

Ярость накатила на Джилл огненным жаром. Каковы бы ни были ее недостатки, – а описанные события уже показали, что наша героиня далека от совершенства, – но одно превосходное качество у нее имелось – любовь к животным и жгучая ненависть к тем, кто их обижает. По меньшей мере трое ломовых извозчиков в Лондоне до сих пор не могли забыть, что она им наговорила по поводу жестокого обращения с покорными клячами.

С узко-зоологической точки зрения, попугай Билл не был животным, но не для Джилл, и она тут же рванулась по Добени-стрит на выручку. Фредди уныло трусил следом, придерживая шляпу рукой в изящной перчатке и с горечью осознавая свой не слишком достойный вид, несмотря на щегольской наряд с белыми гетрами и прочими модными атрибутами. Однако Джилл выдала такой спринт, что о достоинстве думать не приходилось.

Прибыв на поле битвы, она окинула Генри испепеляющим взглядом. Мы видели Генри в спокойные минуты, знаем его как доброго малого и понимаем, что первым начал не он. Если есть в нас дух справедливости, мы просто обязаны встать на сторону Генри. В истории с Биллом он безусловно прав. Дружба, предложенная им от всего сердца, оказалась грубо отвергнута, он был коварно укушен за палец, а вдобавок проиграл Эрбу полпинты пива!

Как беспристрастные судьи, мы могли бы лишь пожелать Генри удачи и оставить в покое, но Джилл, не заставшая начальных стадий происшествия, рассудила совсем иначе. Для нее Генри предстал отъявленным мерзавцем, который тычет палкой в беззащитную птичку.

Девушка обернулась к запыхавшемуся Фредди, чьи мысли были об одном: почему, черт возьми, из шести миллионов лондонцев это приключилось именно с ним?

– Фредди, останови его!

– В смысле? Да я, знаешь ли... Что?

– Ты разве не видишь? Он делает больно несчастной птичке! Заставь его прекратить!.. Негодяй! – бросила она в сторону Генри, за которого у нас просто сердце кровью обливается, – когда тот снова ткнул палкой в обидчика.

Фредди нехотя шагнул вперед и похлопал Генри по плечу. Глубокое убеждение в том, что подобные разговоры начинают не иначе, как похлопав по плечу, молодой человек искренне разделял.

– Послушай-ка, знаешь ли... так нельзя, видишь ли! – произнес Фредди.

Генри обернул к нему побагровевшее лицо.

– А ты кто такой?

Неожиданная атака с тыла вдобавок ко всем неприятностям совсем подорвала его самообладание.

– Ну... – замялся Фредди. Пожалуй, глупо предлагать свою визитную карточку, подумал он. – Э-э... В общем, моя фамилия Рук...

– А кто, – перебил Генри, – просил тебя совать сюда твою дурацкую рожу?

– Ну, если вы так ставите вопрос...

– Шляются тут всякие, – пожаловался Генри всей вселенной разом, – лезут не в свое дело, высматривают, вынюхивают... Да я, – перебил он сам себя во внезапном порыве красноречия, – я могу сжевать таких двоих, как ты, к чаю – пускай и в белых гетрах!

– Ага! – заметил его товарищ, до сих пор в разговор не вступавший, и сплюнул на тротуар. Видно было, что Эрб высоко оценивает прозвучавший тонкий выпад.

– Думаешь, если белые гетры напялил, – продолжал Генри, на чью впечатлительную душу эта модная деталь костюма произвела, очевидно, неизгладимое впечатление, – так можешь тут шлендать, лезть не в свое дело, высматривать да вынюхивать? Эта тварь меня за палец цапанула – вот он, коли не веришь! – и я сверну ей поганую шею, даже если сюда явятся уроды в белых гетрах со всего Лондона! Так что тащи свои гетры домой да отдай своей старухе, пускай их на обед сварит!

Излив таким образом душу и облегчив тяжкий груз, лежавший на сердце, Генри вновь энергично ткнул палкой сквозь прутья ограды.

Джилл бросилась вперед. Чтобы сделать хорошо, делай сам, считала всегда она и обратилась за помощью к Фредди лишь для проформы, с самого начала чувствуя, что Фредди – трость надломленная, что и подтвердилось.

Фредди явно полагался на магию слов, однако щегольские гетры лишили его речи всякой магии, поскольку Генри, по-видимому, принадлежал к некоему обществу, главной целью которого была борьба с белыми гетрами. Поручать Фредди ведение боевых действий не представлялось разумным. Оставалось все делать самой. Джилл ухватила за палку и вырвала ее из руки Генри.

– Гав, гав, гав! – крикнул попугай Билл.

Любой беспристрастный слушатель различил бы в его тоне злостную насмешку, и Генри был глубоко уязвлен. Он был не из тех, кто прибегает к рукоприкладству в отношении слабого пола, разве когда огреет по затылку свою старуху, если ситуация того требует. Однако теперь он отбросил все жизненные принципы и тигром кинулся на Джилл.

– А ну, отдай!

– Пошел вон!

– Эй, послушайте, знаете ли... – робко вставил Фредди.

Совсем потеряв голову, Генри сделал выпад, и Джилл, глаз у которой был меткий, стукнула его палкой точно в висок.

– У-у-у! – взвыл Генри и осел на тротуар.

Внезапно за спиной у Джилл послышалось:

– Это еще что такое? – Здоровенный полисмен возник словно ниоткуда. – Немедленно прекратить!

Эрб, до сих пор молча созерцавший стычку, разразился речью:

– Это она его приложила!

Полисмен взглянул на Джилл. Долгие годы службы притупили почтение к дорогой одежде, с которым он приехал в столицу из захолустья. Одета Джилл была хорошо, но в эту беспокойную эпоху суфражистских волнений его лягали и даже кусали особы, одетые и поэлегантнее.

Сердца на Белгрейв-сквер бывают столь же чисты и честны, как и в трущобах Севен-Дайлс, но за нарушение общественного порядка отвечают все одинаково. Взгляд полисмента, направленный на Джилл, застигнутую на месте преступления с палкой в руках, был суров.

– Ваша фамилия и адрес, мисс?

С изумлением приоткрыв рот, рядом остановилась девушка в синем пальто и широкополой шляпе. При ее виде попугай Билл издал приветственный возглас. Нелли вернулась, и теперь все снова будет хорошо!

– Маринер, – ответила Джилл, бледная, с горящими глазами. – Овингтон-сквер, 22.

– А вы, сэр?

– Я? Что? Ах да! Понимаю. Я Рук, знаете ли... Ф. Л. Рук. Живу в Олбани, и все такое.

Полисмен раскрыл блокнот и стал записывать.

– Послушайте, – воскликнула Джилл. – Этот человек хотел убить попугая, и я его оставила...

– Ничего не могу поделать, мисс. Вы не имели права бить человека палкой. Придется вам пройти со мной.

– Но... как же... – в ужасе пролепетал Фредди. Такое случалось с ним и прежде, но исключительно в дни гребных гонок, когда это, можно сказать в порядке вещей. – Я, видите ли...

– Вы тоже, сэр. Замешаны вы оба.

– Но...

– Брось, Фредди, – спокойно перебила Джилл. – Все это сплошная нелепость, но шум поднимать незачем.

– Вот это похвально, мисс, – довольно кивнул полисмен.

3

Леди Андерхилл устало перевела дух. Говорила она уже давно и с жаром, сидя с Дерекком на квартире у Фредди в Олбани, а темой монолога была Джилл. Дерек ожидал атаки и удивлялся лишь тому, что она не случилась раньше.

В течение всего ужина накануне, и даже когда Джилл обнаружилась за соседним столиком в компании мужчины, незнакомого ее сыну, леди Андерхилл хранила о будущей невестке суровое молчание, зато сегодня высказалась со всей вырвавшейся из-под спуда энергией. Поток слов был пронизан лютой враждебностью, нараставшей с первой встречи с Джилл в той же самой комнате.

Говорила леди Андерхилл торопливо, потому что время поджимало. Муниципальный совет главного города в избирательном округе на севере Англии решил завтра утром заложить первый камень новой ратуши, и Дерек, как местный депутат парламента, должен был руководить торжеством. Баркера уже отправили к телефону вызывать такси, чтобы ехать на вокзал, и беседа могла прерваться в любой момент. Приходилось укладываться в то малое время, что еще оставалось.

Слушал Дерек насупясь и едва решался отвечать. Мать была бы довольна, знай она, как сокрушительно действуют ее аргументы. Червячок сомнения, досаждавший Дереку в такси по дороге с Овингтон-сквер, не сгинул за ночь, а, напротив, вырос и обрел грозные очертания. Теперь же, получив помощь извне, возвышался настоящим колоссом, угнетая душу.

Дерек то и дело поглядывал на часы и клял про себя безвестного таксиста, чье промедление длило тягостную сцену. Что-то подсказывало: сейчас поможет только бегство. Когда мать в таком воинственном настроении, противостоять ей невозможно. От нее немеют и разум, и язык.

Другие члены семьи тоже отмечали это свойство леди Андерхилл и с горечью обсуждали его в курительных загородных домов в тот час, когда мужчины встречаются, чтобы излить душу за последней порцией виски с содовой.

Высказав все, что хотела, леди Андерхилл перевела дыхание и начала сызнава. Частое повторение было у нее одним из самых сильных приемов. Как любил отмечать ее брат Эдвин, склонный к грубоватым образам, она заболтала бы и ослиную задницу.

– Надо быть просто ненормальным, Дерек, чтобы на решающей стадии карьеры связать себя женой, которая не только не окажет помощь, но станет губительной помехой! Нет, я не виню тебя за то, что ты вообразил себя влюбленным – хотя, казалось бы, с твоим характером и силой воли... Тем не менее, повторяю: за это я тебя не виню. На первый взгляд эту девушку можно назвать привлекательной. Лично я не в восторге от таких, однако, по-видимому, она обладает качеством – в мое время его называли дерзостью, – которое нравится современным молодым людям. Могу себе представить, как легко она очарует слабохарактерного недоумка вроде твоего дружка Рука, но чтобы ты... Ладно, не будем об этом. Я хочу только сказать, что в твоём положении, ввиду открытой перед тобой карьеры – несомненно, через год-другой тебе предложат по-настоящему большой и ответственный пост! – будет просто безумием повесить себе на шею женщину, которая не знает никаких рамок. Дядя у нее мошенник...

– За дядю она не отвечает.

– ...Она ужинает с незнакомыми мужчинами в общественных местах...

– Это я тебе объяснил.

– Может, и объяснил, но не оправдал и не сделал хоть чуточку менее возмутительным. Не станешь же ты утверждать, что для помолвленной невесты сколько-нибудь прилично идти с первым встречным ужинать в «Савой», даже если они были слегка знакомы много лет назад! Кто-то скажет, наверное, что идиллические детские воспоминания извиняют любое нарушение приличий, но меня воспитывали иначе. Прости за вульгарность, но это, по сути, сводится к тому, что девушка ужинает – подумать только, ужинает! в наше время они в такой час уже ложились спать! – с посторонним мужчиной, который подцепил ее в театре!

Дерек неловко заерзал. Хотелось вскочить и потребовать взять назад оскорбительную фразу, но он промолчал. Червячок, выросший в колосса, был уже сильнее него. Мать права, нашептывал тот, она грубо, но точно описывает случившееся.

Он снова глянул на часы и в сотый раз пожелал, чтобы такси наконец-то приехало. Джилл улыбнулась ему с фотографии возле часов на каминной полке, и он отвел глаза, почувствовав вдруг, что поступает низко, предает ту, что любит его и доверяет ему.

– Что ж, больше мне нечего сказать... – Леди Андерхилл поднялась, застегивая перчатки. – Оставляю тебя, обдумай мои слова. Добавлю лишь одно: я увидела ее только вчера, но совершенно уверена, что эта легкомысленная девица из так называемых «современных» в один прекрасный день наверняка впутается в серьезный скандал. Я не хочу, чтобы она была в состоянии вовлечь в него и тебя!.. Да, Баркер, что такое? Прибыло такси для сэра Дерек?

Баркер вошел неслышно и почтительно застыл в дверях. На длинном лице его не отражалось ничего, кроме сдержанной печали, которую чувство приличия заставляло носить всегда, словно маску, в присутствии вышестоящих.

– Такси, миледи, будет с минуты на минуту... Извините, сэр Дерек, пришел полисмен с посланием.

– Полисмен?

– От мистера Рука, сэр.

– Ничего не понимаю!

– Я переговорил с констеблем, сэр, – печально сообщил Баркер. – Как я понял, мистер Рук и мисс Маринер арестованы.

– Арестованы?! Да что вы говорите!

– Мистер Рук прислал полисмена и просит вас внести за них залог.

Блеск в глазах леди Андерхилл разгорелся в пламя, но голоса она не повысила:

– Баркер, за что арестованы мисс Маринер и мистер Рук?

– Насколько я мог понять, миледи, мисс Маринер ударила кого-то на улице палкой, и их с мистером Руком отправили в полицейский участок в Челси.

Леди Андерхилл обернулась к Дереку. Тот молча смотрел в горящий камин.

– Это не совсем удобно, Дерек, – вкрадчиво заметила она. – Если ты поедешь в полицейский участок, то опоздаешь на поезд.

– Думаю, миледи, – вставил Баркер, – сэру Дереку достаточно отправить туда меня с чеком на десять фунтов.

– Вот и хорошо, попросите полисмена немного подождать.

– Слушаюсь, миледи.

Дерек с усилием стряхнул апатию. С мрачным лицом сел за письменный стол и достал чековую книжку. С минуту царило молчание, нарушаемое лишь скрипом пера. Слуга взял подписанный чек и вышел из комнаты.

– Теперь ты наконец убедился, что я права? – воскликнула леди Андерхилл чуть ли не с благоговейным трепетом. Столь своевременный инцидент казался прямым ответом на ее молитвы. – Никаких сомнений быть не может, ты обязан порвать эти кошмарные узы!

Не ответив, Дерек поднялся и взял со стула пальто и шляпу.

– Дерек, ты сделаешь это! Скажи, что сделаешь!

Он надел пальто.

– Дерек!

– Мама, ради всего святого, оставь меня в покое! Мне надо подумать.

– Хорошо, оставляю, думай.

Леди Андерхилл направилась к двери. Задержалась на пороге, чтобы заговорить снова, но затем решительно сомкнула губы. Умная женщина всегда знает, как важно в жизни уметь вовремя остановиться. Достигнутое словами избыток тех же слов способен и разрушить.

– До свидания, – бросила она.

– До свидания, мама.

– Увидимся, когда вернешься?

– Да. Нет... не знаю точно, когда вернусь. Может, и уеду на время.

Дверь за леди Андерхилл закрылась. Дерек вновь уселся за стол, написал несколько слов, порвал листок. Поднял взгляд на каминную полку, откуда счастливо улыбалась Джилл. Он отвернулся, достал новый лист бумаги, задумался на миг и продолжил писать.

Неслышно отворилась дверь.

– Такси ждет, сэр Дерек, – доложил Баркер.

Надписав адрес, Дерек поднялся на ноги.

– Хорошо, спасибо. Да, Баркер, по пути в участок зайдите в рассылную контору и отправьте срочно это письмо.

– Будет сделано, сэр Дерек.

Дерек повернулся к каминной полке. На миг задержав взгляд на фотографии, он быстро вышел из гостиной.

Глава 6. Дядюшка Крис выходит из себя

1

К дому № 22 по Овингтон-сквер подъехало такси, из которого выбрался Фредди, а за ним – Джилл. Пока он расплачивался с водителем, она с наслаждением вдыхала свежий воздух. Денек разгулялся на славу. С утра западный ветер быстро погнал ртутный столбик вверх, разбивая оковы холода, охватившего Лондон. День был из тех, что врываются в зимний сумрак с ложным, но все же приятным известием о грядущей весне. Под ногами мокро от тающего снега, по обочинам текут ручьи, а солнце радостно сияет в голубом, как яйца малиновки, небе.

– Какой чудесный аромат вокруг! Правда, Фредди? Особенно после тюрьмы!

– Просто супер!

– Как быстро нас выпустили! Постараюсь теперь, чтобы меня всегда арестовывали вместе с каким-нибудь богачом. Никогда больше не стану дразнить тебя насчет твоей заветной полусотенной, обещаю!

– Полусотенной?

– Но ведь правда: твоя бумажка еще как сегодня пригодилась!

Джилл повернулась отпереть дверь и не заметила, как у Фредди внезапно отвалилась челюсть. Он схватился за нагрудный карман, скривившись в мучительной досаде. Фредди ненавидел сам себя. Очутившись в полицейском участке без денег, если не считать мелочи в карманах, он послал за помощью к Дереку, иначе пришлось бы провести ночь в тюремной камере, а в другой оказалась бы Джилл.

Он понимал, что идет на риск: Дерек мог воспринять инцидент болезненно. Навлекать на Джилл неприятности не хотелось, но как иначе? Проведи они ночь в участке, новость, чего доброго, попала бы в газеты, а это в тысячу раз хуже. Если же попросить помощи у кого-нибудь вроде Ронни Деверо или Элджи Мартина, то на следующий день узнает весь Лондон. Поэтому Фредди, хоть и с неохотой, отправил послание Дереку, а теперь слова Джилл заставили вспомнить, что никакой нужды в том не было.

Еще давно Фредди не то прочел, не то услышал об одном типе, который всегда носил при себе крупную купюру, зашитую в одежду. Это показалось разумным: разве можно предугадать, когда вдруг окажешься без наличных, а деньги срочно потребуются? А теперь, в ту самую роковую минуту, он напрочь – ну совершенно! – забыл про тщательно запрятанную полусотенную.

Он вошел в дверь следом за Джилл, стая в душе, но в то же время радуясь. Джилл приняла как само собой разумеющееся, что скорым освобождением они обязаны его предсмотрительности, и Фредди не собирался развеивать ее иллюзии. Зачем признавать вину, пока не обвиняют? Кто знает, может, старина Дерек проявит хладнокровие и лишь посмеется над дурацким происшествием. От этой мысли Фредди значительно воспрянул духом.

Джилл тем временем разговаривала с горничной, которая выглянула из-за перил кухонной лестницы.

– Майор Сэлби еще не приехал, мисс.

– Как странно! Наверное, выбрал другой поезд.

– В гостиной его дожидается какая-то леди, мисс. Как зовут, не сказала. Говорит только, что подождет, пока майор приедет. Уж давненько сидит.

– Хорошо, Джейн, спасибо. Принесите, пожалуйста, чай.

Гостиная находилась дальше по коридору на первом этаже – длинная темноватая комната, немного похожая на студию художника, если бы не сумрак. Девушка сидела в дальнем углу, у камина, и встала при виде вошедших.

- Здравствуйте! – улыбнулась Джилл. – Боюсь, мой дядя еще не приехал.
- Надо же, – воскликнула гостя, – как скоро вас отпустили!

Джилл глянула с удивлением, пытаясь вспомнить. Кто это такая? Довольно хорошенькая, держится бойко, но взгляд усталый, а на лице печаль. Девушка вызывала невольную симпатию, такая потерянная и несчастная.

- Я Нелли Брайант, – представилась она. – Тот попугай был мой.
- А, понятно!

– Я слышала, как вы назвали копу свой адрес, и зашла оповестить ваших родных, чтобы они могли помочь. Служанка сказала, что вашего дядю ждут с минуты на минуту, и я решила дожидаться.

- Очень любезно с вашей стороны.
- Чертовски любезно! – согласился Фредди.

– Ну что вы, я сама не знаю, как вас благодарить! Вы не представляете, как мне дорог Билл. Я бы просто с ума сошла, если бы тот урод убил его.

- Жаль, что вам пришлось столько ждать.
- Ничего страшного, у вас так хорошо...

Нелли задумчиво огляделась. Она мечтала о такой комнате: приглушенный свет, диван с мягкими подушками...

- Выпьете с нами чаю? – предложила Джилл, включая лампу.
- Спасибо, буду рада.
- Эй! – воскликнул вдруг Фредди. – Ну и дела! Да ведь мы с вами уже встречались!
- Ой, и правда!
- На ланче у «Одди», угощал юный Трипвуд. Так?
- Как вы только не забыли!
- Как же, как же... хоть и давненько это было! Джилл, мисс Брайант играла в той самой комедии «Вслед за девушкой», в театре «Регал».

- Да-да, мы с тобой вместе ходили.
- Надо же, вот так встреча, будь я проклят! Кто бы мог подумать!

Горничная Джейн вошла с чаем, и беседа на минуту прервалась.

– Так значит, вы из Америки? – заинтересовалась Джилл. – Ведь труппа была американская?

- Да.
- Я сама наполовину американка, жила в Нью-Йорке совсем маленькой, но почти все забыла. Помню только железную дорогу в небе над головой, от нее был такой грохот...
- Надземка, – благоговейно кивнула Нелли. От тоски по родине к горлу подступил комок.
- А еще воздух, он пьянил как шампанское... и небо – синее-синее!
- Да, – тихо вздохнула Нелли.
- Я и сам был бы рад прошвырнуться по Нью-Йорку, – заявил Фредди, не подозревая, какую боль причиняет. – Знаю пару отличных ребят оттуда. Вы не знакомы, случайно, с неким Уильямсоном?

- Нет.
- А с Оуксом?
- Нет.

– Странно, Оукс прожил в Нью-Йорке целую вечность.

– И еще семь миллионов человек, – вставила Джилл. – Не глупи, Фредди! А если бы тебя спросили, не знаешь ли ты в Лондоне какого-нибудь там Дженкинса?

- А вот и знаю! – торжествующе хохотнул Фредди. – Знаю Дженкинса в Лондоне!
- Джилл налила гостею чаю и глянула на часы.

– Куда же запропастился дядя Крис? Ему давно пора быть дома. Надеюсь, не ввязался в историю с какими-нибудь сомнительными брокерами в Брайтоне.

Фредди громко фыркнул, опустив чашку на стол.

– Ох, Фредди, дорогой! – виновато поморщилась Джилл. – Совсем забыла! Брокеры – тема болезненная. – Она повернулась к Нелли: – Сегодня на фондовой бирже случился жуткий обвал, и Фредди... его... как ты выразился?

– Ободрали, – мрачно подсказал он.

– Вот-вот, ободрали.

– Ободрали как липку!

– Как липку, – улыбнулась Джилл. – Он позабыл обо всем, пока был тюремной пташкой, а я взяла и напомнила!

– На днях в клубе, – обратился Фредди за сочувствием к гостье, – один безмозглый осел по имени Джимми Монро подбил меня вложиться в какие-то дурацкие «Объединенные краски». Знаете, как это бывает: отдыхаешь довольный и полный сил после хорошего обеда, и тут к тебе подсядут, возьмут под локоток и ну охмурять, втягивать в идиотскую затею. А ты, весь такой счастливый: «Да не вопрос, дружище, валяй!» Вот и меня надули.

– Так тебе и надо, Фредди! – рассмеялась бесчувственная Джилл. – В другой раз будешь умнее. Притом что потери ты и не заметишь, с твоим-то богатством!

– Дело не в деньгах, а в принципе! Терпеть не могу выглядеть круглым болваном.

– А ты помалкивай, никто и не узнает. Мы сохраним твой секрет... Вот прямо сейчас и начнем – я слышу, дядя Крис вернулся. Все, молчим, мы не одни. Привет, дядя Крис!

Джилл побежала к двери и расцеловала рослого пожилого мужчину с солдатской выправкой.

– Здравствуй, малютка Джилл!

– Как ты поздно! Я заждалась уже.

– Пришлось заглянуть к своему биржевому брокеру.

– Тс-с!

– Что такое?

– Ничего, ничего... У нас гости. Фредди Рука ты, конечно, помнишь...

– Как дела, Фредди, мой мальчик?

– Привет! – откликнулся тот. – Все в ажуре?

– А это, – продолжала Джилл, – мисс Брайант.

– Как поживаете? – осведомился дядюшка Крис с той обаятельной душевностью, что в прежние годы помогла выклянчить немало пятифунтовых банкнот у сослуживцев и заслужить не меньше ласковых взглядов от их сестер, кузин и теток.

– Ты как раз к чаю, – улыбнулась Джилл, – посиди с нами.

– Чай? Великолепно!

Нелли чуть расслабилась, утонув в глубинах большого кресла. Отчего-то после теплого приветствия дяди Кристофера она почувствовала себя более значительной персоной. Встреча с ним действовала так почти на всех. У него была особая манера обходиться с людьми не то чтобы снисходительно, но и не совсем на равных. То есть, как с равными, но давая понять, сколь великодушно это с его стороны. На своих ближних дядя Крис воздействовал примерно так же, как добрый рыцарь средних веков на трактирный сброд, деля с ним застолье без различия титулов и чинов. Никогда не разговаривал свысока, но тем самым производил неизгладимое впечатление.

Внешность дядюшки немало способствовала этому. Красивый и статный, он выглядел моложе своих сорока девяти несмотря на досадно поредевшую шевелюру, за которой тщательно ухаживал. Твердый подбородок, обаятельная улыбка под коротко стриженными усами и ярко-синие глаза, смотревшие подкупающе открыто и честно.

Несмотря на службу в Индии в молодые годы, лицо у дядюшки было свежее и цветущее без намека на англо-индийскую желтизну от палящего солнца. Он выглядел так, будто только что вышел из-под холодного душа – обманчивое впечатление, ибо холодную воду он терпеть не мог и утреннюю ванну принимал такой горячей, насколько мог вытерпеть.

Однако еще больше очаровывал окружающих его костюм. Среди тщеславных лондонских ремесленников, шьющих пальто и брюки, есть лишь один настоящий портной, и майор Кристофер Сэлби был его лучшим клиентом. В Лондоне полно также юнцов, которые пытаются заработать на жизнь пошивом обуви, но только один мастер в подлинном смысле – тот, что обувал дядюшку Криса. Да и головной убор можно приобрести во множестве магазинов, и он, без сомнения, уберезет голову от холода, но истинный шляпник в глубинном понимании – тот, чьими услугами пользовался майор Кристофер Сэлби.

Короче, дядюшка Крис был совершенен с головы до пят, с Северного до Южного полюса, и украшал собой любую компанию. Даже сам Лондон выглядел краше благодаря ему. Словно мать с выводком неопрятных детишек в готовых галстуках, мятых пиджаках и мешковатых брюках, столица, казалось, тяжело вздыхала, созерцая их, но затем, просветлев, шептала с умилением: «Ну и пусть, зато у меня есть Кристофер Сэлби!»

– Мисс Брайант прибыла из Америки, – сообщила Джилл.

Дядюшка вытянул длинные ноги перед камином и с теплотой взглянул на Нелли.

– В самом деле? – Он взял чашку и помешал сахар ложечкой. – Бывал и я там в молодые годы.

– Где именно? – оживилась Нелли.

– О, тут и там, повсюду. Где я только не путешествовал!

– Вот и я так же! – Любимая тема заставила Нелли забыть о робости. Пожалуй, я знаю все города в каждом штате, от Нью-Йорка до самого захолустья. Америка – великая страна, правда?

– Безусловно, – кивнул дядя Крис, – и скоро я туда вернусь. – Он на миг задумался. – Да, очень скоро.

Нелли закусил губу. Что за наваждение – кого ни встретишь сегодня, собирается в Америку.

Джилл с недоумением глянула на дядю.

– Когда это ты решил?

За годы совместной жизни она научилась чувствовать его настроение, и сейчас была уверена: что-то случилось. Едва ли другие уловили это за его неизменной сердечностью и учтивостью, однако то и дело мелькающее в глазах странное выражение и еле заметное подергивание губ убеждали, что не все обстоит хорошо.

Она встревожилась, но не сильно. Какие могут быть трагедии у дядюшки Криса? Совершенный пустяк, скорее всего, который, оставшись наедине, она уладит за пять минут. Джилл ласково погладила его по плечу. Если не считать Дерека, она любила дядюшку больше всех на свете.

– Идея зародилась сегодня утром, – ответил он, – когда я читал газету за завтраком, а за день выросла и окрепла, и теперь стала почти навязчивой. Я обожаю Америку, провел там немало счастливых лет. В тот раз, признаюсь, я отправился в сию землю обетованную не очень охотно и по собственной воле едва ли отважился бы. Однако все так хотели, что я уступил, можно сказать, требованию общества. Родные и близкие настойчиво подталкивали меня, и устоять было невозможно. Однако я ни разу об этом не пожалел. Америка – неперемнная часть образования каждого молодого человека. Тебе, Фредди, тоже стоит побывать там.

– Вот дела! – откликнулся Фредди. – Как раз перед вашим приходом я говорил, что и сам хотел бы туда сгонять... но собираться в путешествие – такая морока! Багаж упаковывать и так далее, столько всякого всего...

Нелли, чей багаж состоял из одного чемоданчика, тихонько вздохнула. В компании праздных богачей есть свои недостатки.

– Америка, – продолжал дядя Крис, – научила меня покеру, за что я не устану ее благодарить, а также игре в кости под названием крепс, которая не раз выручала в трудные дни. В последующие годы я практиковался мало и сноровку подрастерял, но в молодости был игроком не из последних. Дайте-ка вспомнить, – задумался дядя Крис, – как там приговаривают... ах да: «Приди, семерочка!»

– «Приди, восьмерочка!» – весело подхватила Нелли.

– «Крошке...» Что-то про «крошку» еще точно было.

– «Моей крошке нужны сапожки!»

– Да-да, «нужны сапожки», так и есть!

– Глупо как-то, – хмыкнул Фредди.

– О нет! – с укоризной глянула Нелли.

– Ну, то есть, смысла я не вижу.

– Игра благородная, – заверил дядя Крис, – достойная великой нации, ее породившей. Когда я вернусь в Америку, непременно постараюсь восстановить былые навыки.

– Ни в какую Америку ты не поплывешь! – отрезала Джилл. – Останешься дома в уюте и покое, как положено доброму дядюшке. В твоём возрасте уже не носятся по свету сломя голову!

– В каком это таком возрасте?! – возмутился дядя Крис. – Я себя чувствую на двадцать... ну, на двадцать один! Фортуна хлопает меня по плечу и шепчет: «На Запад, юноша!». Годы слетают с меня, дорогая Джилл, и так быстро, что ты вот-вот удивишься, куда запропастилась моя нянька. Мною овладела жажда странствий! Я с содроганием смотрю на благополучие, в котором увяз, – продолжал он, неодобрительно глянув на мягкое кресло, – на роскошь, что спеленала меня по рукам и ногам. Я жажду действия, хочу взбодриться!

– Тебе не понравится, – спокойно покачала головой Джилл. – Ты же у меня самый ленивый на свете дядюшка.

– А я о чем? Так и есть, ленивый! То есть, был до сегодняшнего утра.

– Ага, стало быть, сегодня утром с тобой что-то приключилось!

– Я погряз в безделье и обжорстве, стал как те шекспировские мещане с ожиревшим сердцем...

– Дядюшка, пожалуйста, не надо! – шутливо запротестовала Джилл. – Я как раз мажу хлеб маслом.

– ...Но теперь я вновь обрету себя!

– Вот и замечательно.

– «И снова ветер над морем шумит, – продекламировал дядя Крис, – и волн раздается хор. Слышу зов морей: «Скорей, скорей! В путь, в открытый простор!»

– Дядя из Киплинга и «Гангу Дина» может выдать, – обернулась Джилл к Нелли. – Вы уж простите, обычно он у меня просто золотой.

– Да нет, я хорошо понимаю его чувства, – тихо отозвалась Нелли.

– Ну еще бы не понимали! – подхватил дядя Крис. – Мы с вами, мисс Брайант, странники в этом мире, а не растения вроде юного Рука.

– А? Что? – вскинулось «растение», очнувшись от задумчивости. Печальное лицо Нелли притягивало его взгляд.

– Мы счастливы только в дороге! – не унимался дядя Крис.

– Видели бы вы его утром по дороге в клуб, – хихикнула Джилл. – Без усталости прокладывает путь на такси под удалые цыганские напевы.

– Признаю справедливость твоей иронии, – вздохнул дядя Крис – Я содрогаюсь при виде бездны, в которую толкнуло меня богатство. – Он выпятил грудь. – В Америке я стану другим человеком! Америка сделает другим человеком и тебя, Фредди!

– Спасибо, мне и так неплохо, – откликнулся непритязательный юноша.

Дядя Крис повернулся и театральным жестом указал на Нелли.

– На Запад, юная леди! Возвращайтесь на свою энергичную родину, оставьте позади расслабляющий Лондон! Вы...

Нелли порывисто вскочила, не в силах дольше терпеть.

– Пожалуй, мне пора, – выдавила она. – Билл скучает, когда долго один. До свидания, и большое спасибо за все, что вы для нас сделали!

– Спасибо, что пришли, очень любезно с вашей стороны, – улыбнулась Джилл.

– До свидания, майор Сэлби!

– До свидания!

– До свидания, мистер Рук!

Фредди вновь очнулся.

– А? Что? Слушайте, погодите минутку! Пожалуй, и я с вами двинусь, пора домой – переодеться к обеду и все такое... Провожу вас, а потом поймаю такси у вокзала Виктория... Всем пока!

Пройдя следом за Нелли по коридору, Фредди открыл перед нею парадную дверь. На улице было прохладно и пасмурно, но в воздухе уже ощущалось бодрящее веяние весны, и от деревьев, с которых капала вода, исходил влажный аромат.

– Вечерок просто супер! – попытался Фредди разговаривать спутницу.

– Да.

Они шли через площадь в молчании. Фредди посматривал на спутницу одобрительно. Он сам не раз признавал, что современным девушкам не подходит, слишком уж они бойкие и смешливые для его тихой и миролюбивой натуры. Однако мисс Брайант казалась во всех отношениях находкой. Тихий голос – с чудноватым акцентом, но ровный и приятный – и сама такая спокойная, без этого современного нахальства. Такие качества в девушках Фредди особо ценил.

Тех, кого Фредди до сих пор водил обедать или на танцы, он даже побаивался, хотя ни за что не признался бы в этом. Только и делают, что подтрунивают, выставляют напоказ свою образованность. Эта совсем не такая, ну ни капельки! Тихая, вежливая и все такое.

Только тут до Фредди дошло, что его спутница как-то уж совсем притихла – за последние пять минут ни словечка! Он уже готов был первым нарушить молчание, когда вдруг заметил, проходя под фонарем, что она плачет – почти беззвучно, словно ребенок в темноте.

– Боже мой! – Фредди оторопел.

Женских слез он не выносил, хуже были только собачьи бои. При виде заплаканного личика молодой человек потерял дар речи и в таком состоянии пребывал до самой Добени-стрит.

– До свидания, – попрощалась Нелли у своей двери.

– Пока-пока... – механически произнес Фредди. – То есть, в смысле, секундочку! – добавил он поспешно, ухватившись в поисках моральной поддержки за черную от сажи ограду. Дело требовало внимательного рассмотрения. Не годится, когда девушка поливает улицу слезами, тут необходимо что-то предпринять! – Что за дела такие?!

– Ничего страшного. До свидания!

– Ну уж нет, дорогуша, – не отступал Фредди, – так не бывает, что-то непременно есть! Может, по моему виду и не скажешь, но на самом деле я чертовски проницательный и сразу вижу, когда что-то случилось. Почему бы вам не выложить весь сюжетец, и разберемся вместе, а?

Повернувшись было к двери, Нелли остановилась. Она сгорала от стыда.

– Вот же я дура!

– О нет, что вы!

– Дура и есть! Я это не то чтобы часто... – в смысле, плачу – но боже ты мой, каково было выслушивать ваши разговоры о поездке в Америку, будто нет на свете ничего легче, стоит только захотеть... Подумать только, ведь я могла быть там сейчас, не будь я такой овцой!

– Овцой?

– Безмозглой курицей! Ниже этой нитки фальшивого жемчуга на шее у меня все в порядке, а выше – сплошной бетон.

Фредди смотрел озадаченно.

– Хотите сказать, что свалили дурака? – догадался он.

– Такого, что дальше некуда! Наша труппа отправилась домой, а мне взбренило попытаться счастья в Лондоне. Вот и застряла тут...

– Ангажемент за ангажементом, да?

Нелли горько рассмеялась.

– Плохой из вас отгадчик. Нет, драться за меня антрепренеры не спешат. Как пишут в театральных журналах, я «незанята», то есть абсолютно свободна.

– Но тогда, дорогуша, – воскликнул Фредди, – если вас ничто не держит, почему бы и впрямь не рвануть назад в Америку? Я и сам знаю, какая чертовски тяжкая штука тоска по родине – с ума спятишь! Как-то в позапрошлом году я гостил у тетюшки в Шотландии и не мог оттуда улизнуть недели три, так под конец просто бредил старым добрым Лондоном. Проснусь ночью, и чудится, будто я у себя в Олбани, а как вспомню, буквально волком вою, честное слово. Так что послушайтесь доброго света, моя милая, и рвите когти первым же пароходом!

– Какой линии?

– Линии? Ах да, понял, вы имеете в виду пароходную компанию! Ну, я-то сам никогда не плавал, так что не решусь советовать. Говорят, «Кунард Лайн» ничего себе, а кое-кто всей душой за «Уайт Стар». Думаю, впрочем, большой разницы нет, все они на сносном уровне.

– А какая из них возит бесплатно? Вот что главное!

– А? Что? – Фредди оторопело взглянул на девушку, наконец вникая в смысл ее слов. Жизнь была к нему столь благосклонна, что юноша почти забыл, что далеко не все на свете богаты, как он. Под его идеально скроенным жилетом зашевелилось сочувствие, причем совершенно бескорыстное. То, что Нелли девушка, да еще и чертовски хорошенькая, значения не имело. Главное, что она в беде, и эта мысль жгла огнем. Просто невыносимо, когда кто-то в беде!

– Ну и ну! – протянул он. – Так вы на мели?

Нелли грустно рассмеялась.

– А то нет! Будь доллары пончиками, у меня и дырки от них не нашлось бы.

Фредди был потрясен до глубины души. Он уже много лет не встречал никого совсем без денег, если не считать уличных попрошайек, от которых отделялся шиллингом. Друзья в клубе частенько сетовали, что не могут наскрести ни пенни, но обычно имели в виду пару тысяч фунтов на новую машину.

– Боже мой! – выдохнул он.

Он замер на миг, а затем, осененный внезапной мыслью, полез в нагрудный карман. Удивительно порой все оборачивается к лучшему, как бы паршиво только что ни казалось! Какой-нибудь час назад он готов был сам себя высесть за то, что в полицейском участке забыл о купюре, зашитой под подкладку, но Провидение оказалось мудрее. Вспомни он про деньги и выложи их констеблю, теперь бы их не было – как раз, когда нужны!

В порыве донкихотства Фредди поспешно сдернул купюру с якоря и выставил перед собой, словно фокусник – кролика из шляпы.

– Это никуда не годится, милая моя! – воскликнул он. – Я просто не в силах такое терпеть, ни за что! Берите без всяких разговоров, я решительно настаиваю!

Нелли Брайант глянула на купюру и вытаращила глаза.

Затем робко взяла ее и рассмотрела под тусклым светом газового фонаря над дверью.

– Нет, не могу! – пролепетала она.

– Да ну что вы! Берите, и точка!

– Это же... пятьдесят фунтов!

– Так и есть, как раз хватит доплыть до Нью-Йорка, нет? Вы спрашивали, какая компания возит бесплатно? Компания Фредди Рука, черт возьми! Рейсы каждую среду и субботу – ну как вам, а?

– Как же я возьму у вас целых двести пятьдесят долларов?

– Да очень просто! Возьмете, и все.

Наступило молчание.

– Чего доброго, вы решите... – Бледное личико девушки вспыхнуло. – Подумаете, что я нарочно рассказала вам... потому что хотела...

– Выманить деньги? Ничего подобного! Даже не думайте, выбросьте из головы. Лучше меня никто в Лондоне в этом не разбирается – в смысле, ко мне чаще всех подкатывают, чтобы стрелкнуть. Все шестьдесят четыре способа испробовали, так что я распознаю их уловки с закрытыми глазами. Вы и в мыслях ничего такого не держали, отвечаю!

Купюра музыкально похрустывала в руке у Нелли.

– Прямо не знаю, что сказать...

– Да все нормально!

– Тогда почему бы... Господи! Вы... У меня просто нет слов!

Фредди весело рассмеялся.

– Точно то же самое мне говорили сатрапы – то есть учителя – в школе!

– Вы уверены, что можете себе это позволить? – продолжала сомневаться Нелли.

– О, абсолютно!

Глаза девушки просияли под светом фонаря.

– Никогда не встречала таких, как вы! Не знаю, как вас и...

Фредди нервно переступил с ноги на ногу. Благодарности неизменно вгоняли его в тоску.

– Ладно, я потопал, – перебил он. – Надо еще домой заскочить, переодеться и все такое...

Чертовски рад знакомству... ну, и так далее.

Отперев дверь своим ключом, Нелли задержалась на пороге.

– Куплю меховую накидку, – пробормотала она мечтательно.

– Вот и славненько, – подхватил Фредди. – идея что надо!

– А еще орешков для Билла!

– Что за Билл? – нахмурился он.

– Мой попугай.

– А, тот самый старина Билл! Орешки – прямо в точку. Ну, пока!

– До свидания! Так мило с вашей стороны...

– Да ладно, чего там! – поежился Фредди. – Будете в наших краях...

– Вы ужасно добрый! Что ж, прощайте.

– Пока-пока!

– Может, когда-нибудь еще встретимся...

– Как же, непременно!

По ступенькам зашелестели легкие шаги, и щеки Фредди коснулось что-то мягкое и теплое. От неожиданности он отпрянул, глядя, как Нелли Брайант исчезает за дверью.

– Господи!

Фредди потрогал щеку, охваченный смущением и вместе с тем восторгом. Внизу кто-то кашлянул, и он резко обернулся. Из крошечного дворика перед полуподвалом смотрела горничная в перепачканном чепце, кокетливо сбитом на ухо. Встретив ее любопытный взгляд, Фредди жарко зарумянился. Казалось, горничная вот-вот захихикает.

– Проклятье! – тихо буркнул он и поспешно зашагал по улице.

Он вдруг подумал, не сглупил ли, разбрасываясь деньгами перед малознакомым человеком. Но тут вспомнил сияющие глаза Нелли и решил: нет, несколько! Пусть сгоряча, но сделал все правильно. Такого рода причуды Фредди категорически одобрял. Шикарный поступок, да и только!

2

Когда Фредди и Нелли ушли, Джилл уселась на низкую табуреточку и стала гадать, глядя в огонь, на самом ли деле дядю Криса что-то тревожит, не ошиблась ли она. Откуда вдруг такая тяга к путешествиям? До сих пор он, напротив, вел себя, как добродушный ленивый кот, наслаждаясь уютом, который сегодня столь красноречиво обличал.

– Милая девушка, – заметил дядя Крис, встав у камина на своем привычном месте. – Кто такая?

– Какая-то знакомая Фредди, – ответила Джилл дипломатично. Ни к чему тревожить дядюшку подробностями сегодняшних событий.

– Очень милая... – Он достал портсигар. – Хорошо, что нет нужды спрашивать у тебя разрешения, – заметил он, кивая на сигару и прикуривая. – Помнишь, Джилл, как давным-давно, когда ты была маленькая, я пускал тебе дым в лицо?

– А как же! – улыбнулась она. – Говорил, что приучаешь меня к семейной жизни. Мол, только те браки счастливы, где жена не против табачного запаха. Ну и кстати, потому что Дерек дымит не переставая.

– Ты очень любишь Дерек?

– Конечно. Тебе ведь он тоже нравится, да?

– Чудесный малый, просто золото. К тому же при деньгах – это очень кстати... – Дядя Крис энергично пыхнул сигарой. – Как нельзя кстати! – Он задумчиво оглядел комнату. – Приятно знать, что ты выходишь замуж по любви, да еще и недостатка ни в чем знать не будешь.

Взгляд его упал на Джилл и слегка затуманился. Когда-то ее появление разрешило важную проблему в его жизни. Перспектива брака всегда его пугала, однако у женатых людей бывают дочери, а это очень приятно. Он всегда хотел иметь дочку, умницу и красавицу, которой мог бы гордиться и вывозить в свет, и вот судьба подарила ему племянницу, причем как раз нужного возраста!

Маленький ребенок утомил бы дядю Криса. Детей он любил, но они чертовски шумные, а джем предпочитают употреблять как украшение. Прелестная девочка четырнадцати лет – совсем другое дело, и когда ее мать умерла через год после смерти отца и оставила Джилл на попечение дяди, они сразу нашли общий язык. Он наблюдал, как воспитанница растет, с радостью и легким недоумением – уж очень быстро она росла! – и с каждым годом ее сумбурной жизни любил племянницу все больше.

– Славный ты у меня... – Джилл подняла глаза на стоящего рядом дядю и погладила его по брочине. – Как тебе удастся такая идеальная складка? Я тобой горжусь!

Наступила пауза. На честном лице дяди мелькнула тень смущения. Слегка кашлянув, он потянул себя за ус.

– Боюсь, я этого не заслуживаю, моя дорогая, – вздохнул он. – Ничтожный я человек.

– О чем это ты? – вскинулась Джилл.

– Да, ничтожный! – с силой повторил он. – Твоя мать ошиблась, доверив тебя мне. У твоего отца здравого смысла было побольше. Он всегда говорил, что я непутевый.

Джилл вскочила с табуретки, теперь уже не сомневаясь, что дядю и впрямь что-то тяготит.

– В чем дело, дядюшка Крис? Что-то случилось, да?

Он отвернулся, чтобы стряхнуть пепел с сигары, а заодно собраться с духом. Дядя Крис был из тех редких беспечных натур, что стараются не замечать ударов судьбы, пока те не явятся со всей ужасающей наглядностью. Он жил минутой, и, хотя за завтраком дела были столь же плохи, утратил свою жизнерадостность только сейчас, когда остался с Джилл один на один. Он терпеть не мог испытаний, а как раз оно ему и предстояло.

До этой минуты ему удавалось отвлечься от беды, которая тяжким грузом легла бы на сердце любого другого, а в ответ на ее попытки напомнить о себе его разум отключался, словно телефон. Тем не менее, дядя Крис сознавал, что рано или поздно грозный голос судьбы придется выслушать. Теперь этот момент настал.

– Джилл...

– Да что такое?

Дядя снова умолк, соображая, как лучше изложить то, что необходимо сказать.

– Джилл, не знаю, в курсе ли ты этих дел, но сегодня на фондовой бирже случился обвал. Иными словами...

Джилл расхохоталась.

– Еще как в курсе! Бедняга Фредди ни о чем другом говорить не мог, пока я не заставила. Сегодня явился совсем никакой, только и твердил, что его ободрали на каких-то «Объединенных красках» – фунтов на двести разом! – и проклинал своего приятеля, что присоветовал ему играть на марже.

Дядя Крис мрачно откашлялся.

– Боюсь, у меня дурные вести, Джилл, – начал он. – Я тоже вложил в «Объединенные краски»... – Он потерев усы. – И серьезно проиграл. Очень серьезно...

– Фу, негодник! Знаешь же: тебе нельзя играть в азартные игры.

– Крепись, Джилл! Я... я... дело в том... ладно, не буду ходить вокруг да около. Я потерял все! Все!

– Все?

– Да, все! Просто катастрофа! Этот дом придется продать.

– Но... разве дом принадлежит не мне?

– Я твой опекун, душенька... – Дядя Крис яростно выпустил дым. – Слава небесам, у тебя богатый жених!

Джилл смотрела на него в недоумении. Деньги как таковые никогда не вторгались в ее жизнь. Конечно, за вещи, которые хотелось иметь, следовало платить, но за этим следил дядя Крис, а она все воспринимала как должное.

– Я не понимаю... – проговорила она.

Но тут же поняла, и ее захлестнула волна жалости. Милый старый дядюшка! Как мучительно, должно быть, ему стоять здесь сейчас и признаваться в своей неудаче! Джилл пока не ощущала собственной потери, а лишь неловкость от унижения старого близкого друга.

С дядей Крисом было неразрывно связано все самое приятное в ее жизни. Она помнила, как он, точно такой же, как сейчас, только с шевелюрой погуще и покудрявее, терпеливо и не жалуясь играл с ней на жарком солнце. Помнила, как вернулась домой с первого своего взрослого бала и сидела с дядей, попивая какао и болтая обо всем на свете, до самого рассвета, когда зачирикали птицы и наступило время завтрака.

Помнила театральные вечера и веселые ужины, помнила выезды за город с обедами в диковинных старых харчевнях, дни на реке, дни в спортивных клубах, в музеях. Неизменно

веселый и добрый, он навсегда останется для нее милым дядюшкой Крисом, что бы ни натворил!

Джилл подошла и прижалась к нему, взяв под руку.

– Бедненький мой дядюшка, – вздохнула она.

Ярко-синие глаза его смотрели твердо и даже несколько сурово. Со стороны могло показаться, что девушка пытается подбить своего прямого и честного отца-военного на поступок, противный его открытой натуре. Сейчас дядя Крис мог бы позировать для аллегии добродетели. Однако, когда племянница заговорила, его строгая выправка дала слабину.

– Бедненький? – растерянно переспросил он.

– Ну конечно! Так что нечего напускать на себя возвышенный трагизм! Тебе он не подходит, ты слишком шикарно одет.

– Но, дорогая моя... Ты что, не поняла?

– Да все я понимаю!

– Я растратил все деньги – твои деньги!

– Да, ну и что?

– Как это, ну и что? Ты разве не злишься на меня?

– Да как можно злиться на такого милого старичка?

Отбросив сигару, дядя обнял Джилл. В первый миг она испугалась, что он расплачется. Только не это! Такого ужаса потом вовек не забыть. Ей вдруг показалось, будто дядя еще совсем крошка, которого надо защищать и лелеять.

– Джилл, – проговорил дядя Крис, давясь слезами, – ты... ты – стойкий маленький солдатик!

Джилл поцеловала его и, отвернувшись, занялась цветами. Первое напряжение спало, и она хотела дать дяде время прийти в себя. Она хорошо знала, что вскоре его жизнерадостная натура возьмет верх. Дядя Крис не умел подолгу пребывать в глубинах уныния.

В тишине думалось легче, и порыв жалости уже не мешал. Теперь Джилл могла спокойно прикинуть, чем неожиданный оборот грозит ей самой. Принять горький факт, что она осталась без гроша и все привычные удобства вокруг больше не принадлежат ей, было нелегко.

От внезапной паники перехватило дыхание, будто в лицо плеснули ледяной водой, а постепенное осознание беды причиняло почти физическую боль – так возвращается жизнь в занемевшие ноги. Поправляя дрожащими руками цветы в вазе, Джилл закусил губу, чтобы не расплакаться.

Встретив панику лицом к лицу, она вступила в бой и победила. Дядя Крис и не подозревал о накале этой борьбы. Он быстро обрел самообладание и теперь, когда с тяжким долгом поведать о катастрофе было покончено, вновь смотрел на мир беззаботным взглядом джентльмена-авантюриста. Для него лично, убеждал он себя, все сложилось как нельзя удачнее.

Он обленился и постарел от благополучной жизни, и толчок был необходим! Смекалка, что некогда привела к успеху, притупилась за ненадобностью, вот и представился шанс еще раз помериться силами с судьбой. С Джилл, конечно, вышло нехорошо... но у нее все будет в порядке – оптимизм дяди Криса никогда не угасал надолго. С тонущего корабля племянница переправится в безопасную гавань к богатому и влиятельному Дереку Андерхиллу, а дядя тем временем отправится на поиски новой жизни.

От мыслей о будущем синие глаза дяди Криса вспыхнули новым огнем. Он чувствовал себя охотником перед дальней экспедицией. Для человека с мозгами всегда найдутся приключения и трофеи... Как же все-таки племяннице повезло с женихом!

Джилл тоже думала о Дереке. Окончательно преодолев панику, она вдруг ощутила прилив радостного возбуждения. Если Дерек не отвергнет ее и сейчас, значит во всем мире нет любви сильнее! Как в старинной легенде о короле Кофетуа, который взял в жены нищенку.

Дядя Крис кашлянул, нарушая молчание, и Джилл улыбнулась, по одному звуку поняв, что дядя вновь стал самим собой.

– Скажи-ка, дядя Крис, – обернулась она, – дела в самом деле так плохи? Ты и впрямь потерял все, или это мелодраматическое преувеличение? Хотя что-нибудь у нас осталось?

– Да как сказать, душенька... Думаю, сотня-другая фунтов – хватит продержаться до твоей свадьбы. Потом уже все равно. – Он щелчком сбил пылинку с рукава. Джилл невольно подумала, что и к жизненным невгодам он относится с той же беспечностью. – А обо мне не беспокойся, не пропаду. Я уже один раз проложил себе дорогу в жизни, не оплошаю и снова. Уеду в Америку, попытаю счастья... ты не представляешь, какие там возможности! Для меня лучшего и пожелать нельзя. Настолько обленился, что самому противно! Поживи я так еще год-другой, и, ей-богу, впал бы в старческий маразм, заработал ожирение мозга. Зато теперь, теперь...

Усевшись на тахту, Джилл хохотала до слез. Пускай дядя Крис и виноват в катастрофе, с ним ее переносить куда легче. Какого бы порицания ни заслужили его поступки с точки зрения строгой морали, он искупает свою вину, заставляя улыбаться среди руин обрушенного им мира.

– Дядя Крис, ты читал «Кандида»?

– Что за «Кандид»? – Дядя Крис покачал головой. Читал он редко, за исключением спортивного раздела в газетах.

– Это роман Вольтера. Там есть такой доктор Панглос, который полагает, что «все к лучшему в этом лучшем из миров».

Дядя немного смутился. Не слишком ли восторженную позицию он занял, учитывая обстоятельства? Пожалуй, кипучий темперамент его подвел. Хмуро подергав ус, он вновь настроился на минорный лад.

– Не подумай только, – тяжело вздохнул он, сбивая щелчком еще одну пылинку, – будто я не понимаю, как ужасно, преступно мое поведение. Я виноват, очень виноват. Твоей матери никак не следовало назначать меня опекуном. Она всегда верила в меня, несмотря ни на что, и вот как я отплатил ей! – Он высморкался, скрывая проявление чувств, не подобающее мужчине. – Не гожусь я для этого, Джилл... Никогда не соглашайся на опекунов – это ужас что такое! Сколько ни тверди себе, что деньги чужие, а все равно кажутся твоими собственными. Так и упрашивают: «Потрать нас, потрать!» Вот и черпаешь понемногу... еще, еще – а потом вдруг оказывается, что брать больше и нечего, только слышишь далекий хруст купюр, которых больше нет. Так случилось и со мной. Я едва осознавал, что происходит, как-то само собой все вышло. Туда чуточку, сюда капельку, будто снег тает на вершине горы... и вот однажды утром – все исчезло! – Дядя Крис выразительно махнул рукой. – Я сделал, что смог. Когда увидел, что осталось всего ничего, решил рискнуть... ради тебя. Одни чувства и ни капли разума – вот тебе весь Кристофер Сэлби! Как раз попался мне один болван в клубе... не помню уже, как там его... посоветовал сыграть на «Объединенных красках». Ах да, Монро – Джимми Монро! Все расписывал великое будущее британских красок после того как Германия вышла из гонки... ну, короче, послушался я его совета и вложился – по-крупному! А сегодня утром эти чертовы «Объединенные краски» рухнули ко всем чертям. Вот тебе и вся история!

– А теперь, – кивнула Джилл, – придется расхлебывать.

– Да ну, какой расхлебывать! – отмахнулся дядя Крис. – Счастье на пороге, душенька! Счастье! Свадебные колокола и все такое прочее. – Он широко расставил ноги на каминном коврике и выпятил грудь. Долой пессимизм! Пришла пора веселья. – Ты же не думаешь, что, если потеряла деньги... ну, то есть, я потерял твои деньги, это смутит такого блестящего джентльмена, как Дерек Андерхилл! Я слишком хорошо его знаю. Кроме того, – задумчиво добавил дядя Крис, – зачем ему знать... в смысле, прямо сейчас? Скажешь после свадьбы. Месяц-другой мы легко протянем...

– Нет, мы должны ему сказать!

– Считаешь, это разумно?
– Не знаю, разумно или нет, но иначе нельзя. Сегодня же встречусь с ним... Ой, нет! Забыла. Он же уехал на пару дней.
– Вот и славненько! У тебя есть время подумать как следует.
– Тут и думать нечего!
– Да-да, конечно. Наверное, ты права.
– Напишу ему письмо.
– Письмо?
– Да, так гораздо легче все изложить.
– Эти письма... – начал было дядя Крис, но тут дверь отворилась и вошла горничная с конвертом на подносе.
– Почта для меня? – обернулся дядя Крис.
– Для мисс Джилл, сэр.
– От Дерекы, – пояснила Джилл, взяв с подноса запечатанное послание.
– Посыльный ждет, мисс, – добавила Джейн, – на случай, если будет ответ.
– Если от Дерекы, – заметил дядя Крис, – то ответ вряд ли потребуется. Ты говорила, он куда-то уехал сегодня.
Джилл вскрыла конверт.
– Ждать ответа, мисс? – выдержав паузу, деликатно осведомилась горничная. Дерекы она восхищалась и была в восторге от такого проявления внимания к невесте.
– Будет ответ, Джилл? – эхом откликнулся дядя.
Джилл словно очнулась. Лицо ее было странно бледным.
– Нет, Джейн, ответа не будет.
– Хорошо, мисс, – сухо промолвила Джейн и пошла доложить кухарке, какая Джилл бессердечная. «Будто счет получила, а не любовную записку! Лично мне нравятся люди чувствительные».
Опустившись на стул, Джилл вертела в руках листок. Ее бледность еще усилилась. Свинцовая тяжесть давила на грудь, горло будто стиснула ледяная хватка. Дяде Крису, который поначалу не заметил ничего необычного, молчание показалось зловещим.
– Надеюсь, все в порядке, душенька? – обеспокоенно спросил он.
Она все так же молча вертела листок.
– Милая, неужто дурные вести?
– Дерек разорвал помолвку, – тускло выговорила Джилл. Письмо упало на пол, но она осталась сидеть неподвижно, подперев подбородок ладонями.
– Что?! – Дядя Крис подскочил на каминном коврике, будто обожженный пламенем. – Что ты сказала?
– Он разорвал помолвку, – повторила она.
– Вот подлец! Негодяй, собачий сын! Это просто... просто... Никогда он мне не нравился! Я никогда ему не доверял! – Дядя Крис тяжело перевел дух. – Но... но это невозможно! Как он мог узнать? Да никак, никто не мог!
– Он и не знает. Дело совсем в другом.
– Но почему же тогда? – Дядя наклонился к записке. – Можно?..
– Да, прочитай, если хочешь.
Он достал очки и с отвращением глянул сквозь них на листок бумаги, словно на мерзкое насекомое.
– Мерзавец! Хам! – вновь заорал он, топча письмо. – Будь я помоложе... да я бы его... Джилл! Моя девочка! Моя милая крошка Джилл... – Он бросился на колени рядом с ней, и она разрыдалась, опустив лицо в ладони. – Хам, негодяй! Я изобью его до полусмерти!

Часы на каминной полке отстукивали минуту за минутой. Наконец Джилл поднялась на ноги. Лицо у нее было заплаканным и дрожащим, но рот уже сложился в твердую линию.

– Джилл, дорогая моя! – Дядя сжал ей руку.

– Сегодня все как-то одно к одному, правда? – Она криво улыбнулась. – Какой у тебя забавный вид! Волосы взъерошены, очки набекрень...

Дядя Крис свирепо запыхтел.

– Когда я встречу этого типа... – зловеще начал он.

– Да что толку! – бросила Джилл. – Оно того не стоит! Ничто не стоит! – Она стиснула руки и повернулась к нему. – Давай уедем, прямо сейчас! Я не могу тут оставаться... Дядя Крис, увези меня, куда угодно! Возьми меня с собой в Америку!

Дядя Крис яростно потряс кулаком. Очки свалились и повисли на одном ухе.

– Мы отправимся первым же пароходом! Первым, черт побери! Я позабочусь о тебе, дорогая. Сам поступил низко, обманул и ограбил тебя, но теперь возьму все, клянусь всеми святыми! У тебя будет новый дом, не хуже этого. Лягу костями, пойду на все ради тебя! – покрасневшись, вопил он в припадке неистовства. – Да я... я работать пойду! Клянусь Богом, пойду, если до этого дойдет!

Он изо всех сил треснул кулаком по столу. Ваза подпрыгнула и опрокинулась, цветы Дерекы рассыпались по полу.

Глава 7. Джилл спешит на поезд

1

Оглядываясь назад, каждый из нас отыщет в своей жизни зияющие пустоши, от которых память отшатывается, словно усталый путник от унылой, безотрадной дороги. Даже из блаженного уюта поздних времен мы не можем всматриваться без содрогания в такие эпизоды прошлого.

Одна из солиднейших юридических фирм столицы потратила целых четыре дня, чтобы навести хотя бы относительный порядок в неразберихе, вызванной финансовыми операциями майора Сэлби, и все это время Джилл будто и не жила, хотя дышала, ела и внешне походила на человека, а не на призрак.

На ограде, через которую горничная Джейн вела переговоры с торговцами, появились щиты с объявлениями о продаже дома. По комнатам целыми днями бродили незнакомцы, разглядывая и оценивая мебель. Воспрянув духом и взбодрившись под влиянием катастрофы, дядя Крис успевал всюду, поражая кипучей энергией. Трудно утверждать наверняка, но со стороны казалось, что дни тяжелых испытаний доставляют ему величайшее наслаждение.

От тоски затворничества у себя в комнате – единственном месте, где не было риска наткнуться на мебельного торговца с блокнотом и карандашом, – Джилл спасалась долгими прогулками. Насколько возможно, она избегала тех нескольких кварталов, прежде составлявших для нее весь Лондон, но даже так не всегда могла уклониться от встреч со старыми знакомыми.

Как-то раз, срезая путь через скверик Леннокс Гарден к широкой безлюдной Кингс-роуд, что тянулась в места, неведомые тем, для кого Лондон – это Вест-Энд, она вдруг наткнулась на Фредди, который направлялся куда-то с визитом в лучшем костюме и белых гетрах, столь неприятно поразивших достопамятного Генри.

Радости встреча никому не доставила. Остро чувствуя неловкость, Фредди краснел и запинаясь, да и Джилл, в чьи планы никак не входило общение с человеком, столь тесно связанным с тем, что она потеряла, красноречием не отличалась. Расстались они без сожаления, но ей хотя бы удалось узнать, что Дерек из провинции еще не вернулся. Телеграфировав, чтобы переслали его вещи, он двинулся дальше на север.

О разрыве помолвки Фредди, по-видимому, узнал от леди Андерхилл, и тот разговор оставил неизгладимый след в его памяти. Слухи о денежных затруднениях Джилл еще не дошли до него.

После этого тяжесть на душе чуть отпустила. Джилл не перенесла бы случайной встречи с Дерексом, и теперь, когда узнала, что риска нет, жить ей стало чуточку легче. День тянулся за днем, и, наконец, настало утро, когда Джилл в сопровождении дядюшки Криса, многословно объяснявшего по пути все подробности «улаживания дел», отправилась на такси к поезду на Саутгемптон.

Последним впечатлением от Лондона стали длинные ряды обшарпанных домов, кошки в дебрях сохнувшего белья на задних дворах и дымная серость, которая прояснилась в пригородах, где поезд набрал ход, и уступила место более приятным краскам деревень.

Следом за суетой и неразберихой посадки на борт наступило спокойное однообразие плавания, когда по утрам с палубы кажется, что корабль так и торчит на том же самом месте, и невозможно поверить в сотни миль, оставленные позади. Наконец впереди показался плавающий маяк в гавани, а за ним, словно в сказке, вздымался в небо Нью-Йорк, манящий и зловещий, приветливый и грозный одновременно.

– Ну, душенька, – снисходительно проронил дядя Крис, будто дарил игрушку, сделанную собственными руками, – вот тебе и Нью-Йорк!

Они стояли у борта, опершись на поручни, и Джилл затаила дыхание, ощущая впервые с тех пор, как случилась катастрофа, некоторый душевный подъем. Разве можно смотреть на огромные здания, окружающие нью-йоркскую гавань, без радостного предвкушения? Эту картину Джилл помнила с детства, но лишь смутно, и теперь величественное зрелище гигантского города будто стерло из памяти все случившееся. Чувство, что жизнь начинается заново, окрепло и стало ярче.

Старый опытный путешественник, дядя Крис потрясения не испытывал. Он безмятежно курил, рассуждая на приземленные темы вроде грейпфрутов и гречишных оладий. Сегодня он впервые затронул практическую сторону своих планов на будущее, о которых в плавании рассуждал много, но лишь в общих чертах. Когда же земля обетованная возникла совсем близко – рукой подать – и вокруг трансокеанского лайнера, точно мопсы вокруг хозяйки, засуетились буксиры, он наконец снизошел до подробностей:

– Сниму себе где-нибудь комнату и начну осматриваться. Интересно, на месте ли еще старый «Холланд Хаус»? Поговаривали вроде бы, что уже снесли. Роскошное местечко, я там ел стейки в... не помню в каком году. Должно быть, все-таки снесли. Ничего, найду еще куда пойти. Напишу тебе и сообщу адрес, как только он у меня появится.

Джилл оторвала взгляд от панорамы города.

– Напишешь? – переспросила она с удивлением.

– Как, разве я не сказал? – воскликнул дядя Крис бодро, но отводя глаза. Он уже давно прикидывал, как преподнести столь обескураживающую новость. – Я договорился, что ты пока что погостишь в Брукпорте – это на Лонг-Айленде, в той стороне – у твоего дяди Элмера. Небось уже и забыла другого дядю? – быстро продолжал он, не давая ей ответить. – Он брат твоего отца, имел свое дельце, но несколько лет назад ушел на покой и теперь копается в земле – растит кукурузу и... короче, кукурузу... и прочее. Чудный малый, тебе понравится! Мы не знакомы, но все от него в восторге, – добавил дядя Крис, хотя в жизни ни от кого не слышал про Элмера Маринера. – Когда мы решили перебраться сюда, я первым делом дал ему телеграмму, и он ответил, что с радостью тебя приютит. Будешь там как сыр в масле кататься!

Джилл слушала в смятении. Ее манил Нью-Йорк и ничуть не привлекал Брукпорт. Она опустила взгляд на буксиры, пыхтевшие между льдин, похожих на кокосовые конфеты, памятные с детства.

– Я хочу остаться с тобой! – запротестовала она.

– Никак нельзя, душенька. Пока что не получится, я буду занят, очень занят! Пока не встану на ноги, а это займет не одну неделю, ты будешь меня связывать. Как там говорится... Быстро путешествует тот, кто путешествует один. Я должен быть готов сорваться с места и взяться за дело в любую минуту... Но не забывай, родная моя, – он ласково похлопал ее по плечу, – работать я буду для тебя! Я дурно обошелся с тобой, но твердо намерен загладить вину. Что заработаю – твое, никогда об этом не забуду! – Он глянул снисходительно, словно финансовый туз, отписавший парочку миллионов на благотворительность. – Все достанется тебе, Джилл!

Говорил он с таким видом, будто оказывал неоценимую услугу, и Джилл уже чувствовала себя обязанной. Дядя Крис отлично умел выжать благодарность за призрачные золотые горы обещаний и так же легко тратил деньги, которые надеялся получить на будущей неделе, как брал займы пять фунтов, чтобы продержаться до субботы.

– Чем же ты хочешь заняться? – любопытствовала Джилл. До сих пор ее представления о дядиных планах сводились к туманной идее подбирать с нью-йоркских тротуаров долларовые банкноты.

Дядя Крис задумчиво потеревил щеточку усов. Ну как тут с ходу ответишь? Он верил в свою счастливую звезду. Что-то да подвернется! В былые дни всегда подворачивалось, а стремительная поступь прогресса, ясное дело, возможности умножила. Безусловно, среди этих высоких зданий ждет богиня удачи с руками, полными даров, но что это за дары, пока сказать трудно.

– Я буду... как бы это выразиться?..

– Осматриваться? – подсказала Джилл.

– Вот-вот! – благодарно подхватил дядя Крис. – Осматриваться! Должно быть, ты заметила, как я из кожи вон лез, чтобы понравиться попутчикам? У меня была цель! Знакомства в плавании часто оборачиваются полезными связями на берегу. В молодости я никогда не пренебрегал шансами, предоставленными океанским плаванием. Одному предложишь книгу, другому подашь плед, поддакнешь лишний раз занудливому болтуну в курительной – вроде бы мелочи, а результат может оказаться потрясающим! На борту лайнера попадают весьма влиятельные особы. Иногда по виду и не скажешь, но вон тот носатый тип в очках, с которым я только что болтал, один из первых богачей в Милуоки!

– Что толку от богатых друзей в Милуоки, когда сам в Нью-Йорке?

– Вот именно, в самую точку! Как раз это я и имел в виду. Возможно, придется срочно уехать, а значит, я должен жить один. Должен быть в постоянной готовности! Мне самому очень горько разлучаться, но, сама понимаешь, сейчас ты будешь только обузой. Само собой, потом... когда я более-менее улажу свои дела...

– Да я не спорю, но... Боже мой, как же мне будет тоскливо в этом Брукпорте!

– Ну что за глупости! Прелестное местечко, говорю же.

– Ты там бывал?

– Нет еще... но кто же не слышал о Брукпорте! Здоровый, бодрящий климат... По одному названию ясно – морской курорт и все такое. Тебя ждут блаженные дни!

– Какими же долгими они покажутся!

– Да ну, брось! Нельзя видеть одну только черную сторону.

– А есть ли другая? – рассмеялась Джилл. – Хитришь, плутишка! Сам же отлично знаешь, на что меня обрек. Думаю, зимой Брукпорт – точь-в-точь наш Саутенд-он-Си. Ладно, как-нибудь выдержу... только поскорее зарабатывай состояние, потому что я хочу в Нью-Йорк!

– Душенька моя! – торжественно произнес дядя Крис. – Будь спокойна: если в этом городе найдется хоть один доллар, который плохо лежит, я его прикарманю, а если не найдется, сам в два счета уложу как надо! Ты знала меня лишь в годы моего упадка, ленивым и бесполезным завсегдаем клубов, но поверь: под этой вялой личиной кроется деловая хватка, дарованная лишь немногим...

– Ладно, в поэзии можешь упражняться и без меня, – перебила Джилл, – а мне пора спуститься в каюту и собрать наши вещи.

2

Представление Джилл о зимнем Брукпорте как копии английского прибрежного городка в мертвый сезон оправдалось не вполне, но и земного рая в описании дяди Криса там не нашлось. В иное время года летние курорты на южном берегу Лонг-Айленда не лишены привлекательности, однако в январе мало кто избрал бы их для отдыха.

Первым знакомством с Брукпортом стала продуваемая всеми ветрами станция железной дороги вдали от людского жилья на диковатой плоской равнине, вызвавшей в памяти пейзажи графства Суррей. На досках, уложенных вплотную к рельсам, примостился сарайчик – вот и вся станция.

Когда поезд с лязгом остановился, из сарайчика вышел, шаркая ногами, рослый мужчина в потертом пальто. Маленькие глазки на чисто выбритом дряблом лице неуверенно оглядели Джилл. Он чем-то напомнил ей отца – так сходны с оригиналом грубые карикатуры на политиков.

– Если вы дядя Элмер, то я Джилл, – представилась она.

Дядя протянул в приветствии длинную руку, но не улыбнулся, холодный и суровый, как восточный ветер, продувавший станцию.

– Рад снова тебя видеть, – уныло произнес он. Выходит, встреча не первая? Дядя тут же подсказал: – В прошлый раз ты была еще малышкой в коротком платьице. Все носилась и вопила как резаная. – Он окинул взглядом платформу. – В жизни не встречал такого шумного ребенка!

– Теперь я тихая, – успокоила Джилл. Ее необузданность в детские годы явно тревожила родственника. Оказалось, однако, что беспокоится он больше о другом.

– Если желаешь ехать, – буркнул Элмер Маринер, – надо позвонить в Дарэм-хаус, чтобы выслали такси... – Он погрузился в мрачные размышления. Джилл молчала, не решаясь вторгаться в тайные печали, одолевавшие его. – Они тут сущие грабители! – продолжал он. – Целый доллар, а тут езды от силы мили полторы... Ты любишь ходить пешком?

Джилл хватило сообразительности, чтобы понять намек.

– Обожаю, – ответила она. Могла бы сделать оговорку насчет слишком ветреных дней, но удержалась, видя неприкрытую радость дяди Элмера от перспективы надуть жадных акул из Дарэм-хауса. Независимая душа Джилл была еще не вполне готова к жизни за счет ближних, пускай и родственников, и легшее на них бремя хотелось по возможности облегчить. – А как же мой чемодан?

– Транспортная контора доставит... за пятьдесят центов! – подавленно сообщил дядя. Высокая цена гостеприимства явно разила его в самое сердце.

– Ах да... – Избежать новой статьи расходов уже не получалось. Джилл очень хотелось угодить, но тащить тяжелый чемодан самой было невыносимо. – Ну что, идем?

Дядя Элмер двинулся вперед по заросшей дороге. Восточный ветер ринулся навстречу путникам, словно пес, сорвавшийся с цепи. Несколько минут они шагали молча.

– Твоя тетя будет рада тебе, – заметил наконец дядя. Таким тоном объявляют о смерти близкого друга.

– Вы так добры, что согласились принять меня! – отозвалась Джилл. Переломные моменты в жизни располагают к мелодраме – как было не примерить на себя образ героини романа, изгнанной из родного дома в большой мир, где и голову негде преклонить. Готовность этих добрых людей, совсем, по сути, чужих, предложить свой кров трогала до слез. – Надеюсь, я не очень стесню вас?

– Майор Сэлби только что звонил по телефону и сказал, что ты подумываешь обосноваться в Брукпорте. У меня на примете несколько отличных вариантов жилья, не хочешь взглянуть? Можно арендовать или купить – но купить выйдет дешевле. Брукпорт растет, становится популярным курортом... Есть, к примеру, домик с верандой и большим участком земли на самом берегу, покажу тебе завтра. Всего за двенадцать тысяч отдадут – сделка что надо!

Джилл не находила слов от изумления. Дядя Крис явно не упомянул в телефонном разговоре о переменах в их финансовом положении, и здесь ее считают богатой. В этом весь дядя Крис! Что за мальчишество! Она живо представила его у телефона, вкрадчивого и вальяжного. Небось повесил трубку с самодовольной ухмылкой, удовлетворенный донельзя своей хитростью.

– Лично я, как только переехал, вложил все деньги в недвижимость, – продолжал дядя Элмер. – Я верю в этот городок – растет как на дрожжах!

Они вышли к окраине беспорядочно застроенного поселка. Освещенные окошки приветливо манили теплом, в то время как снаружи уже сгустились сумерки, а холодный ветер стал еще резче. В воздухе запахло морской солью, и Джилл уловила глухой рокот вдали – волны Атлантики бились о песчаные берега острова Файр-Айленд, от которого Брукпорт отделяла лагуна Грейт-Саут-Бэй.

Пройдя поселок насквозь, они приняли вправо и вышли на дорогу, вдоль которой тянулись обширные сады с большими темными особняками. При их виде дядя оживился и стал почти красноречив, перечисляя суммы, уплаченные за каждый дом, а также запрошенные и предложенные, и даже цены пятилетней давности. Рассказа хватило еще на милю, строения по пути все мельчали и попадались реже, и, наконец, когда местность вновь стала пустынной и заброшенной, путники свернули на боковую дорожку и подошли к высокому узкому дому, одиноко стоящему в поле.

– Вот и Сандрингем, – объявил дядя.

– Как-как? – удивленно переспросила Джилл.

– Сандрингем. Тут мы и живем. Название я услышал от твоего отца. Помню, он говорил про такое местечко в Англии.

– Да, есть такое. – Джилл проглотила смешок. – Там живет король...

– Правда? Вот у кого наверняка нет забот с прислугой! А мне приходится платить горничной полсотни долларов в месяц, да еще двадцатку парню, который смотрит за печью и колет дрова. Грабители, сущие грабители! А скажешь что поперек, тут же увольняются...

3

Джилл продержалась в Сандрингеме десять дней, да еще потом удивлялась, оглядываясь на тот отрезок своей жизни, как ее хватило так надолго. Чувство уныния и заброшенности, возникшее еще на станции, только росло по мере привыкания к новой обстановке. Восточный ветер стих, и солнце иногда пробивалось сквозь тучи, давая намек на тепло, но сумрачный вид дяди Элмера, по-видимому, был его постоянным свойством и не зависел от погодных условий.

Тетка, преждевременно увядшая и вечно простуженная, никак не способствовала бодрости духа, равно как и остальные домочадцы: меланхолический Тибби восьми лет от роду, спаниель несколькими годами старше да приходящий кот, который, правда, неизменно был душой компании, но появлялся куда реже, чем хотелось бы.

Между тем, представление мистера Маринера о Джилл как о богатой молодой леди с интересом к недвижимости нисколько не меркло. Что ни утро, он водил ее по окрестностям, показывая разные дома, в которые вложил большую часть нажитых бизнесом средств.

Недвижимость Брукпорта была центром его жизни, и смущенной Джилл пришлось ежедневно осматривать гостиные, ванные, кухни и спальни, пока одно лишь звяканье ключа в замке не стало вызывать у нее нервную дрожь. Большинство дядиных домов были перестроены из ферм и, как заметил один незадачливый покупатель, не так уж и тщательно. Дни, проведенные в Брукпорте, оставили в памяти у Джилл ощущение холодной затхлой сырости.

– Недвижимость надо покупать! – неизменно поучал мистер Маринер, запирая дверь очередного дома. – Не снимать, а покупать. Тогда, если не захочешь тут жить, можешь сдавать на лето.

Лето... Бывает ли оно вообще когда-нибудь в Брукпорте? Во всяком случае, зима пока не спешила разжимать свою хватку. Впервые в жизни Джилл испытала вкус настоящего одиночества. Она бродила по полям со снежными заплатами, доходя до скованной льдом лагуны, и полная тишина вокруг, лишь изредка нарушаемая далекими выстрелами какого-то оптимиста, пытавшегося добыть утку, казалась не безмятежной, а гнетущей. Невидящими глазами смот-

рела Джилл на зловещую красоту ледяных болот с красноватыми и зеленоватыми солнечными бликами. Одиночество давало простор мыслям, а думать сейчас было пыткой.

На восьмой день пришло письмо от дяди Криса, жизнерадостное и даже какое-то бесшабашное. Похоже, дела у него шли неплохо. Не вдаваясь, по своему обыкновению, в подробности, он разглагольствовал о будущих крупных сделках и грядущем процветании, а в качестве осязаемого свидетельства успехов вложил в конверт двадцать долларов, чтобы племянница потратила их в брукпортских лавчонках.

Письмо доставили с утренней почтой, а спустя два часа дядя Элмер, как обычно, повел Джилл смотреть очередной дом, который на сей раз оказался поближе к поселку. Запас своей собственной недвижимости дядя уже исчерпал, и дом принадлежал его знакомым. Как посреднику, ему полагался процент от сделки, а Элмер Маринер был не из тех, кто пренебрегает мелкой выгодой.

В его сумрачности этим утром появилась нотка надежды, словно проблеск солнечного света в дождливый день. Все обдумав, дядя пришел к выводу, что Джилл равнодушна к его предложениям, поскольку запросы ее выше. Ей требуется жилье куда роскошнее, чем домики за двенадцать тысяч.

Дом стоял на холме с видом на лагуну. Несколько акров земли, частная пристань с купальней, молочное хозяйство, спальные веранды – короче, все, что только может пожелать разумная девушка. Сегодня дядя Элмер ни на миг не допускал мысли о новой неудаче.

– Они запрашивают сто пять тысяч долларов, – сообщил он, – но я уверен, что уступят за сто. А если выложить задаток наличными, скинут и еще. Дом превосходный, можно даже приемы устраивать. Миссис Брагтенхейм снимала его прошлым летом и хотела купить, но не давала больше девяноста тысяч. Если нравится, решайся поскорее, не то мигом перехватят.

Выносить это дольше Джилл была не в силах.

– Видите ли, дядя, – деликатно возразила она, – все мое богатство в этом мире – двадцать долларов.

Наступила болезненная пауза. Мистер Маринер бросил на племянницу быстрый взгляд в надежде, что она шутит, но вынужден был отвергнуть эту мысль.

– Двадцать долларов! – воскликнул он.

– Двадцать, – подтвердила Джилл.

– Но твой отец... он же был богат! – жалобно простонал дядя. – Он же состояние сделал перед отъездом в Англию.

– Ничего не осталось. Меня ободрали как липку, – улыбнулась Джилл, находя в ситуации изрядную долю юмора. – В «Объединенных красках».

– Что за «Объединенные краски»?

– Место такое, – объяснила Джилл, – где обдирают честных людей.

Мистер Маринер помолчал, переваривая новость.

– Ты играла на бирже? – ахнул он наконец.

– Да.

– Кто же тебе разрешил?! Куда смотрел майор Сэлби? Уж ему-то следовало быть осмоторнее!

– Наверное, следовало, – скромно потупилась Джилл.

Новая пауза растянулась почти на четверть мили.

– Да, плохи дела, – вздохнул дядя.

– Куда уж хуже, – согласилась Джилл.

После этого разговора атмосфера в Сандрингеме переменилась. Когда люди бережливые обнаруживают, что гостя, которую они считали богатой наследницей, на самом деле нищая, их поведение меняется тонко, но ощутимо, а чаще всего скорее ощутимо, чем тонко.

Ничего не говорится вслух, но мысли бывают даже слышнее слов. Воздух звенит от напряжения, и поневоле чувствуешь, что дальше так продолжаться не может. Подобное же ощущение нависшего рока возникает по ходу действия древнегреческой трагедии.

Тем же вечером, после ужина, миссис Маринер попросила Джилл почитать ей вслух.

– У меня так устают глаза, милочка, – пожаловалась она.

Казалось бы, мелочь, однако значимая, подобно тому библейскому облачку величиною в ладонь человеческую, что поднималось от моря. Джилл стало ясно, что хозяева решили извлечь из нахлебницы хоть какую-то пользу.

– Да, конечно, тетя, – учтиво отозвалась она. – Что вам почитать?

Занятия этого Джилл терпеть не могла. В горле начинало першить, а глаза мигом пробежали всю страницу, извлекая раньше времени все интересное. Однако, понукаемая совестью, она отважно взялась за дело. В то же время, хоть и было жаль родственников, на которых свалилась непрощенная гостья, каждая частичка ее независимой души восставала против нынешнего положения. Ей с детства претило быть обязанной посторонним и тем, кого она не любила.

– Спасибо, дорогая! – сжалилась наконец миссис Маринер, когда голос племянницы совсем осип. – Ты так хорошо читаешь! Будет очень мило с твоей стороны читать мне каждый вечер, – добавила она, тщетно пытаясь унять свой хронический насморк с помощью носового платка. – У меня ужас как болят глаза от печатных букв!

Наутро после завтрака, в тот час, когда дядя Элмер прежде устраивал свои экскурсии по недвижимости Брукпорта, перед Джилл неожиданно предстал малыш Тибби, которого Джилл до сих пор видела разве что за семейной трапезой. Одетый и обутый для улицы, он окинул родственницу унылым взглядом.

– Мама говорит, не могла бы ты со мной погулять?

У Джилл упало сердце. Детей она любила, но Тибби обаятельностью не отличался, напоминая дядю Элмера в миниатюре с такой же хмурой физиономией. Джилл не могла понять, почему эта ветвь семейства Маринеров смотрит на мир столь мрачно? Своего отца она помнила веселым и жизнелюбивым, всегда готовым поддержать шутку.

– Хорошо, Тибби. Куда же мы пойдем?

– Ма говорит, только по дороге... и с горок кататься нельзя.

На прогулке Джилл была задумчива. Тибби был не из болтливых и размышлять несколько не мешал. Думала она о том, что за считанные часы ее социальный статус резко упал. От платной няньки она отличалась разве только тем, что ей не платили. Оглядев унылую глушь вокруг, Джилл вспомнила холодную неприветливость дома, куда предстояло вернуться, и сердце у нее сжалось.

На обратном пути ее подопечный впервые высказал самостоятельное замечание:

– Наш работник уволился.

– Вот как?

– Угу, сегодня утром.

Повалил снег, и они поспешили домой. Последняя новость не вызвала у Джилл серьезных опасений. Трудно представить, что в ее новые обязанности входят растопку и колку дров. Уж это точно выходило за пределы сферы ее полезности, как и стряпня.

– Однажды он крысу убил в дровяном сарае, – продолжал болтать Тибби. – Топором! Раз – и пополам! Ух, кровищи было...

– Ты глянь, как красиво снег лежит на ветках! – бледнея, попыталась Джилл сменить тему.

На следующее утро за завтраком миссис Маринер, прочихавшись, вдруг предложила:

– Тибби, дорогой, а что, если вы с кузиной Джилл поиграете в пионеров Дикого Запада?

– Кто такие пионеры? – осведомился Тибби, на время избавив от издевательств овсянку у себя на тарелке.

– Пионерами, дорогой, называют первых поселенцев в нашей стране. Ты же читал о них в учебнике истории. Им многое пришлось преодолеть, потому что жизнь тогда была очень тяжелая – ни железных дорог, ничего. По-моему, интересная вышла бы игра.

Тибби с сомнением оглянулся на Джилл, и она ответила понимающим взглядом. У обоих мелькнула одна и та же мысль: «Тут какой-то подвох!»

Миссис Маринер вновь чихнула.

– Развлечетесь на славу!

– А что надо делать? – с опаской спросил Тибби. Один раз его уже так провели. Прошлым летом, играя в моряка на необитаемом острове, он целый день в поте лица подстригал лужайку перед домом, потому что моряку требовалась постель из травы.

– Я знаю! – нашла Джилл. – Пускай нас как будто застигла снежная буря, и мы спрятались в лесной хижине. Снаружи воют волки, выйти мы не можем, а потому разожжем как следует камин, сядем перед ним и будем читать!

– И есть всякие сладости! – загорелся Тибби.

– Да, и есть сладости! – согласилась Джилл.

Миссис Маринер нахмурилась.

– Вообще-то, я хотела предложить, – ледяным тоном заметила она, – чтобы вы очистили крыльцо от снега.

– Отличная мысль! – воскликнула Джилл. – Ой, я совсем забыла! Сперва мне нужно сбегать в поселок.

– Ничего, успеете поиграть, когда вернешься.

– Договорились! Поиграем, когда вернусь.

До поселка было четверть часа ходу. Джилл задержалась у почты.

– Скажите, пожалуйста, когда ближайший поезд на Нью-Йорк?

– Следующий в 10:10, – ответила женщина за стойкой, – но придется поспешить.

– Я поспешу! – заверила Джилл.

Глава 8. Москательщики подрывают решимость Дерекы

1

Вечно уверенные в своей правоте, врачи авторитетно утверждают, что жизненная сила человеческого тела ниже всего в два часа пополудни: в это время ум менее всего способен принимать настоящее с хладнокровием, будущее – с мужеством, а прошлое – без сожаления. Однако каждый мыслящий человек знает, что это не так.

Истинный час испытаний, мрачный, безотрадный и осаждаемый призраками, наступает перед ужином, когда мы томимся в ожидании аперитива. Лишенные ненадолго привычной брони самомнения и благодушия, в этот час мы видим себя такими, какие есть – несчастными болванами в сером мире, где все идет не так, где получаешь щелчок по носу, надеясь на успех, а проникшись лучшими намерениями, совершаешь грубейшие промахи и толкаешь дорогих людей в пучину невзгод.

Так размышлял Фредди Рук, этот славный малый, сидя в клубном зале «Трутней» недели через две после отъезда Джилл из Лондона и ожидая в унынии, когда же наконец объявится его друг Элджи Мартин и угостит обещанным обедом.

Глядя, сколь безутешно поник Фредди в мягком кожаном кресле, трудно не усомниться в своем писательском мастерстве. Такой душевный мрак взывает к перу гениев. С его описанием справился бы Золя, мог бы попробовать силы Горький, а Достоевский взялся бы с наслаждением – но для меня задача слишком необъятна. Ее не обойдешь, она устрасает.

Положение не радовало бы в любом случае, ведь Элджи опаздывал как правило, и тягостное ожидание трапезы неизменно действовало Фредди на нервы, однако все было еще хуже. «Трутни» не входили в число его клубов, а значит, до появления окаянного Элджи аперитив гостю не полагался.

Так он сидел, наблюдая за веселыми юнцами с бокалами излюбленных напитков в руках, будучи совершенно не в состоянии наладить общение. Порой случайный знакомый кивал ему издали, продолжая потягивать живительный нектар, и Фредди чувствовал себя раненым воином, которому сэр Филип Сидни отнюдь не поднес великодушно стакан воды, а осушил сам, небрежно бросив: «Ваше здоровье!»

Потому неудивительно, что Фредди испытывал ту бездонную тоску, что одолевает крестьянина из русских романов, когда тот после тяжелых дневных трудов, задушив отца, поколотив жену и бросив ребенка в колодезь, лезет в буфет и обнаруживает, что бутылка водки пуста.

Фредди совсем пал духом и, как всегда теперь в минуты скорби, стал размышлять о Джилл, чья беда стала для него вечным источником душевных страданий – ведь за разрыв помолвки он с самого начала винил себя.

Не отправь он тогда Дереку записку из полицейского участка, тот никогда не узнал бы о досадном происшествии и все бы обошлось. А теперь вдобавок стало известно о разорении Джилл со всеми его последствиями.

Известие поразило Фредди ударом молнии, которую направил Ронни Деверо.

– Эй, приятель! – окликнул его Ронни на прошлой неделе. – Слышал последнюю новость? Твой дружок Андерхилл разорвал помолвку с Джилл Маринер.

– Ага, – вздохнул Фредди. – Паршиво, что и говорить.

– Еще бы не паршиво! Так не поступают. Как можно бросить девушку только потому, что она потеряла состояние. Просто ни в какие ворота!

– Потеряла состояние? В каком смысле?

Ронни удивился неосведомленности Фредди и заверил, что факт абсолютно достоверный, из самых надежных источников. Подробности пока неизвестны, но Джилл осталась без гроша. Андерхилл тут же открестился от нее, и несчастная сбежала из столицы неизвестно куда.

Что, Фредди повстречал ее, и она сказала, что отплывает в Америку? Ну, значит, в Америку... Но главное – эта свинья Андерхилл дал ей отставку из-за того, что она разорилась – вот что по-настоящему паршиво! Чем меньше у невесты денег, тем вернее должен быть жених – так полагал Ронни Деверо.

– Но... но дело совсем в другом! – бросился Фредди на защиту своего кумира. – Все было иначе! Дерек понятия не имел, что Джилл разорилась, и разорвал помолвку из-за... – Он вдруг запнулся. Не хватало еще, чтобы все узнали про полицию и арест, а так и будет, если поделиться с Ронни. – Причина совсем не в том!

– Ну конечно! – скептически хмыкнул Ронни.

– Так и есть!

Ронни покачал головой.

– Да не верь ты этому, старик, не верь! Логика подсказывает, что все из-за того, что бедняжка разорилась. Ты бы так не поступил, и я тоже, а этот Андерхилл взял, да и поступил! Вот и все. Что сделано, то сделано. Понимаю, Фредди, он твой друг, но в следующий раз, когда я его встречу, руки не подам, клянусь честью! Прямо жаль, черт возьми, что мы не знакомы!

Тот разговор сильно расстроил Фредди. Когда пару дней назад Дерек, задумчивый и молчаливый, вернулся в Олбани, они пошли обедать в свой клуб, и Фредди расстроился еще больше. Обычно его столик становился центром притяжения для старых добрых знакомых. Кто с чашечкой кофе подсядет, кто просто поболтать, и все такое прочее – красота! Однако в тот раз не подсел никто, все уносили свой кофе к другим столикам. В клубе потянуло неприятным холодком, который Фредди остро ощутил, хотя Дерек вроде бы не заметил. Дошло до него только вчера в Олбани, когда вышла та неприятность с Уолли Мейсоном...

– Привет, старичок! Извини, что заставил ждать, – прервал тягостные размышления Фредди гостеприимный хозяин.

– Привет!

– Сейчас пропустим по маленькой, – потер руки Элджи Мартин, – и перейдем к старым добрым закускам. Да, припозднился я, вижу. Не заметил, как время летит.

За супом Фредди все еще пребывал в тисках скорби. Живительному джину с вермутом на сей раз не удалось сделать свое благородное дело. Гость прихлебывал его так хмуро, что Элджи забеспокоился.

– Хандришь? – участливо осведомился он.

– Есть немного.

– Не на ту лошадку поставил?

– Да нет...

– Живот барахлит?

– Нет... Переживаю за...

– За кого?

– За Дерек.

– Что за Дерек?.. А, ты про Андерхилла!

– Ну да.

Элджи с неожиданным интересом понаблюдал, как ловко увертывается от его ложки морковный кружок в тарелке.

– Вот как? – сухо обронил он. – Что же с Андерхиллом стряслось?

Поглощенный своими мыслями, Фредди не обратил внимания на внезапную холодность приятеля.

– Чертовски неприятно вышло, знаешь ли. Вчера утром я только собрался в клуб, как слышу звонок в дверь. Баркер доложил, что явился какой-то Мейсон. Я такого в упор не помнил, но Баркер сказал, что тот утверждает, будто знаком со мной с детства... Так вот, и впрямь оказалось, что мы сто лет назад жили по соседству в Вустершире. То есть сначала я только глаза таращил, но потом в черепашке прояснилось, и вспомнил. Уолли Мейсон его зовут... Как ни странно, он со мной еще в театре «Лестер» заговаривал – перед тем самым пожаром, – но я не узнал его тогда и отбрил. Сам знаешь, как бывает: подваливает тип, никем не представленный, и влезает в разговор. В общем, буркнул я что-то в ответ и слинял.

– Ну и правильно, – согласился Элджи, всецело одобряя такую приверженность светскому этикету. – Что тут поделать?

– Короче, вчера он снова появился и объяснил мне, кто он, тут я и припомнил. Мы же в детстве играли вместе... Что это, семга? Отлично... Ну, в общем, я расстарался, выставил херес и все такое... поболтали о старых добрых деньках... ну и так далее – сам понимаешь. Затем он перевел разговор на Джилл. Он ведь ее тоже знал в те времена, что и меня, в Вустершире. Мы все тогда дружили. Ну так вот, этот Мейсон, похоже, прослышал где-то, что Джилл разорилась, и спросил, правда ли это. Я заверил, мол, так и есть. В точности, как вышло, не скажу, но мне Ронни говорил, а Ронни знает от кого-то, кто всегда в курсе, ну и все такое... «Чертовски обидно, – говорю ему. – Она потом в Америку уехала, слышал?» «Нет, – отвечает он. – Я знаю, она замуж собирается». Ну, само собой, я ему сказал, что помолвку разорвали. Мейсон помолчал, а потом спрашивает: «Точно?» «Точнее не бывает», – отвечаю. «Джилл разорвала?» «Нет, – говорю, – вообще-то, Дерек». Он говорит: «О!»... Что? Да, кусочек фазана будет кстати... Так, на чем я?... А, ну да, он говорит: «О!» Но еще до того, должен тебе сказать, он пригласил меня пообедать, а я ответил, что обедаю с Дерексом, и Мейсон сказал «окей», мол, пойдем все вместе, или что-то в этом роде. Дерек тогда дома не было, вышел прогуляться, и я его ждал. Тут как раз он возвращается, в ту самую минуту, понимаешь... Я говорю, наконец-то, мол, и представляю ему Уолли Мейсона. Ну, как обычно: «Ты знаком с Андерхиллом?» и так далее. И тут...

Фредди прервался и осушил свой бокал. Воспоминания о том болезненном моменте вызывали у него нервную дрожь, как и любые светские недоразумения.

– И что? – спросил Элджи.

– Просто жуткое дело! Дерек протягивает руку – ну, как положено, когда познакомишься – а Уолли... он как бы и не видит его, смотрит мимо и говорит только со мной, словно мы одни! Ты только представь себе!.. Вот гляди: тут стою я, где нож лежит, Дерек с протянутой рукой – где вилка, а Мейсон здесь – кусочек хлеба. Смотрит на часы и выдает: «Извини, Фредди, но меня ждут обедать, пока-пока!» Сказал и усакал себе – как будто никаких Дерексов на свете нет и никогда не было! – Фредди потянулся к бокалу. – В общем, жуткая неловкость вышла – подумать только, учинить такое у меня в доме! Даже и не припомню, когда себя чувствовал настолько паршиво.

Взгляд Элджи Мартина был суров и непреклонен.

– Твой Мейсон, – твердо заявил он, – поступил совершенно верно!

– Да нет, я в том смысле, что...

– Абсолютно верно! – перебил Элджи. – Дать невесте отставку только из-за того, что она разорилась, и надеяться, что никто не заметит? Не выйдет! Если хочешь знать мое мнение, твой дружок Андерхилл – понятия не имею, что ты в нем нашел, но спешим на школьную дружбу и прочее... так вот, если хочешь знать, твоему дружку сейчас стоило бы метнуться следом за Джилл и жениться на ней поскорее, либо уж залечь поглубже на дно, пока эта мерзкая история как следует не забудется. Потому что и мы с Ронни, и Дик Уимпол, и Арчи Стадд, и все наши – мы знаем Джилл и считаем, что она высший класс! Мы много раз ее видели то там, то здесь, танцевали с ней, разговаривали – и, понятное дело, спускать Андерхиллу эту его выходку не

намерены! Он не то чтобы из наших, но почти все знакомые у нас с ним общие, так что слухи уже ходят, сам понимаешь. Моя сестра, близкая подруга Джилл, голову дает на отсечение, что теперь ни одна девушка словом не перемолвится с Андерхиллом. Так-то вот, Фредди – если он ничего не предпримет, и в хорошем темпе, то скоро ему в Лондоне станет жарковато!

– Старик, да ты просто не в курсе, что на самом деле случилось!

– Как это?

– Я в смысле, что ты думаешь, и Ронни тоже, и все, будто Дерек разорвал помолвку из-за денег. Ничего подобного!

– А из-за чего?

– Ну... Вообще-то, я в этой истории полным ослом выгляжу... но уж лучше расскажу. Так вот, мы с Джилл как-то шли по улице у вокзала Виктория, и там какой-то тип хотел пришибить попугая...

– Известное дело, – иронически вставил Элджи, – те места славятся охотой на попугаев.

– Не перебивай, старик, дай закончить! Попугай улетел из одного дома там на улице, и тот псих тыкал в него палкой, а Джилл – сам знаешь, какая она порывистая и вообще... короче, она вырвала палку и стукнула того типа по голове. Ну, полисмен, ясное дело, тут как тут, псих поднял скандал, и нас с Джилл забрали в кутузку. Тогда-то я и сглупил – написал Дереку, чтобы он нас выкупил. В результате он все узнал... взбесился, наверное, ну и разорвал помолвку.

Элджи Мартин слушал с растущим изумлением.

– Так он из-за этого порвал с Джилл?

– Именно!

– Бред какой-то... не верю ни единому слову!

– Ты послушай, старина...

– Полный бред! – твердо повторил Элджи. – Не верю, и никто не поверит. Конечно, чертовски благородно с твоей стороны сочинить байку, чтобы выгородить дружка, но нет, не сработает... тем более такая очевидная чушь! – возмущенно добавил он.

– Чистая правда, клянусь!

– Брось, Фредди! Мы же с тобой старые друзья. Сам же прекрасно понимаешь: Андерхилл поступил как последний подонок – узнал, что у Джилл нет денег, и бросил ее!

– Да с чего бы ему переживать из-за состояния невесты? У Дерекы своих денег хватает.

– Денег никому не хватает! – рассудительно покачал головой Элджи. – Андерхилл полагал, что берет жену с солидным приданым, а когда оно улетучилось, Джилл тут же потускнела в его глазах. Ради бога, давай не будем больше об этом мерзавце, даже думать о нем тошно!

2

Фредди Рук вернулся домой в расстроенных чувствах. Жесткая отповедь Элджи в придачу к вчерашней выходке Уолли совсем растреможила его. Стало очевидно, что по деревне, которой и был, по сути, привычный ему Лондон, ходят нехорошие сплетни. Местное общество явно не одобряет поступок Дерекы, и один раз ему уже не подали руки! Фредди побледнел от внезапного видения: улицы, заполненные людьми, целые толпы длиной с Пикадилли, и все прохожие отворачиваются от Дерекы один за другим!

Надо срочно что-то предпринять, понял Фредди Рук.

Поднимать такую скользкую тему со вспыльчивым другом было нелегко, как и обнаружилось полчаса спустя, когда тот вернулся. Подменяя одного из лидеров парламента, Дерек выступал на банкете, устроенном Благочестивой компанией москательщиков, и теперь страдал от тошнотворного переполнения желудка, каким обычно и заканчиваются званые угощения в лондонском Сити.

Судя по молчанию, изредка прерываемому раздраженными стонами, Дерек был не слишком расположен обсуждать личные дела, но разве можно откладывать столь важный разговор на завтра? Из головы не шли слова Ронни и Элджи, и то, как повел себя Уолли Мейсон в этой самой комнате. Поэтому, как следует собравшись с духом, Фредди все же рискнул:

– Дерек, старина...

Последовал болезненный стон.

– Старик, послушай меня!

Поднявшись, Дерек мрачно глянул в сторону Фредди, гревшего ноги у камина.

– Ну?

Выбор слов с трудом давался Фредди. Что тут скажешь, щекотливое дельце, такое и дипломата поставит в тупик. Однако юный Рук дипломатом не был и легких путей не искал. Наделенный от природы добродушной бестактностью и счастливым даром не замечать своих промахов, он начал сразу с главного и сделал первый шаг, точно цирковой слон, ступающий по выстроенным бутылкам:

– Я это... насчет Джилл.

Наклонившись почесать икры, которые огонь припекал слишком ощутимо, он не заметил, как собеседник вздрогнул и грозно сдвинул густые брови.

– Ну? – повторил Дерек.

У Фредди внезапно мелькнула мысль, что Дерек сейчас – точная копия леди Андерхилл. Семейное сходство впервые явилось со всей очевидностью.

– Ронни Деверо сказал... – Фредди запнулся.

– К черту Ронни Деверо!

– Да, конечно... только...

– Ронни Деверо! Да кто он такой, черт его дери?

– Ну, старик, я же столько раз о нем говорил! Мой приятель... он еще на вокзале тогда был вместе с Элджи – когда матушку твою встречали.

– А, тот самый! Он сказал что-то насчет?..

– Не только он, знаешь ли, – поспешил уточнить Фредди. – Элджи Мартин тоже говорил, и многие другие. И сестра Элджи... и вообще. Все говорят.

– Что говорят?

Фредди вновь нагнулся, растирая икры. На приятеля смотреть не хотелось. Выражение леди Андерхилл на старой доброй физиономии Дерека бередило душу. Странно, как он прежде не замечал их необычайного сходства, которое даже несколько обижало. Выразить причину словами Фредди был не в силах, но чувствовал, что настолько походить на леди Андерхилл просто как-то неприлично.

– Что же они говорят? – мрачно повторил Дерек.

– Ну... – замялся Фредди, – говорят, что немного жестковато было... то есть, по отношению к ней...

– Они не одобряют моего поступка?

– Ну... понимаешь...

Лицо Дерека искривилось в неприятной улыбке, причиной которой был, впрочем, не только гнев. Тупая тяжесть в желудке от угощения москательщиков все сгущалась наподобие грозовых туч, сквозь которые уже пробивались редкими молниями вспышки острой боли. В душе Дерека разгоралась угрюмая злоба.

– Не понимаю, почему бы тебе, – начал он со свирепой вежливостью, – не выбрать для болтовни с друзьями какие-нибудь другие темы, а не мои личные дела?

– Извини, старик, но... Они первые начали, знаешь ли.

– А если тебе так уж нейдет судачить обо мне, то будь любезен держать это при себе! Нечего мне докладывать, что сказали твои проклятые дружки и что ты им ответил. Мне это

слушать скучно и неинтересно. Я ценю их мнение куда меньше, чем, похоже, ты! – Дерек на миг умолк, сражаясь с нарастающей болью. – От души благодарю тебя за гостеприимство, – продолжал он, – однако, думаю, негоже им злоупотреблять. Не мог бы ты попросить Баркера упаковать с утра мои вещи? – Он двинулся к двери грузной походкой, характерной для жертвы банкета москательщиков. – Я переезжаю в «Савой»!

– Послушай, старина, зачем ты так?

– Спокойной ночи!

– Но...

– И передай своему другу Деверо: если не прекратит совать нос в мои личные дела, оторву!

– Ну, Ронни ты, конечно, не знаешь, – с сомнением заметил Фредди, – но имей в виду: он не то чтобы слабак. На последнем курсе дрался за Кембридж в легком весе и...

Дерек хлопнул дверью. Фредди остался один. Со скорбной миной на обычно жизнерадостной физиономии он принялся растирать икры. И зачем только люди ссорятся? Жить куда легче, когда все идет гладко.

Прекрасный и такой привычный мир рушился прямо на глазах. Сперва разорилась и исчезла бедняжка Джилл. Как же скучно стало без нее, такой славной и общительной! Взяла и сорвалась куда-то... Теперь и Дерек следом. Сто лет вместе, еще со школы – и на тебе!

Испустив тяжкий вздох, Фредди потянулся за спортивной газетой, своим неизменным утешением в минуты испытаний. Закурил новую сигару и уютно устроился в кресле. Послеобеденная игра в сквош, которую Фредди обожал, его утомила.

Время шло, соскользнула на пол газета, за ней – потухшая сигара. Из глубин кресла раздался слабый храп...

Ощувив на плече чужую руку, Фредди рывком очнулся от беспокойного сна и встретил взгляд Дерека. Вздрыгнутый и бледный, тот стоял согнувшись и держась за живот.

– Фредди...

– А? Что?

Лицо Дерека исказилось от приступа боли.

– У тебя найдется пепсин? – простонал он.

Как же насмехается диспепсия над суетным людским величием! Она еще злее, чем сама любовь, и низвергает с высот даже самых надменных. Перед Фредди корчился совсем не тот Дерек, что так высокомерно покинул комнату всего два часа назад. Желудочная пытка сломила его гордость.

– Пепсин?

– Да... – выдавил он. – У меня жуткое несварение.

Пелена сна окончательно развеялась, и Фредди кинулся на помощь другу – тот самый случай, когда последний из Руков оказывается совершенно незаменим.

Кто, как не он вскочил с кресла и усадил туда Дерека; это он слетал в ночную аптеку за углом и вернулся с магическим зельем, исцеляющим с гарантией даже страуса, переевшего десятипенсовых гвоздей; наконец, не кто иной, как он, смешал с водой и подал лекарство.

Старания его были вознаграждены. Вскоре мучительная боль утихла, и несчастный стал приходить в себя.

Можно было бы даже сказать, что вновь стал самим собой, если бы не столь чуждое его натуре кроткое, покаянное настроение, овладевшее им на одре болезни. Фредди еще не видел друга таким смиренным, похожим на выздоравливающего ребенка. Совместные усилия москательщиков и аптекаря сотворили настоящее чудо.

Званные обеды в Сити не так уж редко приводят к временному смягчению нравов. Если хотите застать дельца из какой-нибудь Благочестивой компании в ангельском настроении, ступайте к нему наутро после банкета, и он отдаст вам свои часы и цепочку в придачу.

– Фредди... – заговорил Дерек.

Друзья сидели у догорающего камина. Часы на каминной полке, где прежде стояла фотография Джилл, показывали десять минут третьего. Голос у Дерека был тих и мягок. Кто знает, возможно, врачи все-таки правы, и в два часа ночи самомнение покидает нас, уступая место раскаянию и добрым намерениям.

– Фредди... Так что же говорят о... ну, ты знаешь.

Фредди медлил. Заводить разговор сызнова было страшновато.

– Да я и сам догадываюсь, – продолжал Дерек. – Говорят, что я поступил низко.

– Ну...

– Они совершенно правы, Фредди. Так оно и есть.

– Да нет, знаешь ли, я бы так не сказал. Виноваты всегда обе стороны, и все такое...

– Нет, я один! – Дерек не отрывал глаз от огня. Его сотрапезники по всему Лондону, должно быть, так же точно маялись без сна, со смирением и скорбью оглядываясь на свое черное прошлое. – Это правда, Фредди, что она уехала в Америку?

– Сказала мне, что уезжает.

– Какого же я сваял дурака! – Дерек упер подбородок в ладони, вздыхая, будто дряхлый старик, и глядя на тлеющие угли. В тишине тикали часы, слабо потрескивал огонек в камине. – Как бы мне хотелось поехать следом и разыскать ее...

– Почему бы и нет?

– Ну как я поеду? Выборы могут назначить в любой момент, мне нельзя...

Фредди ракетой взвился из кресла, и от внезапности его прыжка боль ввинтилась в мозг Дерека раскаленным штопором.

– Что за черт! – раздраженно прошипел он. Такое трудно вынести даже самой кроткой жертве званого обеда в Сити.

– У меня идея, старина!

– Все равно, к чему эти пляски?!

– Меня здесь ничто не держит, так? Так почему бы мне не смотаться в Америку, и не разыскать там Джилл?

Сияющий Фредди не мог устоять на месте. Каждый скачок отдавался у Дерека в голове, но величие идеи заставляло терпеть.

– Что, правда? – просиял он.

– Ну конечно! Я же сам только недавно говорил, что подумываю об Америке. Идеальное решение! Отплыву первым же пароходом и выступлю в роли старого доброго посла. Обернусь в два счета и верну Джилл. Даже не сомневайся – покажу себя в лучшем виде!

Глава 9. Джилл разыскивает дядю

1

Нью-Йорк приветствовал Джилл бодрящими колючими поцелуями снежного вихря, каких только и можно ожидать от столь блистательного и деятельного города. Выйдя из Пенсильванского вокзала на Седьмую авеню, девушка смотрела вокруг жадным взглядом – тоненькая фигурка подле высоченных колонн.

Ветер свистел в ушах, небо сверкало чистейшей синевой, воздух дышал энергией и надеждами. Интересно, подумала Джилл, бывал ли здесь Элмер Маринер? Даже его вечное уныние едва ли устояло бы против воодушевляющего обаяния Нью-Йорка.

Она вытащила из сумочки письмо дяди Криса. Обратным адресом был указан дом на 57-й Восточной улице. Сейчас самое время застать дядю, пока он не ушел обедать. Она махнула такси, отъезжавшему от вокзала.

Ехали медленно, то и дело застревая в пробках, но дорога показалась короткой. Джилл сама себе удивлялась: коренная жительница Лондона, а чувствует себя провинциалкой, всему поражается. Впрочем, Лондон остался далеко, в той жизни, что закончилась будто многие годы назад, в мире, покинутом навсегда.

Да и город, по которому с трудом пробиралось такси, был воистину колоссален! Лавина машин с Бродвея вливалась в водоворот Таймс-сквер навстречу бурным потокам с востока, запада и севера. На Пятой авеню, казалось, собрались все автомобили мира! По тротуарам торопливо сновали прохожие, укутанные от морозного ветра. А над головой распростерло бархатный покров сапфировое небо, на фоне которого минаретами из восточных сказок белели верхушки зданий.

Такси затормозило перед многоквартирным каменным домом. Пройдя под козырьком крыльца, Джилл пересекла некое подобие средневекового двора с живыми деревьями в кадках. Такая роскошь впечатляла. Очевидно, слухи о состояниях, нажитых в этом сказочном городе за одну ночь, все-таки правда, и одна такая сказка выпала на долю дяди Криса. Человек, стесненный в средствах, никак не мог себе позволить такое жилье. Явись сюда сам Крез или граф Монте-Кристо, владелец дома, пожалуй, глянет на них с сомнением и намекнет на желательность платы за месяц вперед.

В стеклянной будке за внутренней дверью чопорно восседал, пережевывая жвачку и читая газету, старик в пышно расшитом мундире генерала гватемальской армии. Для полного великолепия не хватало лишь драгоценностей, что, без сомнения, объяснялось личной скромностью. Поскольку рядом не было никого рангом ниже, чтобы представить гостью и ходатайствовать об аудиенции, Джилл взяла на себя смелость обратиться к генералу сама:

– Будьте добры, подскажите, как мне увидеть майора Сэлби?

Задержав на миг ритмичное движение челюстей, гватемальский генерал опустил газету и взглянул на посетительницу. Сперва Джилл решила, что его вскинутые брови выражают высокомерное презрение, но затем поняла, что он удивился.

– Майора Сэлби?

– Майора Сэлби.

– Здесь такой не проживает.

– Майор Кристофер Сэлби, – уточнила Джилл.

– Нет, не знаю, – покачал головой советник послов и любимчик гватемальских красоток. – В жизни о нем не слыхал.

2

Джилл доводилось читать в романах, как при крутых поворотах сюжета перед глазами героини «все поплыло», но сама она до сих пор не испытывала столь примечательного ощущения. Гватемальский воитель, быть может, и не поплыл перед глазами, однако без сомнения замерцал, так что пришлось даже поморгать, чтобы восстановить его истинные очертания. Суматоха и шум Нью-Йорка уже успели вызвать у нее чувство нереальности, сходное со сном, и эти поразительные слова стали завершающим штрихом.

Возможно, услышанное от гостьи «будьте добры» все же тронуло сердце героя тысячи революций. Каким бы величественным и живописным ни казался он со стороны, но обитал, хоть и неприятно это отмечать, в мире, где пренебрегают мелкими любезностями. «Поди сюда!», «Привет!» и «Черт тебя дери!» – это запросто, а вот «Будьте добры» – уже редкость. Видимо, оно пришлось по сердцу генералу-привратнику, так как он перекатил жвачку во рту, дабы изъясняться членораздельнее, и поднапрягся.

– Как, говорите, его фамилия?

– Сэлби.

– А пишется как?

– С-э-л-б-и.

– С-э-л-б-и... А, Сэлби?

– Ну да, Сэлби.

– А имя?

– Кристофер.

– Кристофер?

– Да, Кристофер.

– Кристофер Сэлби, значит... Нет, не припомню.

– Точно должен быть!

Ветеран покачал головой со снисходительной улыбкой.

– Должно быть, вам нужен мистер Сипперли! – догадался он. В Гватемале вечно путают имена. – Да-да, мистер Джордж Сипперли с четвертого этажа... Как ему доложить о вас?

Престарелый военачальник уже взялся было за телефонную трубку, но Джилл остановила его. Пускай мы живем в эпоху эрзацев, но неведомый Сипперли никак не годился на замену дядюшке Крису.

– Да нет же, мне нужен майор Сэлби, а никакой не Сипперли!

– Как, еще разок, пишется?

– С-э-л-б-и.

– Ага, С-э-л-б-и... Нет, такой не проживает. Зато есть мистер Сипперли, – вкрадчиво произнес генерал, твердо решив, похоже, убедить строптивую посетительницу принять очевидное. – Живет на четвертом этаже, занимается недвижимостью. У него светлые волосы и бостонский бульдог.

– Да пусть какой угодно и с дюжиной бульдогов...

– Бульдог только один, кличка Джек.

– ...Но мне нужен не он. Что за абсурд! Майор Сэлби писал мне с этого адреса. Это ведь номер 18 по 57-й Восточной?

– Так и есть, 18-й по 57-й Восточной, – осторожно признал собеседник.

– Вот его письмо... – Джилл открыла сумочку и вскрикнула: – Ой, да где же оно?

– Прошлой осенью у мистера Сипперли гостил друг... Некий мистер Робертсон – смуглый такой, с усиками.

– Я доставала письмо, чтобы взглянуть на адрес, и была уверена, что положила обратно. Наверное, обронила.

– Еще есть мистер Рейнсби с седьмого этажа, брокер с Уолл-стрит. Невысокий такой, слегка заикается.

Джилл защелкнула сумочку.

– Что ж, ладно... По-видимому, я ошиблась. Была совершенно уверена, что адрес тот самый, но... Спасибо вам огромное! Извините, что побеспокоила.

Она повернулась и зашагала прочь, заставив грозу Парагвая и прочих экзотических краев потерять дар речи. «Спасибо вам огромное» ему доводилось слышать еще реже, чем «Будьте добры». Проводив незнакомку ласковым взглядом, он вернул жевательную резинку в обращение и возобновил изучение газеты.

У него мелькнула мысль, что на самом-то деле гостье требовался мистер Уиллоби с восьмого этажа, но было уже поздно, и вскоре, погружившись в заметку о вспыльчивом домовладельце из Канзаса, который в припадке ярости зарубил топором шестерых, он выбросил странный визит из головы.

3

Вернувшись на Пятую авеню, Джилл пересекла ее и задумчиво побрела навстречу ветру мимо Центрального парка. На другой стороне улицы тянулись дома с фешенебельными квартирами и виднелась зеленая крыша отеля «Плаза», а впереди, в окрестностях Коламбус-Серкл, начинались кварталы поскромнее.

Точь-в-точь сюжет мелодрамы, подумала Джилл – одна-одинешенька в огромном чужом городе. Она невольно поежилась. Все ее богатство в этом мире умещалось в крошечной сумочке на запястье – сильно початые двадцать долларов, присланные дядей Крисом в Брукпорт. Идти некуда, ночевать негде, и никаких разумных соображений, как пополнить капитал. Отправляясь на станцию в Брукпорте, такого она не предвидела.

Тайна исчезновения дяди Криса не поддавалась разгадке. Джилл готова была поклясться, что на конверте был тот самый адрес, однако о майоре Сэлби там не слыхали и не знали такого имени. Причины недоразумения лежали явно глубже, чем ей было по силам раскопать.

Шагая куда глаза глядят, она вскоре миновала площадь Коламбус-Серкл, перешла Бродвей на углу с россыпью автосалонов и, внезапно ощутив голод, остановилась у необъятной витрины дешевой закусочной. Те, кто сидел за мраморными столешницами по ту сторону толстого стекла, явно не слишком ценили приватность, и прохожие могли наблюдать каждый их глоток. Ни дать ни взять рыбки в аквариуме, подумала Джилл.

Посередине, рассеянно поглядывая на улицу через горки яблок и грейпфрутов в витрине, стоял у плиты человек в белом халате и ловко жонглировал оладьями. Его священнодействие, лишенное секретов, было заключительной нотой в спектакле для прохожих.

Зрители, располагавшие достаточным временем, могли наблюдать за нью-йоркским ланчем на всех стадиях его эволюции от первичной желтовато-белой протоплазмы, вылитой на плиту, до итоговой нирваны поджаристых оладий в желудке клиента. Могла ли голодная девушка вынести подобное зрелище?

Войдя в закусочную и пробираясь между столиками, она вдруг услышала свое имя:

– Мисс Маринер!

Джилл вздрогнула. Что это – слуховая галлюцинация? Кроме дяди Криса, который находился неизвестно где, она не знала здесь никого. Тем не менее, оклик повторился, доблестно состязаясь со звяканьем посуды, от которого закладывало уши:

– Мисс Маринер! Даже не верится, что это вы!

Из-за столика неподалеку, изумленно глядя, поднялась девушка в голубом платье. Джилл сразу ее узнала: эти огромные жалобные глаза, как у потерявшегося ребенка, было невозможно забыть. Та самая девушка с попугаем, которую они с Фредди обнаружили в бывшем дядином доме на Овингтон-сквер в тот день, когда устои мироздания пошатнулись и воцарился хаос.

– Боже мой! – воскликнула Джилл. – Я думала, вы в Лондоне.

Паническое ощущение пустоты после беседы с гватемальским генералом исчезло как по волшебству. Воспрянув духом, Джилл присела за столик неожиданной подруги.

– А вы как оказались в Нью-Йорке? – спросила та. – Я не думала, что вы сюда собираетесь.

– Все вышло немного внезапно, – ответила Джилл. – Так или иначе, я здесь... и умираю с голоду. Что это вы все едите?

– Гречишные оладьи.

– А, знаю, дядя Крис вспоминал о них в плавании. Я тоже возьму.

– Когда же вы приехали?

– Сошла с парохода десять дней назад, потом жила в местечке под названием Брукпорт на Лонг-Айленде... Как странно вот так сразу наткнуться на вас!

– Удивительно, что вы меня не забыли.

– Имя не помню, – призналась Джилл, – но это обычное дело. Я вечно забываю имена.

– Нелли Брайант.

– Ах да, конечно! И вы играете в театре?

– Только что получила работу у «Гобла и Коэна»... Привет, Фил!

У столика задержался по пути к кассе молодой брюнет с изящной фигурой и зачесанными назад гладкими волосами.

– Привет, Нелли!

– Я не знала, что ты тут обедаешь.

– Изредка заглядываю. Вот, репетировал с Джо в «Крыше века» и улучил четверть часика на перекус. Можно присесть?

– Конечно. Это моя приятельница мисс Маринер.

Молодой человек обменялся с Джилл рукопожатием, окинув ее одобрительным взглядом живых черных глаз.

– Рад познакомиться!

– А это Фил Браун, – продолжала Нелли. – Он играет с самим Джо Виджоном – лучшая джазовая команда в гастрольных турах!

– Да ну, брось! – скромно возразил мистер Браун. – Вечно ты приукрашиваешь.

– А что, скажешь, не так? Разве вам не продлили ангажемент в «Паласе»?

– Было дело, – признал молодой человек. – Отжигали там на славу, хоть кого спроси. На субботнем дубле восемнадцать раз выходили на поклонь!

Джилл зачарованно вслушивалась в непривычный выговор.

– Не понимаю ни словечка! – вздохнула она. – Можно подумать, другой язык.

– Вы с той стороны? – снисходительно улыбнулся мистер Браун.

– Всего неделю как с парохода, – вставила Нелли.

– Я по акценту догадался, – кивнул он. – Ничего, приспособитесь, если потреться тут как следует.

– Я уже учусь! – похвасталась Джилл. Она чувствовала радостное облегчение от встречи с Нелли, и ей нравился молодой человек с гладкими волосами. – Сегодня попутчик в поезде мне предложил: «Утреннюю газету, сестричка?», а я ответила: «Спасибо, братец, я лучше в окно посмотрю».

– В поездах народ сплошь и рядом неотесанный, – сердито хмыкнул Браун. – Таких нужно с ходу отбивать. – Он повернулся к Нелли. – Ну что, ходила к Айку, как я советовал?

– Ходила.

– Обломилось что-нибудь?

– Ага, представь себе! В жизни счастливее не была. Сперва битый час скучала у них на лестнице, а потом вышел Джонни Миллер, и я на него насела, мол, ищу работу, а он – хорошо, все будет окей. Джонни всегда помогает девушкам, с которыми выступал в одном шоу. Если б не он, я бы до сих пор там сидела.

– А кто такой Айк? – любопытствовала Джилл, стараясь не потерять нить беседы.

– Мистер Айзек Гобл, – пояснила Нелли. – Из агентства «Гобл и Коэн», где я только что получила работу.

– Никогда о таких не слышала.

Молодой человек шутливо протянул Джилл руку.

– Вот это совпадение! Обо мне они тоже никогда не слыхали. По крайней мере, тот, что встретил меня у них в конторе.

– А, ты тоже к ним ходил? – оживилась Нелли.

– А то! Джо мылился в новое шоу на Бродвее, водевили ему уже вот где. Знаешь, Нелли, не хочу тебя пугать, но, на мой вкус, Айк затеял ставить какую-то кислятину! Вряд ли он вложил туда хоть цент из своих, очень на любителя вещица... Короче, ввалились мы с Джо разузнать, нет ли чего-нибудь для нас, а в офисе торчит какой-то верзила с черепаховой оправой на носу. Оказался сам автор – набирает актеров на главные роли.

Ну, мы назвались, кто такие, а ему начхать – никогда, мол, про вас не слыхивал! Объяснили все – нет, говорит, ничего такого для шоу не требуется. Хочет, мол, угостить публику чем-то необычным, так что никаких приевшихся вставных номеров. Намерен, видите ли, возродить традиции Гилберта и Салливана!.. Слушай, кто это такие вообще, Гилберт с Салливаном? То и дело пишут о них в газетах, но я сроду не встречал никого, кто их знает. Ежели хочешь мое мнение, это будет просто-напросто комическая опера!

– Силы небесные! – Как всякая актриса музыкальных комедий, Нелли глубоко презирала устаревший жанр. – Да комическую оперу сто лет назад похоронили!

– А теперь вот, как видишь, решили выкопать! То есть, мне так кажется... Слушай, я вчера вечером говорил с Клариссой, – добавил Фил, понизив голос. – Все у нас в порядке!

– Да ну?

– Ага, помирились... Получилось так...

Беседа приняла доверительный характер. Молодой человек принялся разворачивать перед Нелли все сложные перипетии своей досадной размолвки с «лучшей девушкой во всем Бруклине», подробно пересказывая, что сказал он, что ответила она, как повела себя ее сестра и как в конце концов все уладилось.

Джилл почувствовала себя немного лишней, но затем, осененная внезапной идеей, задумалась, откинувшись на спинку стула... В самом деле, а что еще остается? Надо же как-то зарабатывать на жизнь!

Подавшись вперед, она решительно прервала описание оживленной перепалки между Филом и упомянутой сестрой, крайне неприятной, судя по всему, особой.

– Мистер Браун!

– Да?

– Как вы думаете, есть у меня шанс получить работу у «Гобла и Коэна»?

– Вы шутите! – воскликнула Нелли.

– Нисколько.

– К чему вам работать?

– Я должна начать, и поскорее.

– Не понимаю.

Джилл ответила не сразу. Обсуждать свои личные дела она не любила, но избежать этого не представлялось возможным. Нелли с любопытством вытаращила глаза, а молодой человек не выказывал ни малейших намерений тактично удалиться. Он жаждал услышать все.

– Я потеряла деньги... – неловко начала Джилл.

– Потеряли деньги? Вы хотите сказать...

– Да, потеряла все, до последнего пенни.

– Бывает, – рассудительно вставил Браун. – Как-то раз я тоже остался на мели в Оклахоме, в самой глуши. Управляющий труппы смылся со всем нашим жалованьем – укатил в Канаду, и след простыл.

– Но как же?... – не могла успокоиться Нелли.

– Случилось это как раз, когда мы с вами познакомились, – продолжала Джилл. – Помните Фредди Рука? Он еще был у нас в гостях в тот день.

Глаза Нелли мечтательно затуманились. Не проходило и часа, чтобы она не вспомнила этого безупречного джентльмена. Фредди был бы потрясен, узнай он, что для Нелли нет никого совершеннее в нашем несовершенном мире.

– Ну еще бы! – восторженно выдохнула она.

Фил Браун бросил на нее острый взгляд.

– Ага! – ехидно протянул он. – Ну-ка, ну-ка... Кто же это, Нелли? Кто этот неотразимый рыцарь?

– Если хочешь знать, – фыркнула Нелли, – так это тот самый, кто дал мне пятьдесят фунтов – просто так, не в долг! – когда я застряла без гроша в Лондоне. Не будь его, до сих пор бы там торчала!

– Что, серьезно? – воскликнула Джилл. – Фредди Рук?

– Он самый... А теперь, наверное, я больше никогда его не увижу.

– Если вдруг встретишь, непременно и меня познакомь! – хмыкнул Браун. – Такие приятели на дороге не валяются.

– Ну так вот, – вздохнула Джилл. – Помните, Фредди рассказывал про обвал на фондовой бирже, когда он потерял деньги? Так и я свои потеряла... История долгая, но подробности излишни. Такие вот дела. Потому работа и нужна. Мне кажется, в театре я скорее найду ее, чем где-либо еще.

– Мне ужасно жаль.

– Да ну, ничего страшного... Сколько эти «Гобл и Коэн» могут платить, если дадут ангажемент?

– Не так уж много, долларов сорок в неделю.

– Сорок долларов! Да это же целое состояние! Где это агентство?

– В театре «Готэм» на 42-й улице.

– Поеду туда прямо сейчас!

– Вы даже не представляете, как это трудно! Ждете час за часом в надежде, что вас заметят...

– А почему нельзя просто войти и заявить: пришла наниматься на работу?

Большие глаза Нелли стали еще больше.

– Так не положено!

– Почему?

– Ну... не положено, и все тут.

– Не понимаю, почему.

– А я, между прочим, согласен, – вмешался Браун. – Какой смысл толкаться в передней и ждать? В конце концов, театральные агенты тоже люди – во всяком случае, некоторые. Может, им наоборот понравится такая дерзость. Так что правильно мыслите: лучше ввалиться прямо с ходу, не съедят же вас там! Прямо-таки смотреть тошно, как эти бедолаги маются под дверью,

а на них – ноль внимания. Смелее надо! Кто задерживать станет, дать в зубы и вперед. А если предложат оставить адрес и уйти, не соглашаться ни в какую! Это их старый, траченный молью трюк. Заявить с порога: так не пойдет – ответ только сразу, да или нет. Поставить их перед выбором!

Воспламененная его красноречием, Джилл вскочила и потребовала счет.

– Так точно и сделаю!.. До свидания, – кивнула она Нелли. – Где вас можно найти?

– Неужто в самом деле пойдете?

– А то!

Нелли нацарапала адрес на клочке бумаги.

– Вот, держите! Я весь вечер дома.

– Как-нибудь забегу... До свидания, мистер Браун! Спасибо вам!

– Да не за что.

Нелли проводила Джилл изумленным взглядом.

– Зачем ты ее накрутил? – повернулась она к Филу.

– А что такого? Лишняя движуха не помешает... Ладно, пожалуй, и мне пора. Надо возвращаться на репетицию. Знаешь, Нелли, мне нравится эта твоя подружка. Не робкого десятка – от души желаю ей удачи!

Глава 10. Джилл идет напролом

1

Агентство «Гобл и Коэн» располагалось, как и все в Нью-Йорке, имеющее отношение к сцене, в окрестностях Таймс-сквер, занимая пятый этаж театра «Готэм» на 42-й Западной улице.

Тесный персональный лифт обслуживал лишь самих Гобла и Коэна, и Джилл поднялась по лестнице пешком. Признаки процветающего бизнеса обнаружились уже на третьем этаже, где полдюжины терпеливых особ обоего пола устроились на перилах, будто куры на насесте. На четвертом этаже их еще прибавилось, а лестничная площадка пятого, служившая комнатой ожидания, была набита до отказа.

Нью-йоркские театральные агенты – низшая форма разумной жизни, если не считать садовую улитку *Limax maximus*, – наотрез отказываются принимать во внимание, что к ним ежедневно является множество посетителей, которым приходится ждать, а ждать необходимо где-то. Подобные соображения агентам в голову не приходят. Гобл и Коэн поставили на лестничной площадке единственную скамеечку, удобно разместив ее в средоточии всех сквозняков, и тем удовлетворились.

Никто за исключением ночного сторожа никогда не видел эту скамейку пустой. В какой час ни загляни, на ней всегда обнаруживались бок о бок три унылых индивидуума, устремившие взгляд в крошечную приемную, где размещались стенографистка мистера Гобла, рассыльный и телефонная барышня.

Дальше виднелась дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Подчас туда вваливался с бойким «Хэлло, Айк!» какой-нибудь разбитной комик, стоивший тысячу долларов в неделю, или шествовала надушенная примадонна в мехах, и тогда рядовым служителям муз удавалось, словно Моисею с горы, мельком узреть землю обетованную – уголок письменного стола и, частично, огромного лысого толстяка в очках или компаньона помоложе, блондина с двойным подбородком.

Лейтмотивом собрания на лестнице было нарочитое, почти вызывающее щегольство. Мужчины в ярких подпоясанных пальто и женщины в фальшивых мехах, стоивших, на неискушенный взгляд, куда дороже настоящих, все выглядели дерзко и молодо, но их выдавали глаза. Во взглядах, обращенных на Джилл, сквозила усталость.

Женский пол явно предпочитал образ блондинки, признанный в театральных кругах самым выгодным, а актеры-мужчины смотрелись все на одно лицо, будто члены многочисленного семейства, каковую иллюзию усиливали обращения «дорогой», «милый» и «старина», так и мелькавшие в беседе. Десятки назойливых терпких ароматов вели на лестничной площадке жесткую борьбу за превосходство.

Джилл была на миг обескуражена зрелищем, но тут же опомнилась. Живительный пьянящий дух Нью-Йорка все еще бродил в ней, заряжая храбростью берсерка, а в памяти звучало вдохновляющее напутствие «ввалиться прямо с ходу» от лучшей джазовой команды «Браун и Виджон». Джилл решительно протолкалась сквозь толпу и оказалась в маленькой приемной.

Здесь ее встретили вражеские заслоны. В углу с бешеной скоростью колотила по клавишам машинки девушка, а другая, сидя за коммутатором, вела с «Центральной» горячий спор, грозивший перейти на личности. На запрокинутом к стене стуле, уткнувшись в страничку юмора вечерней газеты и грызя леденцы, развалился мальчишка-рассыльный. Все трое, подобно обитателям зоопарка, были отгорожены высокой стойкой с медными прутьями.

Когда Джилл достигла внешней линии обороны, из-за двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен» донеслись звуки пианино.

Тщательно изучив предмет, специалисты пришли к выводу, что хамство рассыльных из театральных агентств не может быть результатом простой случайности. Где-то в криминальных кварталах Нью-Йорка, в каком-то зловещем притоне их с детства готовят к такой работе опытные учителя, нещадно выкорчевывая лучшие стороны натуры и методично прививая грубость и хамство.

Цербер конторы «Гобл и Коэн» наверняка в этой школе блистал. Сразу разглядев его природный дар, учителя уделили ему особое внимание и выпустили в свет с гордостью и сердечными напутствиями. Впитав все знания своих менторов, мальчик делал им честь.

Закусив ноготь большого пальца, он вскинул на Джилл глаза с красными ободками, фыркнул и заговорил. Мальчишка-рассыльный был курносый, уши и волосы у него горели одним цветом, а на лице насчитывалось семьсот сорок три прыща. Звали его Ральф.

– Чего вам? – осведомился он, сумев уместить все в один слог.

– Мне нужен мистер Гобл.

– Нету! – отрезал король прыщей и вновь уткнулся в газету.

Социальные различия, вне всякого сомнения, не исчезнут никогда. В древней Спарте были цари и илоты, в королевстве Круглого Стола – рыцари и чернь, в Америке – рабовладелец Саймон Легри и чернокожий дядя Том. Однако ни в одной нации в любой период ее истории не встречалось столь надменного превосходства, какое рассыльный бродвейского театрального агентства выказывает посетителю, желающему видеть управляющего. Томас Джефферсон считал самоочевидным, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Театральные рассыльные не сходятся во взглядах с означенным Томасом и презрительно взирают со своих высот на подлое отребье, подвергая равнодушному сомнению его право жить и надеяться.

У Джилл вспыхнули щеки. Ее наставник мистер Браун рекомендовал в подобной ситуации «дать в зубы», и ей на миг даже захотелось последовать его совету, но благоразумие, а может, и недостижимость мальчишки за медными прутьями стойки заставили сдержаться. Без дальнейших проволочек она направилась к двери с табличкой. Главной целью была дверь, и Джилл не собиралась уклоняться от курса.

Прежде чем кто-либо смог угадать ее намерения, она взялась за дверную ручку. Стук машинки тут же умолк, пальцы охваченной ужасом стенографистки замерли над клавишами. Телефонная барышня оборвала фразу на полуслове и обернулась через плечо, а рассыльный Ральф в гневе отбросил газету и выступил предводителем атакованной армии:

– Эй! – рявкнул он.

Остановившись, Джилл окинула его воинственным взглядом.

– Это вы мне?

– Да, вам!

– В следующий раз потрудитесь не разговаривать с набитым ртом, – парировала Джилл и вновь повернулась к двери.

Боевой огонь в красноватых глазах мальчишки внезапно потускнел, залитый влагой. Слезы вызвало вовсе не раскаяние, а крупный леденец, которой он, распалившись, проглотил целиком.

– Туда... нельзя! – ухитрился выговорить он, железным усилием воли подчинив слабую плоть.

– Мне можно!

– Это личный кабинет мистера Гобла!

– У меня как раз личный разговор.

Рассыльный, в чьих глазах еще стояли слезы, почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Такого с ним прежде не случалось.

– Сказано, нету Гобла! – прокашлял он.

Джилл глянула на него, сурово сдвинув брови.

– Гадкий мальчишка! – бросила она, подбодренная сдавленным хихиканьем из-за коммутатора. – Знаешь, куда попадают те, кто говорит неправду? Я же слышу: он играет на пианино... да еще и поет! Так что нечего лгать, будто он занят. Какие песни, если занят?! Каким же ты вырастешь, если уже сейчас такой? И вообще, ты противный! У тебя красные уши... и воротничок болтается. Уж я побеседую о тебе с мистером Гоблом!

С этими словами Джилл открыла дверь и вошла.

– Добрый день! – весело произнесла она.

После толчеи на площадке, где негде было даже присесть, кабинет показался Джилл просторным, уютным и почти роскошным. Стены были увешаны фотографиями, а у дальней тянулся почти во всю ее длину широкий лакированный стол, заваленный бумагами, на краю которого высилась кipa сценариев в кожаных переплетах. Слева была полка с книгами.

У окна стояла мягкая кожаная кушетка, справа от нее – пианино. На круглом табурете перед ним сидел молодой человек с взлохмаченной черной шевелюрой, которую не мешало бы постричь. На крышке пианино бросалась в глаза яркая картонная афиша, где юноша в костюме для поло склонялся над белокурой богиней в купальном костюме. Надпись на афише гласила:

АЙЗЕК ГОБЛ И ДЖЕЙКОБ КОЭН

представляют музыкальную фантазию

«АМЕРИКАНСКАЯ РОЗА»

Сюжет и стихи Отиса Пилкингтона

Музыка Роланда Тревиса

Отведя взгляд от афиши, Джилл уловила движение по ту сторону письменного стола. Это поднимался на ноги второй молодой человек – такого долговязого и тощего она в жизни не видела. Вставал он часть за частью, будто змея разворачивала кольца.

Прежде он сидел, откинувшись в кресле, почти невидимый, теперь же, когда стоял во весь рост, голова его лишь немного не доставала до потолка. Глаза на узком лице с выдающимся носом и срезанным подбородком смотрели на Джилл через те самые очки в черепаховой оправе, что упоминал ее новый знакомый мистер Браун.

– Э-э?.. – проблеял он вопросительно.

Как и у многих, мозг у Джилл управлялся поочередно двумя диаметрально противоположными силами – подобно автомобилю, за рулем которой сменяются два разных водителя, отчаянный лихач и робкий новичок.

До сих пор заправлял лихач – гнал сломя голову, игнорируя препятствия и правила дорожного движения. Теперь же, успешно доставив Джилл в кабинет Гобла, он передал руль робкому напарнику, и Джилл, внезапно растеряв всю храбрость, застенчиво опустила глаза.

К горлу подкатил комок, сердце заколотилось. Долговязый башней нависал над нею. Черноволосый пианист тряхнул всклокоченной гривой, точно призрак Банко в «Макбете».

– Я... – начала она. На помощь подоспела женская интуиция – Джилл почувствовала, что хозяева кабинета робеют не меньше нее. Лихач снова перехватил руль, и она обрела прежнюю уверенность. – Я хочу видеть мистера Гобла!

– Мистера Гобла нет, – ответил долговязый, нервно перебирая бумаги на столе. Джилл явно произвела на него впечатление.

– Нет? – Она поняла, что была несправедлива к рассыльному.

– Нет, и сегодня мы его не ждем. Могу ли я чем-нибудь помочь?

В его голосе звучали нежные нотки. Молодому человеку казалось, что он в жизни не встречал такой милой девушки. Та и впрямь была сейчас очень хороша – раскрасневшаяся, со сверкающими глазами. Она задела сокровенную струну в душе долговязого, и весь мир для него превратился в благоухающий сад, наполненный музыкой.

Отис Пилкингтон уже влюблялся с первого взгляда, но не мог припомнить случая, чтобы столь безоглядно. Джилл улыбнулась – и перед ним будто отворились врата небесные. Он даже не стал вспоминать, сколько раз прежде отворялись эти врата. Однажды они обошлись ему в восемь тысяч долларов отступных под угрозой суда... но в такие минуты не до воспоминаний, вызывающих диссонанс. Отис Пилкингтон влюбился и больше ни о чем не хотел думать.

– Присаживайтесь, пожалуйста, мисс...

– Маринер, – подсказала она. – Благодарю вас.

– Мисс Маринер... Разрешите представить вам мистера Роланда Тревиса.

Субъект за пианино отвесил поклон, и его черные волосы взметнулись и опали, словно морские водоросли на волнах прибой.

– А я – Пилкингтон, – продолжал долговязый. – Отис Пилкингтон.

Неловкую паузу, обычную после церемонии знакомства, оборвало дребезжание телефона на письменном столе. Отис уже вышел на середину кабинета, однако его феноменально длинная рука без труда дотянулась до трубки.

– Алло? О, к сожалению, сейчас никак не могу, у меня совещание... – Джилл еще предстояло узнать, что в театральном мире не разговаривают, а «проводят совещания». – Будьте добры, передайте миссис Пигрим, что я непременно перезвоню ей позже. – Он повесил трубку. – Секретарь тети Оливии, – тихонько бросил он Тревису. – Она зовет меня показаться. – Он снова повернулся к посетительнице. – Прощу прощения, мисс Маринер. Так чем я могу вам помочь?

Джилл уже полностью вернула самообладание. Интервью с работодателем оборачивалось совсем по-другому, чем она могла предположить. Уютная светская атмосфера – ни дать ни взять лондонское чаепитие прежних времен на Овингтон-сквер с Фредди Руком, Ронни Деверо и прочими друзьями.

Для полноты картины недоставало только чайного столика. Деловой нотки почти не ощущалось. Тем не менее, явилась сюда Джилл как раз по делу, а потому следовало к нему приступить.

– Я пришла насчет работы.

– Работы?! – воскликнул мистер Пилкингтон, который, похоже, и сам воспринимал беседу как исключительно светскую.

– Хористкой, – пояснила Джилл.

Пилкингтон болезненно отшатнулся, будто от непристойности.

– В «Американской розе» не будет никаких хористок! – поморщился он.

– Как, разве это не музыкальная комедия?

Пилкингтон вновь содрогнулся.

– Ни в коем случае! Это музыкальная фантазия! Мы набираем ансамбль, – с оттенком укоризны добавил он, – из двенадцати утонченных особ женского пола.

– Ну что ж, – рассмеялась Джилл, – так звучит гораздо изысканнее. Как вы считаете, во мне достаточно утонченности?

– Без сомнения! – торопливо заверил Пилкингтон. – Я буду счастлив, если вы к нам присоединитесь.

Пианино издало резкую диссонирующую ноту, и лохматый композитор крутанулся на табурете. На лице его отразилось сомнение.

– Позволь тебе напомнить, Оти, что у нас уже есть двенадцать девушек!

– Значит, будет тринадцать! – твердо заявил долговязый.

– Несчастливое число, – буркнул Тревис.

– Ну и пусть! Мисс Маринер должна быть с нами. Ты же сам видишь – она как раз того типа, который требуется, – с чувством возразил Пилкингтон.

С того самого дня, как начался набор труппы, он с умилением вспоминал вечер премьеры «Американской розы» прошлым летом в доме его тетки в Ньюпорте со звездным любительским составом из светских щеголей, юных девушек и замужних дам младшего поколения.

Подобную компанию он жаждал собрать и для профессиональной постановки на Бродвее, но до сегодняшнего дня терпел одни разочарования. Джилл показалась ему единственной девушкой в театральном Нью-Йорке, отвечавшей его высоким стандартам.

– Спасибо вам огромное! – просияла Джилл.

Повисла новая пауза. В атмосферу опять вползла светская нотка, и Джилл почувствовала себя хозяйкой дома, долг которой – не дать угаснуть беседе.

– Говорят, эта пьеса в стиле Гилберта и Салливана, – начала она.

Пилкингтон задумчиво пожевал губами.

– Признаюсь, когда я ее сочинял, моим идеалом и впрямь был Гилберт. Не знаю, удалось ли мне хоть в малой степени...

– Твой сюжет ничуть не хуже гилбертовских, Оти, – уверенно перебил композитор, пробежав пальцами по клавишам.

– Да будет тебе, Ролли! – скромно потупился Пилкингтон.

– И даже лучше, – настаивал Тревис. – Во-первых, он современный...

– Да, я старался делать упор на современность, – пробормотал автор.

– И ты избежал ошибки Гилберта – излишней вычурности.

– Ну, Гилберт и впрямь грешил избытком фантазии, – признал Отис. – А музыка, – добавил он в порыве ответного великодушия, – обладает мелодичностью Салливана, но отличается новизной ритма и оригинальностью... Музыка вам понравится, – обернулся он к Джилл.

– Судя по вашим словам, – любезно заметила Джилл, – пьесу ожидает громкий успех.

– Будем надеяться, – кивнул Пилкингтон. – На наш взгляд, пришло время, когда от театра требуется нечто лучшее, чем привычная жвачка. Публика устала от безмозглой халтуры и примитивных мелодий, которыми ее потчуют типы вроде Уоллеса Мейсона и Джорджа Бивена. Ей хочется блеска! То же самое происходило в эпоху Гилберта и Салливана. Они стали писать, когда музыкальная сцена пала ниже некуда и театр был отдан на откуп пошлым бурлескам самого дурацкого толка. Публика жаждала чего-нибудь классом повыше. Так же обстоит дело и сегодня, но театральное начальство не желает этого видеть. Наша «Американская роза» не один месяц стучалась в разные двери по всему Бродвею...

– Надо было войти без стука... как я, – засмеялась Джилл и встала. – Что ж, очень любезно с вашей стороны принять меня на работу, хоть я и вошла столь бесцеремонно... Просто я почувствовала, что нет смысла дожидаться на лестничной площадке. Очень рада, что все уладилось. До свидания!

– До свидания, мисс Маринер! – Отис сердечно пожал протянутую руку. – Репетиция ансамбля состоится... когда, Ролли?

– Послезавтра в одиннадцать утра, в Брайант-холле.

– Я приду. До свидания, и большое вам спасибо!

Молчание, воцарившееся после ее ухода, нарушил Тревис:

– Ничего цыпочка.

Пилкингтон вздрогнул, очнувшись от сладких грез.

– Что ты сказал? – нахмурился он.

– Девица эта... Ничего так, а?

– Мисс Маринер, – процедил Пилкингтон, – самая очаровательная, утонченная и воспитанная девушка. Ты это имел в виду?

– Само собой, – поспешил согласиться Тревис, – именно это!

2

Выйдя из театра, Джилл окинула 42-ю улицу взглядом победителя. С тех пор как она вошла в «Готэм», в Нью-Йорке мало что переменилось, но город показался ей совсем иным. Час назад она была чужестранкой и бесцельно плыла по его быстринам, и вот уже здесь своя и Нью-Йорк принадлежит ей! Она смело встретила с ним лицом к лицу и сама добыла средства к существованию. Теперь даже походка ее стала легче и уверенней.

В адресе, который дала Нелли, была указана восточная сторона Пятой авеню, и Джилл направилась туда по 42-й улице, которая казалась ей сейчас самой веселой и оживленной на свете. Стук колес надземки у пересечения с Шестой авеню звучал музыкой, а толкавшие то и дело прохожие вызвали почти родственные чувства.

На углу Пятой авеню Джилл пришлось остановиться: полисмен на середине улицы как раз только что перевел семафорную стрелку, разрешая движение из центра города. Машины катились в два ряда, заполняя дорогу в обе стороны, насколько хватало глаз – красные и синие, лиловые и зеленые.

Джилл стояла, ожидая, пока их поток иссякнет, и тут мимо нее проплыл самый большой и самый красный автомобиль – огромный лимузин с шофером в открытой кабине, похожим на мохнатого белого медведя, и еще одним «медведем» рядом с ним. А в салоне удобно расположился, устремив томный взгляд на тучную леди в норковом мантио... не кто иной, как дядюшка Крис!

На миг он оказался так близко от Джилл, что она могла бы до него дотронуться, если бы не закрытое окошко. Но тут медведь за рулем заметил просвет в потоке транспорта и нажал на акселератор. Машина вильнула, набрала ход и исчезла.

Джилл тяжело вздохнула. Указатель вновь повернулся, остановив движение. Она перешла дорогу и зашагала дальше на поиски дома Нелли Брайант. Лишь пять минут спустя ей пришло в голову, что девушка практичная и сообразительная непременно запомнила бы номер машины.

Глава 11. Любовный жар мистера Пилкингтона

1

Репетиции мюзиклов, в том числе и «музыкальных фантазий», начинаются, как правило, довольно сумбурно в Брайант-холле, старинном здании на Шестой авеню рядом с 42-й улицей. Хористы и хористки – то есть «ансамбль» в случае «Американской розы» – рассаживаются на длинных деревянных скамьях вокруг пианино в скудно обставленном пыльном зале без ковра и с помощью музыкального директора постановки заучивают слова и мелодии первого акта.

Покончив с этим, они переходят к балетмейстеру для отработки сценических движений, групповых танцев и выходов на «бис», которых этот неисправимый оптимист ожидает не менее шести. Затем в заученные сцены вводятся солисты – исполнители главных ролей. Наконец, покинув Брайант-холл и кочуя из одного незанятого театра в другой, солисты и хор репетируют вместе, повторяя весь спектакль снова и снова вплоть до первого показа на предпремьерных гастролях.

На первых порах Джилл казалось, что она снова в школе. Невольно вспоминалось, как ее первая учительница, которую музыкальный директор несколько напоминал внешнею и манерами, выводила псалмы слабеньким сопрано, громко тарабанила по клавишам, а орава бойких ребятишек с увлечением подпевала, каждый силился перекричать ближайшего соседа.

В утро первой репетиции мистер Зальцбург, суетливый коротышка с добрыми глазами за огромными стеклами очков, торопливо уселся за пианино и выдал громкий аккорд, будто сигналом горна сзывая хористок, что шушукались по углам.

Общались они уже минут десять. Те, кто знал друг друга по предыдущим спектаклям, обменивались приветствиями, а затем представляли своих знакомых. С Нелли Брайант тепло поздоровалась симпатичная рыженькая девушка – Нелли представила ее Джилл как Детку. Вместе с подругой Детки, изящной тоненькой блондинкой Лоис, они вчетвером завели беседу на скамейке, куда вскоре подседа брюнетка с южным акцентом, а за ней еще одна блондинка.

Собирались и другие компании, в зале стоял щебет, как от стаи скворцов. Полдюжины серьезных, безупречно одетых молодых людей держались особняком, подпирая стенку подобно кавалерам в бальном зале, не нашедшим себе пары.

Джилл больше слушала, не принимая активного участия в разговорах. Она чувствовала себя, будто в самый первый день в школе, и немного робела, не желая привлекать внимания. Болтовня крутилась вокруг нарядов и мужчин, и только в последнюю очередь – театра.

Вскоре один из молодых людей неуверенно приблизился к группе девушек и влился в нее посредством замечания, что погодка выдалась прелестная. Приняли его, как показалось Джилл, без особой охоты, но постепенно признали за своего. Затем подкатил и другой, напомнив тоненькой блондинке, что играл с ней в пьесе «Ты единственная». Будучи узнанным и представленным, он оправдал свое принятие в компанию, весьма достоверно изобразив кошачью драку. Через пять минут он уже называл брюнетку «душенькой» и поведал Джилл, что поступил в это шоу, только чтобы заполнить паузу перед премьерой другого, где у него бесподобный номер с пением и танцами в паре с одной малюткой из кабаре клуба «Гейзенхеймер».

Призывный аккорд музыкального директора вторгся диссонансом в эту идиллию гармонии и дружбы. В зале засуетились, к пианино потащили скамьи и стулья. Тем временем Зальцбург раскрыл толстенную папку с нотами, и, пока он копался в ней, словно терьер в крысиной норе, разговоры потихоньку возобновились.

Наконец он вынырнул из папки с ворохом бумажных листов и провозгласил:

– Дет-ти! Дет-ти! Пожалуйста, не шумит-те, прошу внимания! – Он раздал ноты. – Акт первый, вступительный хор. Я сыграю мелодию три... нет, четыре раза. Слушайте внимат-тельно, затем споем – ла-ла-ла! – и еще раз, уже со словами. Итак...

Его пальцы обрушились на пожелтевшие клавиши, выбивая из инструмента жалобное треньканье. Наклонившись к нотам и едва не касаясь их очками, Зальцбург педантично сыграл мелодию до конца, затем еще и еще раз и вызвал сам себя на «бис». Закончив, снял очки и протер их. Наступила долгая пауза.

– Иззи обещал мне брошку с лучиками! – шепнула изящная блондинка, глянув мимо Джилл на другую блондинку, подружку брюнетки.

Сообщение возбудило общее любопытство, и девичьи головки сомкнулись теснее.

– Да что ты говоришь! Иззи?!

– Он самый!

– Ну и ну!

– Он взял на откуп гардероб в отеле «Святая Аурей», там хорошие чаевые...

– Надо же!

– Рассказал мне вчера и обещал купить брошку! Правда, был сильно под мухой, – чуть скривилась блондинка, – но, думаю, купит. – Тревога затуманила безупречный профиль, сделав девушку похожей на задумчивую греческую богиню. – А если нет, – добавила она с достоинством, – то никуда я больше не пойду с таким скуперджем! Раззвоню о нем на всех углах!

Ее возвышенные чувства были встречены одобрительными шепотками.

– Дет-ти! – снова воззвал мистер Зальцбург. – Дет-ти! Меньше шума и болтания языком! Мы здесь, чтобы работ-тать, а не терять время! Итак – акт первый, вступительный хор. Поем все вместе – ла-ла-ла...

– Ла-ла-ла...

– Там-та-там... та-там...

– Там-там-там...

Мистер Зальцбург зажал уши ладонями со страдальческой гримасой.

– Нет, нет и нет! Фальшь, фальшь, фальшь!.. Еще раз – ла-ла-ла...

Золотоволосая девушка с наивным пухленьким личиком ангелочка перебила, нещадно шепелявя:

– Миштер Жальчбург!

– В чем дело, мисс Тревор?

– А што это за шпектакль?

– Музыкальный спектакль! – сухо отчеканил он. – И у нас здесь репетит-сия, а не гово-рение... Итак, еще раз, все вместе!

Однако ангелочек не уступал:

– А музыка хорошая, миштер Жальчбург?

– Когда выучите, будете судить сами! Итак...

– Неужто лучше того вашего вальса, который вы нам показывали на репетициях шоу «Смотри под ноги»? Помните, такой...

Высокая статная девушка с томными карими глазами и повадками герцогини, оказавшейся среди простонародья, подалась вперед с вежливым интересом.

– О, так вы сочинили вальс, мистер Зальцбург? – осведомилась она любезно-снисходительно. – Как интересно! Может, и нам сыграете?

Идея отложить работу и послушать вальс мистера Зальцбурга была единодушно поддержа-жана собранием.

– О, мистер Зальцбург, сыграйте нам!

– Пожалуйста!

– Я слышала, ваш вальс – просто конфетка!

– Обожаю вальсы!

– Мистер Зальцбург, сделайте одолжение!

Музыкальный директор уже сдавался. Пальцы его нерешительно коснулись клавишей.

– Но, дет-ти...

– Я уверена, мы все получим массу удовольствия, – милостиво добавила Герцогиня. – Больше всего на свете я люблю хорошие вальсы!

В конце концов Зальцбург капитулировал. Как и любой музыкальный директор, на досуге он сочинил партитуру собственного мюзикла и проводил немало свободного времени в театральном квартале Манхэттена, подкарауливая либреттистов и пытаясь заманить их на прослушивание. Вечная трагедия его коллег сравнима лишь с мучениями голодного официанта, который помогает наестся другим.

Зальцбург исповедовал возвышенные музыкальные идеалы, и душе его претила вечная обязанность репетировать и исполнять чужие сочинения низкого пошиба. Чтобы уговорить его сыграть что-нибудь свое, хватило бы и меньших усилий.

– Ну, раз уж вы так хотите... – польщенно хмыкнул он. – Этот вальс, знаете ли, не просто вальс, а ключевая тема музыкального шоу, которое я сочинил. В первом акте его поет героиня, во втором – уже дуэтом, с героем. Та же тема вплетается в финале второго акта, а в третьем звучит эхом за кулисами. Сейчас я сыграю вам дуэт из второго акта, без слов и кратко. Итак! Начинает мужской голос...

Приятное времяпровождение тянулось минут десять.

– Ах, дет-ти! Мы же должны репет-тировать! – покаянно воскликнул Зальцбург. Займемся же скорее делом! Итак, вступительный хор первого акта – и, пожалуйста, на сей раз держитесь тональности. В тот раз звучало фальшиво, фальшиво! Начали! Ла-ла-ла...

– Миштер Жальцбург!

– Да, мисс Тревор?

– Помнится, вы как-то играли ужасно милый фокстрот. Вот бы...

– В другой раз! В другой раз! Сейчас работа. Ну же! Ла-ла-ла...

– Какая жалость! – вздохнул ангелочек. – Вам бы, девочки, послушать! Чудо, а не музыка, право шлово!

Тут же все разразилось стонами:

– Ну мистер Зальцбург!

– Пожалуйста, мистер Зальцбург!

– Сыграйте же нам фокстрот, мистер Зальцбург!

– Если он так же хорош, как вальс, – снисходительно уронила Герцогиня, – то должен быть выше всяких похвал. – Она припудрила нос. – В наши дни музыка так редко музыкальна.

– Какой вы хот-тите фокстрот? – обреченно выдавил Зальцбург.

– Сыграйте их все! – нашелся кто-то.

– Да! Да! Сыграйте все! – подхватила труппа.

– Это будет просто очаровательно, – согласилась Герцогиня, убирая пуховку в сумочку.

И музыкальный директор принялся играть их все, отринув угрызения совести. Драгоценные минуты, оплаченные нанимателями для «Американской розы», летели одна за другой, а леди и джентльмены «ансамбля» вольготно развалились на стульях, даже не думая заучивать мелодии Роланда Тревиса и стихи Отиса Пилкингтона.

Пожелтевшие клавиши гремели, старенькое пианино раскачивалось, едва сдерживая неожиданный напор. Собрание уже больше походило на семейный праздник, чем на репетицию, и находчивый ангелочек лучился самодовольством, ловя благодарные взгляды.

Приятные беседы зашелестели вновь.

– ...прошла я пару кварталов – и вдруг вижу в витрине у «Шварца и Гулдерстайна» ту же самую модель за двадцать шесть пятьдесят!..

– ...зашел в вагон еще на 42-й улице и с ходу стал глазки строить, а на 66-й подваливает такой: «Привет, цыпочка!» Ну, я выпрямилась и...

– ...пускай ты и муж моей сестры! – говорю. – Да, вспылила чуточку. Вообще, меня трудно завести, но могу и взбеситься...

– ...нет, милая, ты и половины не знаешь, и половины! Слитный купальник! Можно назвать и так, хотя пляжный коп заявил, что похоже больше на детский чулок. А когда...

– ...вот я и говорю: «Знаешь, Иззи, хватит с меня! Мой отец был джентльмен, хоть тебе и невдомек, что это значит, и я не привыкла...»

– Эй!

Окрик от двери, скрипучий и грубый, врезался в болтовню, точно нож в масло, и бормотание в зале мигом оборвалось. Один лишь Зальцбург, охваченный музыкальной лихорадкой, продолжал терзать дряхлый инструмент, не ведая о недружелюбном пополнении своей аудитории.

– А сейчас я вам играю очень смешное трио из моего второго акта. Коронный номер! Поют тенор, комик и субретка. На втором припеве выбегают четыре девушки и двое юношей. Девушки танцуют с тенором и комиком, а юноши – с субреткой. Вот! На бис выходят еще четыре девушки и двое юношей. На третий бис выходит сольный танцор, а остальные на сцене отбивают ритм хлопками в ладоши. Затем все снова поют припев, а на последний бис три главных персонажа и солист исполняют танец со всем хором! Отличный коронный номер, уверяю вас. Его одного хватит для успеха любого мюзикла – но где прослушивание, я вас спрашиваю? Нет его! Как я ни умолял, все заняты. А когда прошу либретто для постановки, только хохочут – ха-ха-ха! – Зальцбург воспроизвел это «ха-ха-ха!» с большим жаром и достоверностью. – Вот послушайте, я сыграю еще раз...

– Как бы не так! – вновь прогремел голос у двери. – Что вы тут затеяли, концерт?

В страхе и ошеломлении музыкальный директор развернулся на табурете, едва не опрокинувшись. Божественное вдохновение уходило из него, словно воздух из проколотого детского шарика. Обмякнув подобно тому же шарiku, он с отвисшей челюстью тарасился на вошедших.

Их было двое: долговязый Пилкингтон и осанистый толстяк слегка за тридцать, с гладкими светлыми волосами и двойным подбородком, казавшийся рядом со спутником-жиром еще тучнее и ниже ростом, чем на самом деле.

Его близко посаженные зеленоватые глазки угрожающе горели на лице нездорового цвета, глядя поверх полукруга слушателей на незадачливого пианиста.

– Почему девушки не работают?

Нервно приподнявшись, тот пугливо отшатнулся от начальственного взора, споткнулся о табурет и плюхнулся задом на клавиши, выдав сложный аккорд в духе футуристов.

– Я... мы... дело в том, мистер Гобл...

Устрашающий зеленый взор обвел концертную аудиторию, разливая вокруг тревогу и неловкость, будто из шланга. Девушки, сидевшие ближе, с трепетом опустили глаза на туфли, а остальные попытались укрыться за спинами соседей.

Даже Герцогиня, от надменного взгляда которой нахалы мигом пасовали, а незваные уха-жеры отступали в смущении, отвела глаза, а гибкая блондинка, гордая покорительница Иззи, короля гардеробов, поникла, словно хилый саженец под ураганным ветром.

Леденящий взгляд смело встретила одна Джилл. Сидя на внешней стороне полукруга, она рассматривала театрального агента с откровенным любопытством: подобные типы ей прежде не попадались.

Такое поведение выделяло ее из толпы и вызывало интерес. Некоторое время секунд Гобл молча смотрел, затем поднял толстый короткий палец и медленно обвел им девушек, производя сложные математические подсчеты.

– Тринадцать, – подвел он наконец итог. – Так и есть, тринадцать. – Он обернулся к Пилкингтону. – Я же говорил, что у нас будет двенадцать хористок!

Вспыхнув, мистер Пилкингтон споткнулся о собственные ноги.

– Ну да... да... – неохотно пробормотал он, – двенадцать.

– А здесь – тринадцать! Считайте сами. – Управляющий вновь повернулся к Джилл. – Как ваша фамилия? Кто вас нанял?

Хриплый звук откуда-то из-под потолка известил, что мистер Пилкингтон прочищает горло.

– Я... э... Это я нанял мисс Маринер, мистер Гобл.

– Ах, вы наняли?!

Гобл снова уставился на Джилл. Осмотр затянулся надолго, так что она даже заволновалась, в порядке ли у нее одежда. Однако, насколько могла, выдержала взгляд, несмотря на колотящееся сердце.

Она в жизни никого не боялась, но в этом желтоволосом толстяке было что-то змеиное, вызывавшее содрогание, словно тараканы в детстве. На миг подумалось, как противно было бы его прикосновение. Весь мягкий, липкий...

– Ладно, так и быть, – решил мистер Гобл, когда минула, казалось, вечность. – Продолжайте, – кивнул он Зальцбургу, – и попробуйте на сей раз немного поработать. Я вас что, нанял представления давать?

– Да, мистер Гобл. То есть, я хотел сказать – нет, мистер Гобл!

– После обеда можете репетировать на сцене «Готэма». Начинайте ровно в два.

За дверью Гобл повернулся к Пилкингтону:

– Глупо было с вашей стороны нанимать эту девицу. Тринадцатая! Да я лучше под лестницей в пятницу пройду, чем дам премьеру в Нью-Йорке с тринадцатью хористками... Ладно, неважно. Уволим какую-нибудь после гастрольных показов. – Он задумался. – А вообще, ничего так. Где вы ее подцепили?

– Ну... она сама пришла, когда вас не было. Мне сразу бросилось в глаза: тот самый типаж, что нам требуется для музыкального ансамбля, потому и взял. Она... – Пилкингтон сглотнул. – Такая... очаровательная, такая утонченная!

– Чертовски хорошенькая, – признал мистер Гобл и двинулся дальше, погруженный в свои мысли. Пилкингтон робко шагал следом.

В такие минуты Отис Пилкингтон особенно жалел, что не умеет настоять на своем. Ему оставалось лишь горько завидовать тем, кто, заломив шляпу набекрень и вздернув подбородок, бросает вызов миру.

Финансовое бремя спектакля нес он один. Если постановка провалится, ему и расплачиваться. Тем не менее, грубый неотесанный субъект, шагающий перед ним, ни разу не дал ему слова в деловых вопросах – обращался с ним как с младенцем, кричал и распоряжался, будто в своем праве! Пилкингтон тяжело вздохнул. И зачем только он ввязался в это предприятие!

Тем временем музыкальный директор вытирал вспотевший лоб, очки и руки, будто очнулся от кошмарного сна.

– Дет-ти! – выдавил он шепотом. – Дет-ти! Пожалуйста, еще раз! Акт первый, вступительный хор. Начали! Ла-ла-ла!..

– Ла-ла-ла! – покорно вторил ему музыкальный ансамбль.

2

К тому времени как две половины труппы, ансамбль и солисты, слились в одно целое, новизна впечатлений притупилась, и Джилл уже казалось, будто ничего, кроме театральных репетиций, в ее жизни не было.

Уютные посиделки у пианино с музыкальным директором сменились через несколько дней куда менее приятным и несравнимо более напряженным разучиванием танцев под руководством знаменитого Джонсона Миллера – коротышки со снежно-белой шевелюрой и гуттаперчевым телом юного акробата.

Возраста его никто в точности не знал, но чудеса выносливости, которые Миллер ежедневно показывал, были ему явно не по годам. Обладая неутолимимым энтузиазмом фокстерьера, он с помощью насмешек и придириков вывел по тернистому пути к успеху больше театральных трупп, чем десяток других лучших хореографов страны, несмотря даже на свой физический изъян – глухоту. Каким-то чудесным образом он улавливал мелодии, под которые ставил танцы, почти не слыша их. Казалось, он впитывает музыку всей кожей.

Прямая грубоватая манера выкладывать все откровенно и без обиняков, как ни странно, принесла ему популярность в театральной профессии, где язык туманных намеков культивируется почти столь же усердно, как в международной дипломатии. Откровенное мнение, высказанное Джонсоном Миллером в лицо, уже не подвергалось им пересмотру за спиной, и люди это ценили.

Однажды вечером, когда участницы ансамбля передевались после особо утомительной репетиции и брюнетка из южных штатов пожаловалась, что танцмейстер совсем ее измучил, изящная подружка Иззи так высказалась в защиту Миллера:

– Ну еще бы не измучил! Меня тоже, не меньше. Жирок тает прямо на глазах, а мышцы так одеревенели, что я едва могу зашнуровать туфли. Но Джонни знает свое дело и вдобавок никогда не врет, а в шоу-бизнесе мало про кого так скажешь.

– И то верно, – согласилась другая блондинка, – дело свое он знает. Невесть сколько спектаклей вытянул, которые провалились бы под плинтус, не ставь Джонни для них танцы.

Слушая их, Герцогиня зевнула. Репетиции всегда нагоняли на нее скуку, а то, что она успела увидеть из «Американской розы», не слишком вдохновляло.

– Вот уж удивлюсь, – хмыкнула она, – если он и наше шоу приведет к успеху. На мой взгляд, оно убогое дальше некуда.

– И не говори! – откликнулась Ангелочек, укладывая перед зеркалом золотистые локоны. – Такая чушь, прошто тошнит. В толк не возьму, зачем Айк это штавит.

Подружка-всезнайка – такая есть в любой труппе – поспешила объяснить:

– Как, а ты не знаешь? Айк не вкладывает ни гроша из своих! Работает за двадцать пять процентов с кассы. А чудо-спонсор – тот долговязый, что к нам все заглядывает. Пилкингтон его фамилия.

– Он еще пожалеет, что не Рокфеллер, – хмыкнула блондинка.

– Ничего, – махнула рукой Ангелочек. – Пара дней гаштролей, а там пожовут кого-нибудь на выручку. Так всегда делают. Видала я шоу и похуже, а выходили хиты. Новый шченарий, другая музыка – и дело в шляпе.

– А еще бы кого-нибудь другого на главные роли! – добавила рыженькая Детка. – А то набрали каких-то...

Герцогиня с усталым вздохом выгнула точеные брови, любуясь собой в зеркале.

– Да уж, поневоле удивишься, где только находят таких, – томно согласилась она. – Прямо как из заголовка сегодняшней газеты: «Тонны ветчины, непригодной для употребления»... Девочки, кому-нибудь надо в мою сторону? Могу подбросить двоих-троих на своем лимузине.

– Шпашибо тебе большое, дорогуша, – отозвалась Ангелочек, – но я уже велела швоему поклоннику придержать для меня трамвай на углу. Ежели не приду, Кларенс ш ума шойдет.

Нелли обещала другой хористке пройтись с ней по магазинам и помочь с выбором весеннего костюма – такого рода ритуалы в одиночку не совершаются, – и Джилл с Ангелочком шли до угла вдвоем. Эта миниатюрная девушка, похожая на лондонского воробья, понравилась

Джилл с самого начала репетиций. Живая и бойкая, она в то же время отличалась практичностью и здравым смыслом.

– «На швоем лимужине»! – ядовито прошипела она, все еще переживая заключительную фразу Герцогини. – Так важничает, прямо выворачивает от нее!

– А что, у нее нет лимузина?

– Да ну, откуда? Она помолвлена с продавцом из автосалона компании «Шпидвелл», и тот украдкой ее катает. Вот тебе и лимужин! Шмех один: кого ни возьми, штроят иж шебя роковых крашоток с дюжиной миллионеров на крючке.

Вот и Мэй такая же – ведь хорошая была бы девчонка, не веда она шебя, как цаца из «Мулен Руж»! Притом беж ума от жениха швоего, и не нужны ей все нью-йоркские миллионеры, хоть на блюдечке их подай. Выйдет замуж, как только тот шкопит на мебель, шнимет жилье где-нибудь в Гарлеме, будет хлопотать на кухне и детишек нянчить, как примерная домохозяйка. А пока... Начиталась, видать, любовных романов и решила, что театральной актрисе иначе не приштало.

– Надо же, – покачала головой Джилл, – я б сама ни за что не догадалась. Приняла лимузин за чистую монету!

Во взгляде подружки мелькнуло любопытство. Джилл была загадкой, и другие хористки частенько обсуждали ее между собой.

– Это твое первое шоу, да?

– Первое, – кивнула Джилл.

– Пошлушай, а что ты вообще делаешь в кордебалете?

– По большей части терплю упреки мистера Миллера.

– Ха, «упреки»! Шкорее уж выволочки, ежели по-нашему.

– Я почти всю жизнь провела в Англии, трудно так сразу заговорить по-американски.

– Так и жнала, что ты англичанка. У тебя такой же выговор, как у парня в роли фата в нашем шоу. Шлушай, а как ты вообще попала в театр?

– Ну... – замялась Джилл, – а ты сама как? А остальные?

– Шо мной-то понятно, я тут швоя, вше ходы и выходы жнаю. Можно шкажать, родом иж шоу-бизнеса. Обе шештры тут выштупают, брат в одной калифорнийшкой труппе, а папа – один иж лучших комиков в бурлешке! А по тебе любой шкажет, что чужая. Жачем тебе в хориштки?

– Так уж вышло... Денег нет, а никак иначе я заработать не могу.

– Что, правда?

– Правда.

– Шкверные дела... – Круглые глаза Ангелочка задержались на лице собеседницы. – А жамуж не хочешь выйти?

– Так не зовет никто! – рассмеялась Джилл.

– Кое-кто позовет, к гадалке не ходи. Ежели порядочный, конечно, а я думаю, так и ешть. Обычно это сразу видно, и, шпорю на что угодно, у нашего приятеля Пилкингтона уже и лицензия на брак в кармане, и колечко заказано.

– У Пилкингтона?! – Джилл вытаращила глаза.

Ей невольно вспомнилось, как во время репетиций, когда девушки отдыхали, наблюдая за солистами на сцене, долговязый Пилкингтон вдруг усаживался рядышком и застенчиво заводил беседу. Неужто влюбился? Ужасно досадно, если так.

У нее уже был опыт с лондонскими поклонниками, которые, как истые британцы, ни за что не хотели признать поражение, и необходимость охлаждать их пыл радости не доставляла. Доброму сердцу Джилл претила чужая боль, а страдания отвергнутых представителей мужского пола, вечно попадавших на глаза с несчастным видом, действовали на нервы.

Как-то раз она гостила в Уэльсе, где беспрерывно лил дождь и приходилось сидеть дома, а очередная жертва любви то и дело подстерегала за углом и заводила все ту же песню, начиная свои мольбы словами: «Послушайте, я, знаете ли...» Хотелось надеяться, что Отис Пилкингтон не собирается начинать ухаживания таким способом, хотя зловредную привычку выныривать невесть откуда он определенно приобрел. Пару раз даже напугал, возникнув рядом, будто из-под земли.

– О нет! – воскликнула Джилл.

– О да! – солидно заверила Ангелочек, повелительно махнув подъезжавшему трамваю. – Ну, мне пора, дружок уже заждался. До встречи!

– Да ну, глупости! – не могла успокоиться Джилл.

– Точно-точно.

– Но почему ты так решила?

Ангелочек взялась за поручень трамвая, готовясь запрыгнуть на площадку.

– Хотя бы потому, что он крадется же нами от шамого театра, как индеец по прерии – оглянись-ка! Пока-пока, милочка, оштавь мне кусок швадебного торта.

Трамвай укатил, блеснув на прощанье широкой улыбкой Ангелочка. Оглянувшись, Джилл и впрямь увидела змеиную фигуру нависшего сбоку Отиса Пилкингтона.

Он явно нервничал, но был полон решимости. Шелковый шарф на шее скрывал и половину лица – Пилкингтон очень дорожил здоровьем, подозревая, что склонен к бронхиту, – а над шарфом робко моргали глаза сквозь очки в черепаховой оправе. Надежда уговорить себя, что лихорадочный блеск за стеклами не жар любви, тут же улетучилась: истина была слишком очевидна.

– Добрый вечер, мисс Маринер! – раздалось из-под шарфа приглушенно, словно изда-лека. – Вам в ту сторону? – Пилкингтон кивнул на удалявшийся трамвай.

– Нет, в центр, – поспешно ответила Джилл.

– И мне туда же.

Такая навязчивость раздражала, но что было поделать? Нелегко тактично распрощаться, когда с тобой идут в одну сторону. Оставалось лишь продолжать путь в сопровождении назойливого поклонника.

– Устали, должно быть, на репетиции? – осведомился он в своей осторожной манере, будто измерял каждое слово и отстригал его от клубка.

– Немного. Мистер Миллер очень увлеченный человек.

– Он увлечен пьесой? – оживился Пилкингтон.

– Нет, я имела в виду его дотошность.

– А про сам мюзикл он что-нибудь говорил?

– Нет, не припомню. Он вообще не слишком разговорчив, если не считать замечаний к танцам. Судя по всему, наше исполнение его не впечатляет. Впрочем, по словам девушек, он каждой труппе, с которой работает, говорит, что хуже никого еще не видал.

– А сами хор... то есть, участницы ансамбля что думают о пьесе?

– Ну, их вряд ли можно считать компетентными критиками... – дипломатично начала Джилл.

– То есть, им не нравится?

– Думаю, не все еще вполне разобрались.

Пилкингтон помолчал.

– Я и сам начинаю думать, что публика до нее не доросла, – вздохнул он наконец. – Когда ее ставили в первый раз...

– О, так премьеры уже была?

– Только любительская, прошлым летом в Ньюпорте, в доме моей тети миссис Уоддсли Пигрим – благотворительный спектакль в помощь армянским сиротам. Тогда его приняли

очень тепло, мы почти покрыли расходы. Такой был успех, что... Я чувствую, вам можно довериться, но лучше не пересказывать мои слова вашим... вашим коллегам. Успех был такой, что я решил вопреки совету тети поставить спектакль на Бродвее. Между нами, я сам оплачиваю почти все расходы на постановку. Мистер Гобл не участвует в финансировании «Американской розы», все лежит на мне. А он за долю в прибылях предоставляет нам свой опыт в антрепризе... Я всегда верил в успех нашего мюзикла! Мы с Тревисом написали его, еще когда вместе учились в колледже, и все наши друзья пришли в полный восторг. Хотя моя тетя, как я уже сказал, была против затеи с Бродвеем. Она придерживается мнения, что я в бизнесе не разбираюсь, и в каком-то смысле права. По темпераменту я куда больше склонен к искусству... Однако твердо решил показать публике нечто получше так называемых хитов – они просто ужасны! К сожалению, я начинаю сомневаться, что пьесу такого уровня, как «Американская роза», способны воплотить наши невежественные актеры. Они просто не улавливают ее духа, изысканности, тонкого абсурдистского юмора. Сегодня... – Пилкингтон запнулся. – Сегодня я случайно подслушал, как двое из них обсуждали спектакль, не подозревая о моем присутствии. Один назвал его капустником, а другой почему-то – куском сыра горгонзола. Разве можно при таких настроениях рассчитывать на большой успех?

У Джилл отлегло от сердца. Выходит, бедолаге требуется не любовь, а лишь сочувствие, и в его глазах вспышка паники, а вовсе не любовный жар. Написал пьесу, разорился на постановку, а теперь услышал, как ее ругательски ругают, вот ноги и подкосились от страха, как выразились бы подружки-хористки.

В самом деле, Пилкингтон так походил на ребенка-переростка, жаждущего утешения, что сердце Джилл растаяло, а заодно рассыпались и оборонительные редуты. В результате, когда он пригласил ее на чашку чая к себе домой на 34-ю улицу всего в двух кварталах от Мэдисон-авеню, Джилл без колебаний приняла приглашение.

Пилкингтон разглагольствовал в том же минорном ключе до самого своего дома. На его месте она едва ли стала бы так откровенничать с малознакомым человеком, но знала, что мужчинам это свойственно. В Лондоне ей часто приходилось выслушивать самые интимные признания от молодых людей, только что встреченных на танцах. Должно быть, что-то в ней действовало на некоторых мужчин, как трещина в плотине, давая волю бурному потоку красноречия.

К этому типу явно принадлежал и Отис Пилкингтон – начав говорить, он не утаивал ничего.

– Не то чтобы я в чем-то зависел от тети Оливии, – объяснил он, помешивая чай в своей квартире-студии, увешанной японскими гравюрами, – но вы же знаете, как бывает. Она в состоянии сильно испортить мне жизнь, если я оступлюсь. Пока же есть основания полагать, что она собирается оставить мне почти все свое состояние, а это миллионы. – Он подал Джилл чашку. – Уверю вас, миллионы!.. В моей тете сильна коммерческая жилка, и на нее произведет весьма пагубное впечатление, особенно после высказанных ею опасений, если я потеряю на мюзикле крупную сумму. Она и так вечно сожалеет, что я не стал бизнесменом, как покойный дядя Уоддсли Пигрим, который нажил состояние на копченых окороках. – Пилкингтон оглянулся на японские гравюры и передернул плечами. – Дядя до самой смерти не переставал убеждать меня войти в его бизнес, но я бы этого просто не вынес! Однако, услышав, как те двое обсуждали мою пьесу, готов был пожалеть, что не согласился.

Джилл была полностью обезоружена. Сумей она дотянуться, наверное, даже погладила бы несчастного юношу по голове.

– На вашем месте я бы не беспокоилась, – заметила она. – Я где-то слышала или читала, что, если актерам пьеса не нравится – это вернейший залог успеха.

Мистер Пилкингтон придвинул свой стул на едва ощутимую чуточку ближе.

– Какая вы милая! – выдохнул он.

Джилл с огорчением поняла, что все-таки ошиблась. Жар любви, и никаких сомнений! Черепаховые очки сверкали парой прожекторов. Выражением лица молодой человек стал похож на овцу, а прошлый опыт безошибочно подсказывал: наступает момент, когда бегство – единственный выход.

– Боюсь, мне пора. – Джилл поднялась с кресла. – Большое спасибо за чай. Что касается мюзикла, я бы на вашем месте несколько не опасалась. Уверена, премьера будет великолепна. До свидания!

– Как, вы уже уходите?

– Да, к сожалению. Я и так опаздываю, меня ждут...

Какую бы ложь в ущерб своей душе ни собиралась преподнести Джилл, ее перебил дверной звонок. Из коридора донеслись шаги слуги-японца, а следом послышалось:

– Мистер Пилкингтон дома?

Отис молитвенно сложил руки.

– Не уходите, Джилл, прошу вас! – пылко воскликнул он. – Это просто знакомый – зашел, видимо, напомнить о встрече за ужином. Он и минуты не задержится. Пожалуйста, оставайтесь!

Джилл снова опустилась в кресло. Теперь ей и самой расхотелось уходить. Вопрос у парадной двери был задан бодрым голосом давно потерянного дяди, майора Кристофера Сэлби.

Глава 12. Дядя Крис заимствует квартиру

1

Дядюшка с беззаботным видом вошел в комнату, похлопывая по рукаву перчаткой, и замер на месте, увидев, что хозяин не один.

– О, прошу прощения! Я думал... – Он неуверенно взгляделся в девушку. В жилище Пилкингтона царили романтические сумерки, и вошедшие с улицы не сразу к ним привыкали. – Если вы заняты...

– Э-э... – засуетился хозяин, – позвольте мне... мисс Маринер... Майор Сэлби...

– Привет, дядя Крис!

– Господи помилуй! – воскликнул пораженный гость и рухнул на кушетку, словно подкошенный.

– А я-то разыскиваю тебя по всему Нью-Йорку! – продолжала тем временем Джилл.

Пилкингтон понял, что интеллектуальное содержание беседы от него ускользает.

– Дядя Крис? – недоуменно пролепетал он.

– Майор Сэлби – мой дядя.

– Вы уверены? – выдавил Пилкингтон. – Я в смысле...

Покопавшись в себе, он понял, что не в состоянии уточнить этот смысл, и умолк.

– Ты что тут делаешь? – спросил дядя Крис.

– Пью чай с мистером Пилкингтоном.

– Но... почему с ним?

– Он меня пригласил.

– Откуда ты его знаешь?

– Познакомилась в театре.

– В театре?

Отис Пилкингтон обрел наконец дар речи:

– Мисс Маринер репетирует в маленьком спектакле, который я спонсирую, – объяснил он.

Дядя Крис привскочил с кушетки, ошарашенно моргая. До такой степени выбитым из колеи Джилл его еще не видывала.

– Джилл, только не говори, что поступила на сцену!

– Так и есть, я пою и танцую в кордебалете.

– В музыкальном ансамбле, – мягко поправил мистер Пилкингтон.

– В ансамбле мюзикла «Американская роза». Мы репетируем уже целую вечность.

Некоторое время дядя Крис молча переваривал информацию, теребя подстриженные усики.

– Ах да, конечно же! – воскликнул он наконец.

Хорошо зная дядю, Джилл догадалась по жизнерадостным ноткам, что он пришел в себя, вник в ситуацию и готов с ней справиться. Догадка тут же подтвердилась, когда он встал с кушетки и утвердился поближе к живительному теплу горящих углей. Пилкингтон терпеть не мог парового отопления и обшарил весь город в поисках квартиры с открытым камином.

– Ну конечно! – повторил дядя Крис, расставив ноги и выпятив колесом грудь. – Ты же писала, что подумываешь о сцене... Моя племянница, – объяснил он наострившему уши Пилкингтону, – прибыла из Англии другим пароходом. Я ждал ее только через пару недель, потому так и удивился. Да-да, ты упоминала, что намерена поступить на сцену, и я настоя-

тельно рекомендовал начать, что называется, с нижней ступеньки. Прежде чем воспарять к высотам, следует досконально изучить основу, азы профессии!

– Ах вот оно что! – понятно кивнул Пилкингтон.

– Нет лучшей школы, чем кордебалет! – продолжал дядя, уже вполне в своей стихии. Там начинали лучшие актрисы в Америке – десятки, если не сотни! Давай я совет любой девушке, мечтающей о театре, так бы ей и сказал: «Начните с кордебалета!» Тем не менее, – повернулся он к Пилкингтону, – лучше бы вам не упоминать о занятии моей племянницы в беседе с миссис Уоддсли Пигрим, она может понять неправильно.

– Вот именно, – согласился Пилкингтон.

– Одно только слово «кордебалет»...

– Я и сам его не выношу!

– Оно может подразумевать...

– Вот-вот.

Довольный собой, дядя Крис снова выпятил грудь.

– Ну и славно! – бросил он. – Я, собственно, заскочил только, чтобы напомнить вам, мальчик мой, что сегодня вы с тетей обедаете у меня. Боялся, что такой деловой человек, как вы, может и запамятовать.

– О нет, я с нетерпением ожидаю нашей встречи! – возразил польщенный Пилкингтон.

– Адрес не забыли? 41-я Восточная улица, дом 9. Я переехал, помните?

– Так вот почему я не нашла тебя по тому первому адресу, – вставила Джилл. – Швейцар сказал, что никогда про тебя не слышал.

– Вот же кретин! – раздраженно бросил дядя. – Можно подумать, нью-йоркских консьержей набирают исключительно из слабоумных. А может, просто новичок... Ну что ж, Пилкингтон, мальчик мой, жду вас у себя в семь вечера. Пойдем, Джилл!

– До свидания, мистер Пилкингтон, – попрощалась Джилл.

– До свидания, мисс Маринер! – отозвался молодой человек, склонившись к ее руке.

Черепашковые очки послали прощальный жаркий луч.

Когда парадная дверь закрылась, дядя Крис испустил вздох облегчения.

– Похоже, я выпутался из этого маленького конфуза без потерь. Дипломатия – высокое искусство!

– Если ты имеешь в виду, – сурово заметила Джилл, – свои бессовестные небылицы...

– Небылицы, душенька – или, скажем так, творческая обработка бесформенной глины реальности – это... ну как бы выразиться?... Так или иначе, они пришлись чертовски кстати. Миссис Пигрим никак не должна узнать, что моя племянница состоит в кордебалете, иначе непременно заподозрит во мне авантюриста. Конечно, если вдуматься, я и есть авантюрист, но кому охота раскрывать свои маленькие секреты! Достойная леди питает закоренелое отвращение к девушкам этой честной, но несправедливо очерненной профессии, с тех пор как нашему юному другу на втором курсе колледжа вчинили иск за нарушение брачного обещания хористке гастрольной труппы. Что ж, свои предубеждения есть у каждого. Ну, на него, думаю, можно положиться, не проболтается... Однако зачем тебе это понадобилось? Моя дорогая девочка, что толкнуло тебя на такой шаг?

Джилл рассмеялась.

– Практически то же самое спросил у меня сегодня мистер Миллер, когда мы репетировали танцевальные па, только выразился он крепче. – Она взяла дядю под руку. – А что мне было делать? Одна в Нью-Йорке, никаких перспектив, а от двадцати долларов, которые ты прислал, мало что осталось.

– А чем плохо было в Брукпорте с дядей Элмером?

– Ты когда-нибудь его видел?

– Нет, как ни странно, ни разу.

– Видел бы, не спрашивал. Брукпорт! Фу! Они хотели, чтобы я заменила наемного работника, который уволился.

– Что?!

– Да-да, им надоело меня содержать на том уровне, что я привыкла, – я их не виню! – вот и стали думать, как бы приставить к полезному делу. Нет, я не против читать вслух тете Джулии, да и прогулки с Тибби стерпела бы, но когда мне предложили расчищать снег у крыльца, просто взяла и молча испарилась.

– Ничего не понимаю! Я же намекнул твоему дяде, очень дипломатично, что ты располагаешь солидными средствами.

– Да, я так и поняла – а в результате он без конца таскал меня осматривать дома и уговаривал купить за сто тысяч наличными. – Джилл прыснула со смеху. – Видел бы ты его лицо, когда я заявила, что все мое состояние – двадцать долларов!

– Да ты что?! Так прямо и сказала?

– Ну да.

Дядя Крис снисходительно покачал головой, словно папаша, разочарованный в любимом ребенке.

– Джилл, ты прелесть, конечно, но у тебя совсем нет... как это сказать?... тонкости. Твоя мама была в точности такая же. Милейшая женщина, но никакой дипломатии, умения владеть ситуацией. Помню, мы полезли в буфет за вареньем, и она меня потом начисто выдала. Ничего дурного в мыслях не имела, но по природе своей не способна была отпираться сколько-нибудь правдоподобно... – Дядя Крис помолчал, уйдя мыслями в прошлое. – Нет, честность ценное качество, вне всякого сомнения, хоть и неудобное. Я не виню тебя за бегство из Брукпорта, раз там было плохо... Однако, прежде чем поступать на сцену, все же стоило посоветоваться со мной.

– Стукнуть мне его, что ли? – закатила Джилл глаза, обращаясь к мирозданию. – Ну как, скажи, я могла бы с тобой посоветоваться? Мой милый, драгоценный дядюшка, ты разве забыл, что бросил меня без гроша и растворился в воздухе? Мне пришлось справляться самой... Кстати, раз уж зашел разговор, может, ты объяснишь мне эти свои переезды? Почему ты написал мне с 57-й улицы, если там не жил?

Дядя Крис неловко откашлялся.

– Вообще-то, в каком-то смысле... я был там, когда писал письмо.

– По-видимому, это что-то значит, но что именно – выше моего разума. Я не настолько проницательная, как ты думаешь, дядя, так что тебе придется объяснить!

– Видишь ли, душенька... Не забывай о моем щекотливом положении. На пароходе я завел немало знакомств с богатыми попутчиками и, возможно, ненароком дал им понять, что и сам весьма состоятелен. Так или иначе, у них сложилось такое впечатление, и разрушать его не представлялось целесообразным... У богачей, знаешь ли, есть одна достойная сожаления черта: они раскрывают, так сказать, свою лучшую сторону лишь перед теми, кого считают равней. Само собой, на пароходе то, что я плыл, как выразился бы пурист, под чужим флагом, значения не имело. А вот по прибытии в Нью-Йорк продолжать мой... э-э... невинный обман стало куда труднее. Такая женщина, как миссис Уоддсли Пигрим – жуткое создание, душенька, зубы в три ряда и всего через край, но богата, как филиал казначейства – очень косо посмотрит на человека, пусть и приятного, если тот попытается закрепить палубное знакомство, проживая в дешевых номерах на Амстердам-авеню. Поэтому мне было жизненно важно подготовить себе, так сказать, оперативный плацдарм. Фортуна мне благоволила, и я почти сразу наткнулся в Нью-Йорке на своего бывшего армейского денщика, которому когда-то оказал услугу. Святое писание не зря советует отпускать свой хлеб по водам, чтобы найти его через много дней. Моя ссуда помогла ему тогда эмигрировать в Америку, а теперь мы встретились, и оказалось, что он швейцар в том самом доме, куда ты ходила, на 57-й Восточной. Я знал, что многие богачи

уезжают на зиму во Флориду или Каролину, и подумал, что в том доме может найтись пустая квартира. Так и вышло – она нашлась, и я ее занял!

– Каким же чудом у тебя нашлись деньги на квартиру в таком доме?

Дядя Крис вновь неловко кашлянул.

– Я же не сказал, что платил за нее, душенька. Занял – да, и в этом, так сказать, самая суть истории. Старый приятель, желая отплатить добром за добро, согласился стать моим соучастником в еще одном... э-э... невинном обмане. Я давал своим новым друзьям тот адрес и телефонный номер, а сам тем временем обитал в жилище куда скромнее и дешевле. Каждое утро заходил за письмами, а если кто-то мне звонил, то добросердечный швейцар представлялся моим слугой и передавал мне потом сообщение. А тем, кто приходил сам, говорил, что меня нет дома. В нашей схеме не было ни малейшего изъяна – все просто и изящно!

– Почему же ты все-таки от нее отказался – совесть замучила?

– Совесть ни разу не вынуждала меня от чего-либо отказываться, – твердо возразил дядя Крис – Нет, просто был один шанс против ста, что схема подведет, и он как раз выпал. Когда поживешь в Нью-Йорке подольше, сама увидишь одну его особенность: наемная рабочая сила тут беспрерывно перетекает туда-сюда. В понедельник встречаешь водопроводчика. Ага, замечаешь про себя, водопроводчик, отлично! Встречаешь его снова в четверг – он уже вагоновожатый, а через неделю наливает тебе содовую в аптеке. Во всем виноваты проклятые журналы с их рекламой заочных курсов. «Хотите зарабатывать больше? Запишитесь к нам, и получите по почте руководство по разведению кур!»... Они внушают людям дурацкие идеи, будоражат их, срываю́т с места. Так примерно и вышло. Схема работала без сучка без задоринки, как вдруг мой швейцар втемаяшил себе в голову, что создан быть садовником. Взял, да и уволился!

– Оставил тебя бездомным!

– Вот-вот, бездомным... правда, ненадолго. К счастью... Вообще, мне постоянно везет, фортуна никогда не повернется спиной к хорошему человеку! У моего приятеля нашелся коллега, который работает на 41-й Восточной улице. Здание офисное, но на самом верхнем этаже, как часто бывает, там имеется скромная холостяцкая квартирка...

– А ты как раз скромный холостяк!

– Вот именно! Мой приятель обо всем договорился, мы уладили некоторые финансовые детали, и теперь я совершенно счастлив в самом уютном на свете жилище без всякой арендной платы. Там оказалось даже лучше, потому что жена моего нового союзника – отменная повариха, и я уже устроил по новому адресу парочку званных обедов. Для пущего правдоподобия надо хоть иногда приглашать новых знакомых к себе. Если тебя никогда нет дома, возникнут лишние вопросы. К примеру, сегодня вечером у меня обедают твой друг Пилкингтон и миссис Пигрим – по-домашнему уютно, вкусно и куда дешевле, чем в ресторане.

– А если в разгар обеда нагрянет владелец квартиры?

– Совершенно исключено! Швейцар сказал, что тот уехал в Англию и намерен провести там несколько месяцев.

– Похоже, ты все продумал досконально.

– Всеми своими успехами, – ответил дядя Крис с достоинством промышленного магната, дающего интервью, – я обязан привычке все досконально продумывать!

Джилл залилась смехом. Дядя всегда действовал на ее моральные устои как опиум, убаюкивая их и мешая критически оценивать сомнительные поступки. Укради он часы с цепочкой, и тут сумел бы убедить, что действовал во благо, по велению сердца и из истинного альтруизма.

– Какого же успеха ты достиг? Бросил меня, чтобы отправиться в погоню за богатством. Ну и как, где оно?

– Пока еще не у меня в руках, – признался дядя Крис, – но так и витает в воздухе. Я слышу шелест долларовых купюр, которые порхают совсем рядышком, только протяни руку. Рано или поздно я их непременно ухвачу! Я никогда не забываю, милая, о своей главной цели

– вернуть деньги, которых я тебя лишил. Настанет день, и я все возьму, можешь не сомневаться! Когда-нибудь ты получишь от меня письмо с крупной суммой – пять, десять, двадцать тысяч! – и простыми словами: «Первый взнос». – Он повторил с видимым удовольствием: – Первый взнос!

Джилл сжала его руку, чувствуя себя совсем как много лет назад, когда он рассказывал ей сказки.

– Продолжай! – воскликнула она. – Продолжай, это так чудесно! В один прекрасный день гулял дядюшка Крис по Пятой авеню и встретил бедную старушку, которая собирала хворост. Такую древнюю и изможденную, что пожалел ее и подарил ей десять центов, взятых взаймы у швейцара. Внезапно старушка превратилась в прекрасную девушку и сказала: «Я фея и в награду за твою доброту исполню три любых желания!»

Дядюшка Крис подумал-подумал и ответил: «Хочу двадцать тысяч долларов, чтобы послать их Джилл». «Будет исполнено, – улыбнулась фея, – что тебе угодно еще?»

– Можешь шутить сколько угодно, – фыркнул дядя, обиженный таким легкомыслием, – но, позволь заметить, мне не требуется никакой магии, чтобы разбогатеть. В местах вроде гостиной миссис Пигрим я то и дело встречаю тех, кто может сделать меня миллионером, шепнув одно-единственное словечко! Грузные и поседевшие, с рыбьими глазами и в широких жилетах, они дымят сигарами и прикидывают, что бы этакое учинить на фондовом рынке. Умей я читать мысли, уже нажил бы дюжину состояний. Я битый час сидел напротив старого пирата Брюса Бишоп за день до того, как он со своей шайкой обвалил «Арахис Консолидейтед» пунктов на двадцать раз! Знай я, куда ветер дует, не удержался бы и выбил из злодея его коварные планы!.. Короче, я что хочу сказать: настанет когда-нибудь день, когда кто-нибудь из этих старых сквалыг разжалобится и намекнет мне, что делать. Потому я так прочно и обосновался в доме у миссис Пигрим. – Дядя Крис слегка передернул плечами. – Не женщина, а монстр! Весу в ней фунтов под двести, а игрива, как ягненок по весне. Мне приходится с ней танцевать! – Дядины губы болезненно дрогнули, он помолчал. – Слава небесам, я когда-то увлекался футболом!

– На что же ты живешь? – удивилась Джилл. – Нет, я поняла, что в следующий вторник ты наверняка станешь миллионером, ну а пока-то как обходишься?

Дядя Крис кашлянул.

– Ну, что касается повседневных расходов, я проявил деловую сметку и приобрел небольшой, но приличный доход. Хотя и обитаю в мебелированных, но волк нищеты пока не крадется к моей двери, которая, впрочем, сильно нуждается в покраске... Ты слыхала что-нибудь о «Нервино»?

– Нет, не припомню. Патентованное лекарство какое-нибудь?

– Прямо в точку! – Дядя Крис замедлил шаг и озабоченно глянул на Джилл. – Что-то ты бледная совсем, душенька.

– Правда? Репетиция сегодня была трудная...

– А ты уверена, – нахмурился он, – что дело только в репетиции? Может, жизненные силы твои подорваны суматохой столичной жизни? Представляешь, что тебе грозит, если твои красные кровяные тельца утратят жизнеспособность? У меня был один приятель...

– Дядя, перестань! Ты меня до смерти запугаешь.

Дядя Крис удовлетворенно подкрутил усы.

– Чего я и добивался! Так напугал, что ты даже не стала слушать о чахоточном друге. А жаль – одна из лучших моих историй! А затем я бы упомянул, что сам едва не пал жертвой той же хвори, но, к счастью, недавно решил попробовать «Нервино», великолепное средство от... Это тебе наглядная иллюстрация моей новой работы. Попалась на глаза рекламка, и меня осенило! Пошел к ним и говорю: «Вот он я, представительный джентльмен, с обходительными манерами и обширными знакомствами среди сливок нью-йоркского общества. Сколько

вы готовы выложить, чтобы я время от времени восторгался на званых обедах чудодейственными свойствами вашего «Нервино»? Я разложил все по полочкам. Понятно, говорю, что у вас тут сотни рекламных агентов, но есть ли хоть один, кто не похож на агента и не говорит, как агент? Есть ли тот, кто вхож в дома богачей и допущен к их столу, а не топчется на пороге и сует ногу в дверь, чтобы не захлопнули? Вот о чем подумайте!» Ну, идею они ухватили на лету, и мы обговорили условия. Оплата не такая щедрая, как хотелось бы, но вполне приличная. Раз в неделю я получаю гонорар, а в обмен несу хорошие вести о «Нервино» в золоченые дворцы сильных мира сего. Только к ним и стоит идти, Джилл! Они так заняты выжиманием денег у вдов и сирот, что начисто забывают о собственном здоровье. Поймаешь такого после обеда, когда он пребывает в тяжком раздумье, не лишней ли была вторая порция омара в соусе ньюбург, и этот богач – воск в твоих руках. Я подсаживаюсь к нему и сочувственно признаюсь, что и сам недавно так же страдал. Упоминаю своего доброго старого друга, трагически погибшего от несварения, и ненавязчиво перевожу разговор на «Нервино». Не навязываю, даже не прошу его попробовать, а просто указываю на себя, цветущего и полного сил, и заверяю, что всем обязан «Нервино». Все, дело в шляпе! Страдалец рассыпается в благодарностях и записывает название на манжете. Финита! В конце концов, – философски заключил дядя Крис, – лекарство едва ли причинит особый вред.

Дойдя до угла 41-й улицы, он нашарил в кармане ключ.

– Вот, держи. Окинь взглядом мое новое гнездышко. Двадцать второй этаж! Непременно выйди на крышу и полюбуйся оттуда видом, он того стоит. Получишь представление о размерах города. Чудесный, изумительный город, душенька – а главное, полный людей, которым жизненно необходим «Нервино»! А я тем временем загляну на полчаса в клуб. Мне дали членскую карточку в «Авеню» на две недели. Шикарное местечко!

Свернув на 41-ю улицу, Джилл подошла к величественному сооружению из камня и стали, рядом с которым скромные здания, отделанные бурым известняком, казались лилипутами. Даже не верилось, что можно устроить личное гнездышко на вершине такой горы. Джилл вошла, и лифт с головокружительной скоростью вознес ее на двадцать второй этаж.

Короткий пролет каменной лестницы упирался в дверь. Поднявшись по ступенькам, Джилл вставила ключ в замочную скважину, повернула его и ступила в коридор, ведущий к гостиной. Небольшая, но солидно и уютно обставленная, она ласкала взгляд. Впервые после приезда в Нью-Йорк возникло ощущение, что шум и суета большого города остались где-то очень далеко.

А здесь – глубокая, умиротворяющая тишина, царство книг и мягких кресел, на которые взирают с патриархальным добродушием напольные часы с широким циферблатом.

При виде этого мирного гнездышка, вознесенного над грохотом цивилизации в самые небеса, каждый нерв в теле у Джилл расслабился в восхитительном блаженстве, как будто попала она к Питеру Пэну в шалаш на дереве.

2

Тяга к исследованиям, свойственная всем нам, была у Джилл необычайно сильна. Она не могла пробыть и двух минут в незнакомой комнате, чтобы не рассмотреть с любопытством книги, картины, фотографии. Так и теперь она тут же пустилась бродить по гостиной.

Начала, конечно же, с каминной полки, где обычно более всего проявлялся характер владельца. Здесь полка была заставлена фотографиями, большими и маленькими, в рамках и без них. Посередине, отдельно от других, виднелся крошечный снимок, странно неуместный среди своих крупных соседей.

У полки было темновато, и Джилл понесла его к окну, под меркнувший дневной свет. Непонятно почему, но снимок заинтересовал ее. В нем была какая-то тайна: слишком скромным он выглядел для такого почетного места.

Сделан явно любителем, но исключительно удачный. Такие успехи изредка случаются у начинающих фотографов и не дают им бросать свое увлечение.

На снимке была девочка в белом коротком платьице, открывавшем стройные загорелые ножки. Она стояла на крыльце старого дома, держа в одной руке летнюю шляпку, а другой глядя ирландского терьера, который встал на задние лапы и заглядывал ей в лицо с глубокой печалью, столь характерной для ирландских терьеров.

По-видимому, ярко светило солнце – детское лицо сморщилось в улыбке, кривой, но обаятельной. «Какой жизнерадостный ребенок!» – подумала Джилл.

И тут сердце у нее подпрыгнуло, а к горлу подкатил удушливый ком. На фотографии была она сама!

Память одним скачком перемахнула через годы, и Джилл вновь ощутила на лице солнечный жар и услышала голос четырнадцатилетнего Фредди Рука, счастливого обладателя первой в жизни фотокамеры. Тот умолял постоять так еще хотя бы полминуты, пока он не поправит какую-то чертову деталь, которая заела.

Затем послышался громкий щелчок, и Фредди неуверенно пообещал, что все получится – если, конечно, он не забыл перевести кадр, иначе Джилл склеится с коровой, запечатленной по пути домой. В памяти осталось и радостное облегчение терьера Пата, ничего не смыслившего в искусстве фотографии.

Сколько же лет прошло с тех пор? Джилл задумалась. Теперь Фредди вымахал в длинноногого денди, а она достигла возраста благоразумия и длинных платьев. Старый Пат умер, в старом доме поселились чужие люди... но здесь, за три тысячи миль от английского сада, каким-то чудом сохранилось молчаливое свидетельство того солнечного дня.

Сумрак сгустился. Верхушка гигантского здания чуть качнулась, отчего маятник напольных часов задел стенку деревянного корпуса. Джилл вздрогнула, не сразу разобрав, что за стук раздался в мертвой тишине. На миг показалось, что она больше не одна, будто бы в тених прячутся гоблины и подглядывают за незваной гостьей. Она метнулась к каминной полке и поставила карточку на место, чувствуя себя сказочной героиней, очутившейся в замке великана. Сейчас раздастся топот гигантских башмаков – бум, бум...

Бум!

Сердце подпрыгнуло снова. Стук был настоящий! Кажется, хлопнула дверь. Джилл стояла, напрягшись всем телом и прислушиваясь. И тут, разорвав тишину, из коридора донеслось громкое пение:

– Проводники шагают,
Ровен их строй, ровен их строй.
Постели заправляют,
Чаевые принимают;
Как один, благоухают
Душистой водой, душистой водой.

Мгновенное облегчение сменилось у Джилл еще большим страхом. Цепенящий ужас отпустил, разум подсказывал, что нечисть не поет песенку в стиле рэгтайм. С другой стороны, владелец квартиры запросто может, а она, пожалуй, охотнее встретилась бы с гоблином, чем с ним. От одной мысли о том, что придется объяснять свое присутствие, голова шла кругом. Мало ли какой человек хозяин, захочет ли выслушивать объяснения?

– С иголочки одеты —
Ты только глянь, ты только глянь!
Проверят все билеты...

Голос слышался совсем близко, за самой дверью...

– ...И вычистят клозеты
В самую рань, в самую рань.
Вагоны подметают...

В темном проеме входа обозначился смутный бесформенный силуэт. По стене зашарили пальцы.

– Ну где ты, черт побери? – спросил голос, обращаясь, судя по всему, к выключателю. Джилл вся сжалась, судорожно вцепившись в спинку кресла. На стене сбоку вспыхнул свет.

В дверях стоял Уолли Мейсон.

Глава 13. Прибытие посла

1

В наш век скоростей, когда жизнь состоит почти из одних потрясений, сильных и не очень, нет чувства мимолетное удивления. Какой-то миг Джилл ошарашенно глядела на Уолли, а он – на нее, а затем оба почти одновременно и неосознанно посчитали эту встречу не отдельным, абсолютно необъяснимым случаем, а результатом вполне логичной цепочки событий.

– Привет! – растерянно кивнул Уолли.

– Привет! – отозвалась Джилл.

Не самое возвышенное начало беседы, однако оно дало им время немного опомниться.

– Хм... Я не ожидал тебя увидеть.

– А я не ждала тебя.

Повисла пауза. Уолли обдумывал ее слова, крутя их в голове, и в конце концов решил, что они не укладываются в его теорию произошедшего.

– Не ждала? – переспросил он.

– Конечно нет.

– Но... ты же знала, что я тут живу?

Джилл покачала головой. Уолли вновь задумался, а затем в счастливом озарении угодил в самую суть тайны:

– Тогда с какой стати ты сюда явилась?

Очень нужный вопрос, подумал он. Чувство нереальности в первый момент встречи, подавленное было логикой, вспыхнуло с прежней силой. Если Джилл не знала, где его квартира, то каким чудом она тут оказалась? Уж не замешана ли тут телепатия, какое-нибудь внушение на расстоянии? Ведь он не переставал думать о Джилл с той минуты, как они расстались в отеле «Савой» три с лишним недели назад. Да ну, чушь, должна быть какая-то разумная причина! Оставалось только ждать, когда Джилл объяснится.

Она же пока просто не могла заставить себя это сделать, отпатываясь от неизбежности объяснений, как утомленный путник от бескрайней жаркой пустыни. Оттягивая решительный момент, она задала встречный вопрос:

– А ты давно вернулся в Нью-Йорк?

– Сегодня днем. Пароход должен был прийти в порт еще утром, но запоздал. – Чувствуя, что беседа уходит в сторону, Уолли вновь нацелился на главное: – Но все-таки – как тебя ко мне занесло?

– Это такая долгая история...

Голос ее звучал так жалобно, что Уолли раскаялся в своей настойчивости. Сперва надо посочувствовать злоключениям девушки, а не таращиться и допрашивать вот так с ходу! Какая, в конце концов, к черту, разница, как она здесь очутилась?

Он думал, что придется долго и утомительно разыскивать Джилл в нескончаемых городских лабиринтах, а судьба внезапно привела ее к самым дверям – и вместо благодарности он только и допытывается, что да почему. Хорош друг называется!

– Ладно, неважно, расскажешь, когда сама захочешь. – Он пылко взглянул на нее. Время, похоже, стерло маленькую ссору, омрачившую их расставание. – Какое чудо – встретить тебя вдруг снова! Я уже слышал... обо всем, – неловко добавил он.

– О моем... – замялась Джилл, – банкротстве?

– Да, Фредди рассказал. Мне ужасно жаль.

– Спасибо.

Они помолчали, думая о другом ее несчастье. Дерек Андерхилл встал между ними невидимым призраком. Наконец Уолли сказал первое, что пришло в голову, лишь бы прервать тягостную тишину:

– Ничего квартирка, да?

Вот и удобная возможность приступить к тягостным объяснениям, подумала Джилл.

– Дядя Крис тоже так считает, – начала она.

Уолли глянул озадаченно.

– Дядя Крис? А, твой дядя!

– Да.

– Он же тут не бывал никогда!

– Еще как бывал! Сегодня он дает тут званный обед.

– Что?! Как ты сказала?

– Ладно, я просто начала с конца. Сейчас расскажу по порядку... и тогда... тогда ты жутко разозлишься и закатишь скандал.

– Как выразился бы Фредди Рук, для скандалов я не скроен. И потом, не могу себе представить, как это – злиться на тебя.

– Ну, тогда рискну. Будь я трусихой, предоставила бы объясняться дяде Крису, а сама просто удрала.

– Нет, только не это! Наша встреча – настоящее чудо, и я ни за что от него не откажусь. Говори что угодно, только не удирай.

– Ты просто взбесишься...

– На тебя – ни за что!

– Ну еще бы на меня! Я положительный персонаж в этой пьесе, ничего не натворила. А вот дядя Крис...

– Он же твой дядя, как можно! Кроме того, вздул меня когда-то по первое число бамбуковой тростью, а это создает некоторую близость... Давай, выкладывай все начистоту!

Джилл задумалась. Она обещала начать с самого начала, но где оно, это начало?

– Ты слышал о капитане Кидде? – заговорила она наконец.

– Не увиливай!

– Нет, серьезно! Слышал?

– О пирате? Ну разумеется!

– Так вот, дядюшка Крис – его потомок по прямой линии. Это все объясняет.

Уолли смотрел озадаченно.

– А нельзя ли попонятнее?

– Можно в нескольких словах, но получится ужасно грубо.

– Ничего, давай.

– Дядя Крис украл твою квартиру.

Уолли задумчиво покивал.

– Украл, стало быть... Понятно.

– Да ничего не понятно! Придется все-таки начать сначала...

Эпопею о похождениях майора Кристофера Сэлби в Нью-Йорке Уолли слушал с благодарным вниманием. Какие бы чувства его ни обуревали, скуки среди них не было.

– Так вот оно и вышло, – закончила Джилл.

Уолли помолчал, переваривая услышанное.

– Ясно теперь, – хмыкнул наконец он. – Хоть рекламу в журнале давай: «Зачем платить за квартиру? Завладейте чужой!»

– Примерно так, – согласилась Джилл.

Уолли вдруг разразился хохотом.

– Ну и жук!

Джилл испытала невероятное облегчение. При всей ее показной храбрости выкладывать сомнительную историю не доставляло удовольствия. Даже обладая чувством юмора, трудно смеяться над тем, что у тебя украли жилье.

– Я так рада, что ты не сердишься!

– Конечно нет.

– Тут мало кто не рассердился бы.

– Большинство людей – тупицы.

– Как же здорово, что хозяин – ты! А вдруг это был бы кто-то совсем чужой, что тогда делать?

– Да никакой разницы – ты покорила бы его за две минуты. Перед тобой никто не устоит.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Я говорю только чистую правду. Джордж Вашингтон был такой же.

– Значит, ты не станешь возражать, если дядя Крис устроит тут сегодня званый обед?

– Даю свое благословение.

– Ты настоящий ангел! – благодарно вздохнула Джилл. – Судя по всему, этот обед для дяди очень важен. Он пригласил одну очень богатую женщину, которая принимает его у себя, некую миссис Пигрим...

– Миссис Уоддсли Пигрим?

– Да, кажется. Ты что, знаешь ее?

– Очень хорошо знаю. Она тянется к богеме и привечает всех, кто пишет, рисует и так далее. Кстати, я дал Фредди Руку рекомендательное письмо к ней.

– Фредди?!

– Ну да. Он внезапно решил побывать в Америке и пришел ко мне за советом. Отчалил дня за два до меня. Должно быть, теперь уже в Нью-Йорке, если только не двинулся дальше во Флориду – своих дальнейших планов он мне не раскрывал.

Джилл резко приуныла. Как бы ни был хорош Фредди, он принадлежал к завершенной главе ее жизни, которую она изо всех сил старалась забыть. Как думать о нем, не вспоминая Дерека, а это все равно что касаться обнаженного нерва. Поэтому новость неприятно поразила ее. Случайных встреч в Нью-Йорке и без того уже хватало. Сумеет ли она избежать очередной, с Фредди? Трудно найти кого-то милее и добросердечнее, но тонкости и деликатности, столь полезных в щекотливых ситуациях, он лишен начисто. У Фредди что на уме, то и на языке. Инстинкт подсказывал, что при встрече он непременно заговорит о Дерекe. А если вспоминать Дерекa все равно что касаться обнаженного нерва, то заговорить о нем – хуже, чем этот нерв ущипнуть. Джилл зябко передернула плечами.

Уолли отличался наблюдательностью.

– Ты не обязана с ним встречаться, если не хочешь, – заметил он.

– Ну, вообще-то... – протянула Джилл.

– Нью-Йорк – город большой... Кстати, возвращаясь к захватывающей теме моего жилища... Твой дядя тут ночует, не знаешь?

Джилл благодарно взглянула на него. Вот кто лишнего никогда не скажет. Тактично дал понять, что нежелание встречаться с Фредди – ее личное дело. Взял и легко сменил тему – как приятно!

– Кажется, говорил, что не ночует.

– Что ж, неплохо. Чертовски любезно с его стороны. Интересно, смогу ли я вернуться сюда хотя бы после одиннадцати вечера? К тому времени застолье, наверное, закончится. Насколько я знаю миссис Пигрим, она захочет пойти куда-нибудь потанцевать – плясунья еще та.

– Даже не знаю, как извиняться... – покаянно начала Джилл.

– Не стоит, – отмахнулся Уолли, – все нормально.

Его взгляд упал на каминную полку, уже не впервые в ходе беседы. В спешке Джилл поставила снимок лицом к стене, и Уолли явно ранило такое обращение с его драгоценным достоянием. Не вытерпев, он подошел и перевернул карточку, затем еще постоял у камина, глядя на нее. Джилл про снимок уже забыла, но теперь любопытство вернулось.

– Где ты это раздобыл?

– А, так ты видела? – обернулся Уолли.

– Как раз рассматривала, когда ты вдруг появился и до смерти меня напугал.

– Мне его продал Фредди четырнадцать лет назад.

– Уже четырнадцать?

– Будет в июле, – уточнил Уолли. – Я заплатил ему пять шиллингов.

– Ничего себе! – возмутилась Джилл. – Ну и хапуга! Небось, последние твои деньги.

– Вообще-то, даже чуть больше. У меня было три шиллинга и шесть пенсов. Однако Провидение смилостивилось, и как раз в то утро помощник викария оставил без присмотра ящик для пожертвований на деревенский орган... Воровские наклонности вкупе с лезвием перочинного ножика творят чудеса! Никогда больше деньги не доставались мне так быстро. – Уолли снова глянул на снимок. – Впрочем, тогда я полагал иначе. Пока вскрывал коробку, раз десять умирал мучительной смертью. Ты замечала, как долго тянется время, когда извлекаешь шиллинг и шесть пенсов из чужой кассы? Казалось, прошли века! Ах да, с тобой же такого не бывало.

– Бедняжка!

– Оно того стоило.

– Так и хранишь его с тех пор?!

– Не расстанусь за все миллионы миссис Пигрим! – воскликнул он неожиданно горячо. – Правда, она и не предлагала.

Наступило молчание. Джилл украдкой поглядывала на Уолли и видела его по-новому, чувствуя робость и смущение. Молодой человек будто ожил в ее глазах, обнаружив скрытые глубины своей души.

– Пат умер, – первой подала голос Джилл, ощутив необходимость хоть что-то сказать.

– Мне нравился Пат.

– Подобрал какую-то отраву, бедняга... Кажется, с тех пор прошла вечность.

– А по мне, все было как будто вчера. Интересно, кому теперь принадлежит ваш старый дом?

– Я что-то слышала о новых хозяевах... – задумалась Джилл. Странная неловкость пропала, говорить стало легче. – Фамилия... вроде бы Дебенхэм.

Вновь наступила тишина. Ее нарушил звонок в дверь, словно будильник, рассеявший сон.

– Твой дядя, – кивнул Уолли.

– Ты что, хочешь его впустить?

– Вообще-то, собирался.

– Если дядя тебя увидит, его удар хватит!

– Ничего, пускай глянет на дело в свете арендной платы. Почему бы и мне не получить удовольствие от его проделки?

Уолли вышел из гостиной, и стало слышно, как открывается входная дверь. Джилл ждала, затаив дыхание. Жалость к дяде боролась с мыслью более суровой: «Так ему и надо!»

– О, привет! – донесся голос Уолли.

– Привет-привет! – послышался в ответ знакомый бодрый голос с лондонским выговором. – Слушай, ну и высоко же ты угнезвился! Лестница в небеса, да и только. Иду, гадаю, застану ли тебя, и все такое прочее...

Джилл в смятении огляделась, будто зверек в западне. Как ни абсурдно, но каждый нерв ее тела протестовал против встречи с Фредди. От одного его голоса заныли старые раны.

Подбежав к двери гостиной, она прислушалась. В конце коридора невидимый Фредди, судя по шороху, снимал пальто. Она на цыпочках метнулась в другую сторону, к спальне. Окно здесь выходило на широкую крышу, вид с которой так хвалил дядя Крис. Джилл бесшумно выскользнула наружу, прикрыв за собой створку.

2

– Послушай, Мейсон, старина! – воскликнул Фредди, входя в гостиную. – Надеюсь, ты не в обиде, что я так запросто нагрянул? Просто сердце не на месте, дела какие-то мутные творятся, а у меня тут больше ни души, с кем их обсудить. Честно говоря, не очень и надеялся, что ты уже в Нью-Йорке, хотя вроде бы тогда в Лондоне собирался вот-вот домой. Ну, отыскал я тебя в телефонной книге и попытал счастья. Чертовски рад, что ты здесь. Давно вернулся?

– Сегодня днем.

– Я тут уже дня два-три. Повезло, что застал тебя. Понимаешь, такое дело, мне нужен совет по поводу...

Уолли глянул на наручные часы. Бегство Джилл его не удивило, ее чувства были вполне понятны, и незваного гостя хотелось поскорее спровадить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.